

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (21) / 2021

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2021

№ 2 (21) / 2021 / ИЮНЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВоГУ по научной работе,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель (учитель русского языка и литературы) ГБОУ Школа № 597 «Новое поколение» (Москва),

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 2 (21) / 2021

Series: History and Philology

VOLOGDA
2021

No. 2 (21) / 2021 / June. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Director for Science, the Humanities Institute, Vologda State University

Ludmila V. Egorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Russian Language and Literature Teacher at School No 597 «New Generation» (Moscow)

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 202a, S. Orlov Street, 6, Vologda, 160000

Tel.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

E-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> ДВА ЮБИЛЕЯ В НАШЕЙ ИСТОРИИ (ГОД 800-ЛЕТИЯ СО ВРЕМЕНИ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО (1221–1263), КНЯЗЯ НОВГОРОДСКОГО, КНЯЗЯ ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КИЕВСКОГО, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРСКОГО И 785-ЛЕТИЯ СО ВРЕМЕНИ РОЖДЕНИЯ ГЛЕБА ВАСИЛЬКОВИЧА (1236–1278), КНЯЗЯ БЕЛОЗЕРСКОГО И РОСТОВСКОГО)	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Киселева О.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ	11
<i>Столетова А.С.</i> РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБЫДЕННОСТИ 1950-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ РАБОЧИХ В ЦК КПСС)	17
<i>Федоров А.Б., Бредихин А.Л.</i> «НЭП»: ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ (К СТОЛЕТИЮ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»)	22

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гладких С.А.</i> ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ: ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.	26
<i>Есинов В.В., Егорова Л.В.</i> ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 1	33
<i>Ефремова Л.Л., Першина А.Б.</i> ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ ПОЭТА С.С. ОРЛОВА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)	42
<i>Иванова В.Я.</i> ВЕЧНОСТЬ В КОНЦЕ РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА	47
<i>Зейферт Е.И.</i> ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЗАВЕДОМАЯ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ БОРОДИНА	54

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Амахина С.Р.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В СТРУКТУРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА	59
<i>Астахина Л.Ю.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ УСТРАНЕНИИ ПСЕВДОПАКСОВ	62
<i>Бурсина О.А.</i> ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ СИНХРОНИЧЕСКОГО СРЕЗА: 2020–2021 ГГ.)	65
<i>Комлева Н.В., Рябова Е.В.</i> РОЛЬ БЕЗЫМЯННОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЦИКЛЕ И.А. БУНИНА «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ» (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «КАВКАЗ» И «ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ»)	70
<i>Судаков Г.В.</i> КОГДА СОЧИНЕНА «ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ» (ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА)	74

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С.</i> НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	79
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГОРБУНОВ А. Н. КОНЕЦ ВРЕМЕН И ПРЕКРАЩЕНИЕ ДНЕЙ. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННОСТИ ШЕКСПИРА. Москва: Прогресс-Традиция, 2019. 592 с.	83
<i>Зорина Л.Ю.</i> О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 999.014.03 В 2020 ГОДУ	86
<i>Котов П.П.</i> ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПРИ СЫКТЫВКАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1996–2007 ГОДАХ	89
ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ НАКЛЕЙЩИКОВОЙ	98
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	108

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> TWO ANNIVERSARIES IN RUSSIAN HISTORY: THE 800TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ALEXANDER YAROSLAVICH NEVSKY (1221–1263) PRINCE OF NOVGOROD, PRINCE OF PERESLAVL-ZALESSKY, GRAND PRINCE OF KIEV AND GRAND PRINCE OF VLADIMIR AND THE 785TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF GLEB VASILKOVICH (1236–1278) PRINCE OF BELOZERSK AND PRINCE OF ROSTOV	7
---	---

HISTORY

<i>Kiseleva O.A.</i> ON THE PROBLEM OF STUDYING SOCIAL REVOLUTIONS IN MODERN HISTORY	11
<i>Stoletova A.S.</i> DIVISION OF INDUSTRIAL SOCIETY IN CONDITIONS OF A NEW DAILY ROUTINE IN THE 1950S (ON THE EXAMPLE OF WORKERS ' LETTERS TO THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU)	17
<i>Fedorov A.B., Bredikhin A.L.</i> «NEP»: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION (TO THE CENTENARY OF THE «NEW ECONOMIC POLICY»)	22

LITERATURE STUDY

<i>Gladkikh S.A.</i> FROM FOLKLORE TO LITERATURE: DIARIES AND MEMOIRS OF THE LOWER RANKS OF THE RUSSIAN NAVY AT THE TURN OF THE 20 TH CENTURY	26
<i>Esipov V.V., Egorova L.V.</i> VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 1	33
<i>Efremova L.L., Pershina A.B.</i> THE REVIEW OF DOCUMENTS ON THE FAMILY HISTORY OF THE POET SERGEI ORLOV FROM THE VOLOGDA REGION STATE ARCHIVE (THE TURN OF THE 20 TH CENTURY)	42
<i>Ivanova V.Ya.</i> ETERNITY IN THE ENDINGS OF STORIES AND NOVELLAS BY VALENTIN RASPUTIN	47
<i>Seifert E.I.</i> INTELLIGENCE AS A DELIBERATE BENEVOLENCE IN THE POETRY OF VASILY BORODIN	54

LINGUISTICS

<i>Amakhina S.R.</i> TERMS IN THE STRUCTURE OF TECHNICAL TEXT	59
<i>Astakhina L.Yu.</i> VOCABULARY FINDINGS IN THE HISTORY OF RUSSIAN WITH ELIMINATION OF PSEUDO-HAPAXES	62
<i>Bursina O.A.</i> EXTRALINGUISTIC CAUSES OF INTRODUCING NEW WORDS AND MEANINGS IN ENGLISH (ON THE EXAMPLE OF NEOLOGISMS OF 2020–2021)	65
<i>Komleva N.V., Ryabova E.V.</i> THE ROLE OF ANONYMOUS CHARACTERS IN I.A. BUNIN'S COLLECTION OF SHORT STORIES «DARK ALLEYS» (ON THE EXAMPLES OF SHORT STORIES «CAUCASUS» AND «COLD AUTUMN»)	70
<i>Sudakov G.V.</i> WHEN «THE TALE OF FROL SKOBEYEV» WAS COMPOSED (BASED ON THE LANGUAGE ANALYSIS)	74

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Beznin M.A., Dimoni T.M., Stoletova A.S.</i> SCIENTIFIC SEMINAR ON THE PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY	79
<i>Egorova L.V.</i> BOOK REVIEW: GORBUNOV, A. N. «IS THIS THE PROMISED END?» Shakespeare's predecessors and contemporaries. Moscow, 2019. – 592 p.	81
<i>Zorina L.Yu.</i> DISSERTATION COUNCIL (Д 999.014.03) CONTINUES TO WORK: 2020 RESULTS	83
<i>Kotov P.P.</i> DISSERTATION COUNCIL ON NATIONAL HISTORY AT SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY IN 1996–2007	89
IN MEMORY OF LYUDMILA MIKHAILOVNA NAKLEISHIKOVA	98
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	110

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета*

ДВА ЮБИЛЕЯ В НАШЕЙ ИСТОРИИ

(Год 800-летия со времени рождения Александра Ярославича Невского (1221–1263), князя Новгородского, князя Переславля-Залесского, Великого князя Киевского, Великого князя Владимирского и 785-летия со времени рождения Глеба Васильковича (1236–1278), князя Белозерского и Ростовского)

В текущем году в соответствии с Указом Президента РФ Владимира Путина от 24 июня 2014 г. в стране проходит череда мероприятий в связи с празднованием 800-летия со дня рождения Александра Невского. Основные мероприятия приурочены к событиям из его жизни и государственным российским праздникам. В план празднования включено шесть мероприятий, которые организует Министерство науки и высшего образования, самое масштабное из них – Всероссийский студенческий фестиваль «Двенадцать подвигов Александра». Также будут проведены две международные конференции об образе воина и политика Александра Невского и научная конференция о внешней политике князя. Минобрнауки России, кроме того, проведет соревнования по киберспорту и Всероссийский конкурс дизайна «Точка RU», посвященные Александру Невскому и истории Древней Руси.

Этот год ознаменован еще одной, крайне памятной для вологжан датой – 785-летием со дня рождения первого Белозерского князя Глеба Васильковича, младшего сына Ростовского князя Василько (Василия) Константиновича, двоюродного племянника Александра Невского. Глеб родился на 15 лет позже своего знаменитого дяди – 2 мая 1237 (или 1236) г., но они станут соратниками и единомышленниками в определении путей развития русских земель в то непростое время.

В 1238 г. отец Глеба, Ростовский князь Василий Константинович, во время битвы на реке Сить с монгольскими войсками был взят в плен и убит. Епископ Ростовский Кирилл, придя на поле сражения, предал погребению погибших православных воинов, отыскал обезглавленное тело его родного дяди Великого Владимирского князя Юрия Всеволодовича и перенес останки обоих в Ростов – в Успенский собор.

После смерти Василия Константиновича Ростов остался за его старшим сыном, Борисом, а Белоозеро и Устюг были выделены в удел (Белозерское удельное княжество) для младшего – Глеба.

В это же время во Владимире великокняжеский престол занял брат погибшего на Сити Юрия Всеволодовича Переславль-Залесский князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского (1221–1263). В 1243 г. Ярослав Всеволодович направляется в ставку Батые, где получает ярлык на Владимирское и Киевское княжение, чем было признано его старшинство над русскими князьями.

В 1245 г. в ставку Батые отправилась представительная княжеская делегация Северо-Восточной Руси во главе с Великим князем Киевским и Владимирским Ярославом, его братьями и князьями ростовского дома, включая Глеба Белозерского.

Кроме того, именно в 1245 г. в Орду были вызваны Даниил Романович Галицкий и Михаил Всеволодович Черниговский, где последний и нашел свою героическую смерть.

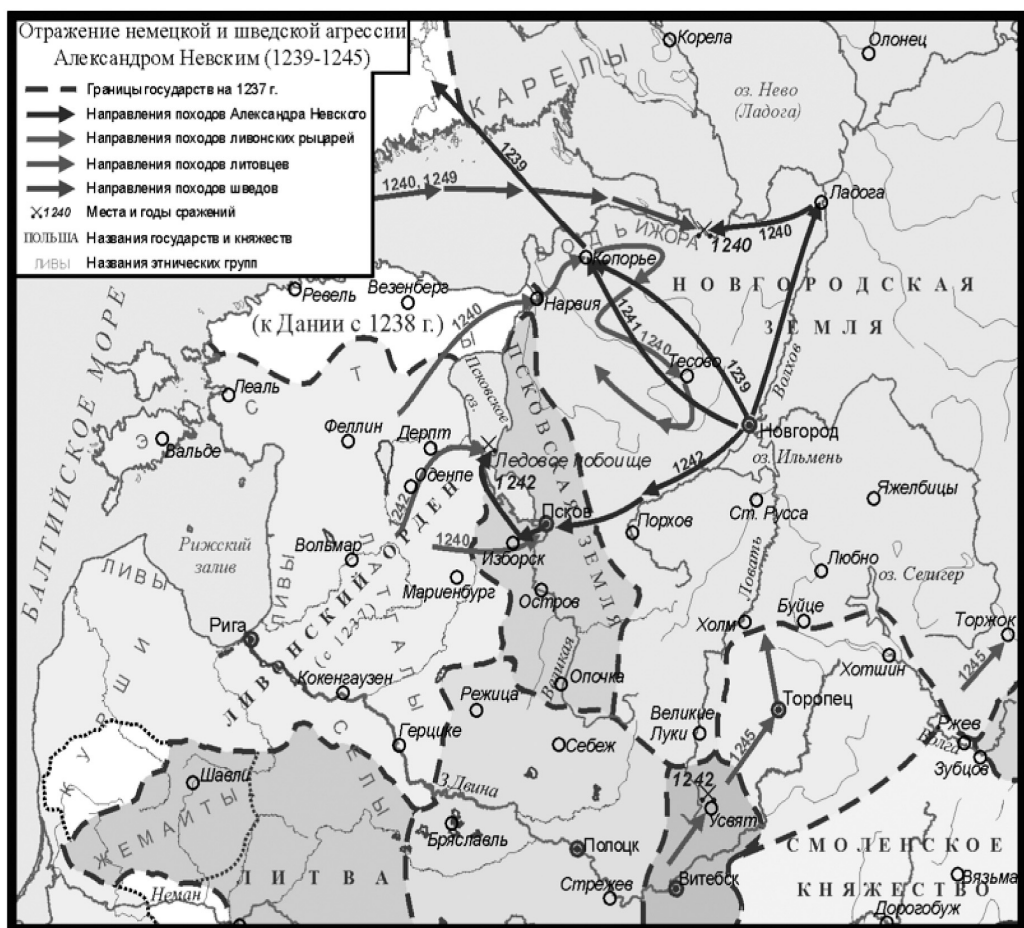
«Въ лѣто 6753 (1245). <...> Того же лѣта князь велики Ярославъ Всеволодовичъ <...> з братьею своею, и з братаничемъ своимъ со княземъ Владимиромъ Константиновичемъ, и з братанича его Василка Ростовскаго съ сынами Борисомъ и Глебомъ и братанича его Всеволода съ сыномъ Василиемъ Всеволодичемъ <...> поиде во Орду къ царю Батью».

В 1246 г. Великий князь Ярослав Всеволодович был вызван в Карокорум, столицу Монгольской империи. Он прибыл туда в августе, где был свидетелем воцарения великого хана Гуюка, но в сентябре 1246 г. нашел в Монголии свою смерть. Два его старших сына, Александр Невский и Андрей, вскоре отправились туда же для получения ярлыков на княжение во Владимире, в Киеве и Новгороде Великом.

В 1249 г. в Карокодуме Александру Невскому был выдан ярлык на киевское княжение и «всю русскую землю», а Андрею – на владимирское княжение. К ним во Владимир приезжают все князья Ростовского дома: Василий Ярославский, Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Владимир Угличский. Во время этой поездки неожиданно умирает Василий Ярославский и, как отмечается в летописях, на его похоронах присутствуют Александр Невский, Глеб с братом Борисом, и их мать княгиня Мария. В этом же году в возрасте 12 лет Белозерский князь Глеб едет в Орду к сыну Батые – Сартаку для получения нового ярлыка на Белозерское княжение: «Въ лѣто 6757 (1249). Князь Глѣбъ Василковичъ <...> ходи в Орду къ Батьеву сыну ко царю къ Сартаку; царь же Сартак почти его зѣло и отпусти въ свою его отчину».

В 1251 г., достигнув совершеннолетия, Глеб (в возрасте 14 лет) покидает Ростов и переезжает в свой Белозерский удел.

В 1257 г. Александр Невский вместе с князьями Андреем Суздальским, Борисом Ростовским и Глебом Белозерским едет в Карокорум к новому (с 1251 г.) Великому хану Мунке. Глебу было уже 20 лет. Там он женился на монгольской княжне, которая согласилась

Отражение немецкой и шведской агрессии Александром Невским в 1239–1245 гг.

принять крещение с именем Феодора. Великий князь Александр Невский был свидетелем этой свадьбы. Вместе с молодой женой и старшим братом Глеб возвращается в Ростов. «И бысть, – замечает летописец, – в Ростове радость велика о Глебовом приезде».

В 1259 г. летописи сообщают о приеме, который устроили Александру Невскому, проезжавшему из Новгорода во Владимир, Ростовский князь Борис и Белоозерский князь Глеб: «чтиша князя Александра с любовью».

В конце 1263 г. Александр Невский умирает.

В 1277 г., по смерти брата своего Бориса, Глеб занял Ростовское княжество, соединив под своей властью Ростов и Белоозеро. Это соединение двух княжеств под одной властью при поддержке хана Менгу-Тимура делало Глеба Васильковича одним из сильнейших удельных князей на Северо-Востоке Руси. В 1278 г. он ушел из жизни.

Как видим, деятельность Александра Невского и его двоюродного племянника Глеба Белоозерского во многом схожа. Обоим выпала нелегкая доля укрепления основ политической власти в сложнейших условиях монгольского владычества на Руси. И тот и другой не шли на конфликт с монголами и действовали прагматично, как оказалась, во имя высоких целей укрепления и воссоединения Руси.

Говоря о событиях 1240 г., когда в Невской битве новгородцы во главе со своим служилым князем

Александром Ярославичем победили шведских рыцарей и когда два года спустя, в Ледовом побоище на Чудском озере, они одержали победу над рыцарями Тевтонского ордена, следует отметить, что это были крайне важные победы для укрепления западных границ Новгородской республики, а в последующем, с конца XV в., – и для единого русского государства. Петр I, перенеся мощи князя в основанную им Александром-Невскую Лавру, именно это имел в виду, подчеркивая роль Александра Невского как государственника, как воина-правителя и как покровителя Санкт-Петербурга.

Примечательно, что XIII век породил целую плеяду политиков, бескорыстно служивших Отечеству и за то причисленных Русской православной церковью к лику святых.

Через несколько лет после смерти Александра Ярославича в его честь была написана «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра». Прозвище «Невский» князь Александр получил много лет спустя – в начале XV в. – середине XVI в. В 1547 г. Александр был причислен к лику общерусских святых в качестве монаха (перед смертью по устоявшейся традиции принял постриг под именем Алексей) и благоверного князя. При Петре I, после перенесения его мощей в Санкт-Петербург, прозвище «Невский» стало уже неразрывно связано с именем князя.

Святой Александр Невский. Фреска, 1666 год, Москва, Кремль, Архангельский собор, роспись юго-восточного столпа

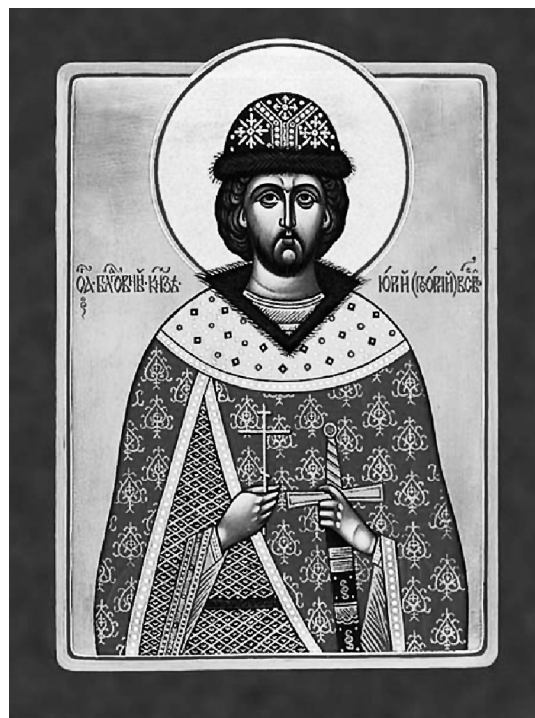
В 1572 г. к лику святых был причислен дед князя Глеба Белозерского (по линии матери Марии Михайловны († 1271)) Черниговский князь Михаил Всеволодович, казненный по приказу Батыя за отказ поклониться языческим идолам в 1245 г.

Святой мученик благоверный князь Михаил Черниговский

В 1645 г. был прославлен в лике святых Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, родной

дядя Александра Невского и отца князя Глеба Белозерского, Константина Всеволодовича, погибший в 1238 г. в борьбе с татарами на реке Сить.

Святой Благоверный князь Георгий (Юрий) Всеволодович Владимирский

В свое время (точно даты не известно) был также прославлен в лике святых отец Глеба Васильковича и двоюродный брат Александра Невского Ростовский князь Василько Константинович.

Святой благоверный князь Василий Ростовский. Икона. XVIII век

Наконец удостоился прославления как местночтимый святой и сам Глеб Василькович. В 1964 г. он был сопричтен к Собору Ростово-Ярославских святых.

*Святой благоверный князь Глеб Белозерский. Настенная роспись.
Кафедральный собор преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких, г. Череповец*

В XIX–XX вв. в национальном сознании образы предков, храбро противостоящих недругам, в особенности образ святого Александра Невского, стали превращаться в героический символ народной, российской истории. В годы Великой Отечественной войны победы Александра Невского над немецкими рыцарями

стали мощным фактором формирования патриотических чувств солдат Красной армии.

В современной России Александр Невский и его сподвижники являются национальными символами, которые обеспечивают преемственность прошлого нашей нации с днем сегодняшним.

УДК 94(73)

О.А. Киселева

Вологодский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются методологические модели, используемые российскими учеными для исследования истории социальных революций Нового времени. Автор показывает содержание трех основных подходов к их изучению – конкретно-исторического, сравнительного (компаративного) и теоретического. Акцент сделан на анализе предложенного М.А. Баргом и Е.Б. Черняком теоретического подхода, вызывающего несомненный интерес, но требующего дальнейшего осмысления и углубленной разработки.

М.А. Барг, капитализм, внутриформационные революции, межформационные революции, переходная эпоха, реформа, социальные революции, циклы революций, феодализм, Е.Б. Черняк.

В современных условиях развития гуманитарного знания и продолжающегося процесса модернизации высшего образования в России резко возрастает значение теоретических проблем, связанных с ходом исторического процесса, его движущими силами и моделями. Осознание и разрешение их тем более актуально, что сегодня назрела потребность более тесной интеграции научного поиска и образовательного пространства. Эта интеграция осуществляется в высшей школе самыми различными способами – при помощи углубленного изучения дисциплин методологического и теоретического характера в магистратуре, путем практической реализации различных подходов к интерпретации исторического процесса в магистерских и иных диссертационных исследованиях. Это серьезно актуализирует вопрос о необходимости нового научного осмысления переходных эпох в истории общества вообще и западно-европейского социума в частности. Важнейшей составной частью переходной эпохи от «Старого порядка» к Новому времени стали социальные революции XVII–XVIII веков, а проблема их роли и места в генезисе индустриальной (новой) цивилизации крайне важна и в зарубежной науке вызвала острейшие дискуссии долгое время [15].

История социальных революций вообще и буржуазных революций XVII–XVIII в. в частности принадлежит к научным проблемам непреходящего исторического и социологического интереса. Их изучение в России имеет глубокие традиции. В конце XIX – начале XX в. труды Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.А. Кропоткина, И.В. Луцицкого, П.Г. Мижуева, А.Н. Савина стали важным вкладом в мировую историографию. Позднее работы видных советских ученых А.В. Адо, С.И. Архангельского, М.А. Барга, Е.А. Косминского, В.М. Лавровского, Я.А. Левицкого, Г.Р. Левина, Н.М. Лукина, А.З. Манфреда, В.Г. Ревуненкова, Г.Н. Севостьянова, Е.В. Тарле,

А.А. Фурсенко и многих других также получили широкое признание. При этом все они были выполнены на основе марксистского формационного подхода. Среди российских исследователей социальных революций Нового времени, как правило, не возникало принципиальных разногласий относительно объекта изучения и его оценки. Исключение составила острейшая дискуссия по вопросу о социальной природе и характере якобинской диктатуры в эпоху французской революции XVIII в.

Для советской историографии французская революция была одной из важных тем. Историки советской эпохи восприняли и активно развивали выдвинутую еще исторической мыслью эпохи Реставрации (1814–1830) так называемую «классическую» интерпретацию французской революции. Разделявшие ее ученые, исходя из классового подхода к анализу событий XVIII века, оценивали французскую революцию как буржуазную, обусловленную изменениями в социальной структуре общества и стремлением разбогатевшей буржуазии к закреплению нового – буржуазного – вида собственности и к овладению политической властью.

В марксистской историографии вообще и в советской в частности французская революция рассматривалась как сложный, многокомпонентный, но внутренне единый процесс, прошедший в своем развитии две фазы: «восходящую», вершиной которой признавалась якобинская диктатура, и «нисходящую», начавшуюся после переворота 9 термидора 1794 года. Главной особенностью «восходящей» линии революции, согласно этой интерпретации, было то, что на каждом из последующих этапов к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, возрастало влияние широких слоев населения на ход событий, все более последовательными становились буржуазные преобразования. Напротив, смысл переворота 9 термидора 1794 года заключался, по мнению

сторонников этой концепции, в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной элите общества. Хронологические границы «нисходящей фазы» и революции в целом – вопрос, дискуссионный до сих пор. Французские историки периода Реставрации Ф. Минье и А. Тьер, первыми оценившие эту революцию как акт классовой борьбы между буржуазией и дворянством, относили ее к периоду 1789–1814 годов, считая Консульство (1799–1804) и Первую империю (1804–1814) закономерными этапами революции. А. Олар, глава буржуазно-республиканской школы во французской историографии, сложившейся на рубеже XIX–XX веков, ограничивал ее 1789–1804 годами, исключая наполеоновскую империю из революционного цикла [10]. Отечественные историки Н.И. Кареев и Е.В. Тарле определяли ее временные рамки 1789–1799 годами, считая государственный переворот 18 брюмера 1799 года «завершением революции» [7]. Именно этой точки зрения придерживалась часть советских и большинство современных отечественных ученых. В то же время А.З. Манфред, один из крупных советских специалистов по истории Франции, опубликовавший в 1970-х годов ряд работ, посвященных истории революции, признавал революционным лишь пятилетие 1789–1794 годов, квалифицируя переворот 9 термидора 1794 года как «конец революции» [9].

Возникает вопрос, какая из предложенных периодизаций является наиболее корректной? Ответ на него дал видный французский историк второй половины XX века Ф. Фюре в работе «Постижение французской революции»: «Даже на коротком промежутке ее очень трудно “датировать”: в зависимости от тех идей, которыми историк определяет важность событий. Он может ограничить ее одним 1789 годом, когда была достигнута конечная цель – ушел в небытие Старый порядок, или же продлить до 1794 года, до казни Робеспьера, подчеркивая этим значение диктатуры и секций, якобинской эпопеи, крестового похода за независимость. Можно идти и далее, вплоть до 18 брюмера... Или даже зачислить в революцию наполеоновскую эпоху... У всех подобных периодизаций есть, конечно, своя логика» [17, с. 112]. Таким образом, очевиден условный характер периодизации Великой французской революции, как и любой периодизации вообще, так как ее характер всецело зависит от критериев, взятых тем или иным ученым за основу разделения непрерывного исторического процесса на отдельные фазы и этапы.

В работах Ф. Фюре и Д. Рише в середине 1960-х годов окончательно оформилась «ревизионистская» концепция революции, отвергавшая «классическое» представление о революции XVIII века как о едином антифеодальном, буржуазном движении и трактовавшая события во Франции конца XVIII века как переплетение трех совпавших по времени, но различных революций: революции либерального дворянства и буржуазии, отвечавшей как духу философии XVIII века, так и интересам капиталистического развития страны; архаичной по своим целям и результатам кре-

стьянской революции, не столько антифеодальной, сколько антибуржуазной и антикапиталистической; плебейской революции, враждебной буржуазии, и потому – реакционной [17].

Таким образом, с точки зрения авторов данной концепции, прогрессивный характер имела лишь так называемая революция «элит», то есть период господства буржуазно-дворянского блока в 1789–1792 годах. Напротив, народные движения, якобинская диктатура и ее социально-экономическая политика оценивались как консервативные, задержавшие поступательное развитие страны по капиталистическому пути.

Своеобразным «откликом» на дискуссию в зарубежной историографии между сторонниками «классической» интерпретации революции (убежденным приверженцем ее был А. Собуль, директор Института истории французской революции в Сорбонне) и авторами «ревизионистской» концепции стал симпозиум «Проблемы якобинской диктатуры», состоявшийся в 1970 году в Институте Всеобщей Истории АН СССР (далее – ИВИ АН). В нем приняли участие известные советские ученые – А.В. Адо, Л.С. Гордон, В.М. Далин, А.В. Ефимов, А.З. Манфред и др. В центре полемики оказались вопросы о социальной природе якобинства¹, характере диктатуры, отношениях между народным движением и якобинской властью. Непосредственным поводом к созыву симпозиума стал выход в свет исследований ленинградского историка В.Г. Ревуненкова, в которых автор сформулировал свою оценку якобинского этапа революции. В.Г. Ревуненков, опираясь на накопленные в отечественной и зарубежной историографии новые материалы и глубоко изучив, в первую очередь, взаимоотношения революционного правительства и плебейства, выдвинул в значительной степени альтернативную концепцию, суть которой можно свести к ряду основных положений. Якобинская диктатура явилась высшей ступенью в развитии французской революции, так как, во-первых, завершила реализацию стоявших перед ней задач буржуазного характера, ликвидировав декретом 17 июля 1793 года феодальные отношения в деревне и разрешив тем самым главный – аграрный – вопрос. Во-вторых, она добилась победы над коалицией европейских держав в битве при Флерюс в июне 1794 года, после которой военные действия были перенесены за пределы территории Франции, и тем самым была «снята» угроза утраты страной национального суверенитета. В-третьих, якобинцы эффективно боролись против внутренней контрреволюции. По своей социальной природе якобинская власть была диктатурой буржуазного типа и опиралась на новых, обогатившихся во время революции крупных собственников и массу средней буржуазии. Именно поэтому ее политика имела «двойную заостренность»: против роялистско-жирондистской контрреволюции, с одной стороны, и против трудящихся масс – с другой. Все возраставший отрыв якобинской диктатуры от трудящихся слоев населения, от санкюлотов создал предпосылки для государственного переворота 9 термидора 1794 года. Якобинской диктатуре противо-

¹ Иначе – якобинизма. В литературе до сих пор используются обе транскрипции.

стояла Коммуна Парижа 1793–1794 годов. Ее секции, как зачаточные органы подлинно народной власти, оказывали влияние на Конвент и приобрели значение «второй власти» в государстве. Именно они, а не якобинская диктатура, обладали революционно-демократическим характером [13].

В результате бурных дискуссий подход В.Г. Ревуленкова был признан «внутренне цельным», но «недостаточно убедительным». Большинство участников поддержало позицию А.З. Манфреда и других ученых «московской школы», мнение которых заключалось в следующем. Являясь буржуазной по задачам, французская революция была по своим движущим силам народной, буржуазно-демократической революцией. Именно решающая роль широких слоев населения в этой революции придала ей силу и размах, подняла над другими буржуазными революциями, сообщила ей те классические черты, которые дают основание называть ее «Великой». Якобинский период (июнь 1793 года – июль 1794 года) был ее высшим кульминационным этапом. Якобинская партия по своей социальной природе являлась блоком демократической (средней и мелкой) буржуазии, крестьянства и плебейства, сложившимся исторически в борьбе против контрреволюции и заинтересованном в разрешении главных задач революции. По словам А.В. Адо, «...говоря предельно обобщенно, якобинская диктатура представляла и защищала интересы французского народа». Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними противоречиями. Классовая неоднородность этого блока предопределяла противоречивость политики якобинцев. Якобинцы развивали инициативу народа, поддерживали народные общества и революционные комитеты в департаментах и коммунах, через которые осуществлялись революционные мероприятия. Эта широкая демократия «снизу» сочеталась со строго централизованной (абсолютно необходимой и неизбежной в условиях ожесточенной войны) властью «сверху» в лице Конвента и Комитета общественного спасения. Это сочетание широчайшей демократии и централизации придало якобинской диктатуре революционно-демократический характер. Санкционированный государством на основе Закона о подозрительных (17 сентября 1793 года) террор эпохи якобинской диктатуры был ответом на контрреволюционный террор. Инициатива его исходила от плебейства, требовавшего от правительства «обрушиться на аристократию богатства» и ввести смертную казнь за спекуляцию и сокрытие продовольствия. По своей сущности террор являлся плебейским средством борьбы за углубление революции [9].

Своеобразным рубежом в изучении Великой французской революции стал ее двухсотлетний юбилей, положивший начало новому этапу исследований, отличающемуся многообразием подходов, методик и тем. В зарубежной историографии исчезло абсолютное преобладание «классической» концепции революции. Лежащий в ее основе классовый и экономически-детерминированный подход стал использоваться более корректно. Большинство ученых пришло к мнению, что экономические интересы проявляют себя в

политике лишь опосредованно, через перемены в массовом сознании и духовной культуре. Соответственно, важнейшее место в исследованиях заняло изучение представлений участников революции, характер их самоидентификации с той или иной стороной социально-политического конфликта. На первый план выдвинулись источники и методы, позволяющие обнаружить смысл революционных событий для самих участников и воспринять значение происшедшего через их самосознание. Предпринимаются попытки таким путем определить «мнение революции о самой себе». Революционная проблематика стала дополняться исследованием растянутых во времени процессов, начавшихся задолго до революции и продолжавшихся после нее. Изучение технико-экономического прогресса и демографических циклов, распространения гуманистических ценностей и утверждения демократических институтов, секуляризации массового сознания позволяет по-новому оценить соотношение преемственности и разрыва в ходе революции. Таким образом, научная схема «революции как рубежа между эпохами» уступает место идее исследования длительного, непрерывного эволюционного процесса.

Эти новации нашли отражение в российской историографии. На рубеже XX–XXI вв. в ИВИ РАН был проведен ряд научных конференций в форме «круглых столов», посвященных назревшим проблемам изучения французской революции. В них приняли участие ведущие специалисты: А.В. Адо, С.Ф. Блуменау, Д.Ю. Бовыкин, А.В. Гордон, Е.О. Обичкина, А.В. Тырсенко, З.А. Чеканцева, А.В. Чудинов и др. Вышли в свет солидные документальные публикации, избранные сочинения Л.-А. Сен-Жюста, М.-Ж. Шенье, Ж. Кутона и т.д. В ходе развернувшегося в отечественной исторической науке пересмотра многих аксиом и постулатов касательно истории французской революции XVIII в. были высказаны достаточно резкие критические замечания в адрес марксистской методологии изучения социальных революций Нового времени в целом. По мнению ряда авторов, на нее «наложили отпечаток три тенденции, нередко ведущие к ошибочным выводам: стремление мерить буржуазные революции мерками пролетарских переворотов и считать в них безусловно прогрессивным то, что их хотя бы внешне сближало с пролетарскими революциями; абсолютизация самого состояния революций как высшей ценности, даже после решения ими исторически возможных задач; преувеличение прогрессивного значения плебейских методов борьбы (например, террора. – О. К.)» [18, с. 78–79].

Сегодня различные аспекты революций Нового времени в целом и социальных потрясений мануфактурной эпохи в частности по-прежнему привлекают внимание исследователей [4; 5; 14; 15; 16]. В результате в отечественной науке сформировались три основных подхода к интерпретации истории революций XVII–XIX в. Во-первых, конкретно-исторический, преследующий цель максимально подробно изучить, описать и проанализировать ход каждой из революций. Во-вторых, компаративный, или сравнительно-исторический, направленный на типологизацию революций, выявление в них общих закономерностей развития и особенностей, а также уточнение их места в

становлении индустриальной цивилизации [12]. Наконец, теоретический, связанный со стремлением осмыслить глубинные причины и последствия социальных потрясений Нового времени, квалифицировать в исторических и социолого-политологических категориях типы и роль обусловленных ими изменений. При этом грань, разделяющая исследования, выполненные на основе сравнительно-исторического и теоретического подходов, часто достаточно условна.

В наибольшей степени теоретический подход реализован в работах М.А. Барга и Е.Б. Черняка, строго следовавших формационной теории истории [2; 3]. В соответствии с выводами этих ученых, все революции Нового времени являлись неотъемлемыми компонентами единой эпохи – переходной от феодализма к капитализму. Но при этом они происходили на качественно различных этапах, при менявшемся соотношении традиционного и капиталистического укладов хозяйства. В совокупности они составили так называемые циклы революций. Первым в хронологическом ряду стал английский цикл, включавший в себя революцию середины XVII в., «Славную» революцию 1688–1689 г. и «Великую» избирательную реформу 1832 г. Французский революционный цикл переходной эпохи составили революции конца XVIII в., 1830, 1848–1849 и 1870 г. При этом авторы оценивали революции, «открывавшие» цикл, в качестве «базисных», а революции, следовавшие за ними, – в качестве «надстроечных» [3, с. 39]. Более того, М.А. Барг и Е.Б. Черняк настаивали на том, что в определенном смысле революционные «волны», следовавшие за первой, следует рассматривать как этапы единой революции, без которых она не могла бы заполнить стоявших перед ней задач [3, с. 42].

Возможно, данная и подобные ей схемы несколько упрощенно толкуют реальный исторический процесс и поэтому отчасти носят условный характер. Также относительно условным (это признавали и сами авторы – М.А. Барг и Е.Б. Черняк) выглядит деление революций на «базисные» и «надстроечные». Применение этих дефиниций требует серьезного обоснования, толкования и уточнения. Тем не менее, предложенная модель не лишена познавательного, эвристического интереса, так как представляет собой оригинальную попытку осмысления хода исторического процесса и отражает характер дискуссии о переходной от феодализма к капитализму эпохе.

Участники дискуссии, среди которых были и зарубежные исследователи, сошлись во мнении, что процесс перехода от феодального к капиталистическому способу производства растянулся более чем на три столетия – с XVI – до конца XIX в. При этом они пришли к выводу, что после французской революции XVIII в. прямой связи между трансформацией общества и социальными революциями уже не существовало. В результате событий 1789–1814 г., хронологически совпавших с развертыванием промышленного переворота (вследствие чего иногда применительно к периоду 1760–1830 г. используется термин «двойная революция»), в западноевропейском регионе были созданы условия для завершения капиталистической индустриализации. Это, в свою очередь, повлияло на исторический выбор моделей и путей завершения мо-

дернизационных процессов в XIX веке. Реформистский путь (наряду с революционным) стал вторым главным вариантом развития, явившись органической составной частью становления индустриального общества, а сами реформы приобрели объективно революционное содержание (например, избирательные реформы 1832, 1867, 1884–1885 г. в Англии).

Таким образом, с точки зрения ряда ученых – участников дискуссии, вопрос не должен ставиться так: революция или реформа? Речь должна вестись о диалектическом переплетении революционных и реформистских трансформационных процессов и сдвигов, составивших содержание социально-политической истории XVI–XIX веков [8; 12].

В итоге переходная от феодализма к капитализму эпоха предстала как более сложная, многокомпонентная, нежели просто «эпоха социальных революций» [6]. Условно утверждение капиталистического общества в странах Западной Европы и Северной Америки, сопровождавшееся перенесением присущих ему ценностей в другие регионы земного шара, можно рассматривать как результат трех «революций», итог своеобразной революционной триады. Во-первых, экономического и структурного переворота, связанного с поэтапным становлением капиталистического способа производства – от раннего мануфактурного капитализма к промышленной революции и фабрично-заводскому производству. Во-вторых, социальной и политической трансформации, главным, но не единственным результатом которой было конституирование буржуазии в правящий класс. Наконец, духовной и культурной эмансипации, развивавшейся на основе идей Просвещения о естественном равенстве людей и присущих им неотчуждаемых правах на жизнь, свободу и собственность, о государстве как гаранте этих прав и народе как источнике любой власти.

Одним из узловых моментов дискуссии о переходной от феодализма к капитализму эпохе стал вопрос о типологизации социальных революций Нового времени. Традиционно в отечественной историографии критериями такой типологизации были характер революции и форма, в которой она протекала. Характер социально-политической революции, в свою очередь, определялся стоявшими перед ней задачами, расстановкой социальных сил и степенью влияния на ее результаты демократических элементов. Исходя из этого подхода, советские историки квалифицировали английскую революцию середины XVII в. как классическую буржуазную; североамериканскую революцию XVIII века как буржуазную, в которой был «силен демократический элемент»; а французскую революцию конца XVIII в. как классическую буржуазно-демократическую.

Историки были единодушны во мнении, что по форме, в которой протекали события, английскую революцию следует признать последней религиозной войной: король и его сторонники опирались на поддержку государственной англиканской епископальной церкви, парламентская оппозиция и армия исповедовали пуританизм в виде пресвитерианства и индипендентства. Американская революция приобрела форму антиколониальной войны тринадцати объединившихся провинций против метрополии – Велико-

британии. Французская же отличалась особо напряженной социальной и политической борьбой, которая велась открыто, без использования церковной или антиколониальной риторики. Она была насыщена восстаниями, государственными переворотами; в ходе ее применялся террор, санкционированный государством.

В результате обсуждения большинство ученых поддержали в качестве главного критерия типологии революций Нового времени их место в процессе перехода от феодализма к капитализму и в ходе модернизации общества. На этой основе революции Нового времени были подразделены на межформационные (или, по терминологии немецких ученых Г. Блайбера и В. Шмидта, «революции при феодализме за капитализм») и внутрiformационные («революции при капитализме за капитализм») [1].

Главной задачей межформационных революций была ликвидация феодальных/добржуазных институтов и создание условий для интенсивного, беспрепятственного развития капиталистического уклада, превращения его в доминирующий способ производства. Таковыми являлись английская революция XVII в. и французская революция XVIII в. Война североамериканских колоний за независимость имела много общих с ними черт, так как ее объединяла с двумя первыми принадлежность единой – мануфактурной – стадии развития общества.

Стадиальное единство трех революций выражалось в идентичных задачах, которые они были призваны разрешить; в общих закономерностях социальной борьбы; в распространении аналогичных представлений о моделях реорганизации общественной и политической жизни; в главных результатах и последствиях. Вместе с тем, проявление общих закономерностей в каждой революции имело свою конкретно-историческую специфику и окраску. Она была обусловлена тем, что английское и французское предреволюционное общество, с одной стороны, и американское – с другой, существенно различались по своей социально-экономической и политической структуре.

В отличие от мануфактурной эпохи, предпосылки внутрiformационных революций XIX века складывались в условиях уже институционализированного в основных чертах капиталистического социума, но с сохранявшимися в нем отдельными феодальными/добржуазными элементами/институтами. Такие революции, наряду с задачей уничтожения сохранявшихся добржуазных институтов (например, рабства, как это было в Гражданской войне 1861–1865 г. в США), преследовали в качестве своей цели создание политической организации, адекватной классическому буржуазному обществу, формировавшемуся в ходе промышленного переворота. Кроме того, в ходе некоторых из них (например, во французской революции 1848–1849 г.) со своими требованиями впервые выступил пролетариат. Все это принципиально отличало внутрiformационные революции XIX века от революций XVII–XVIII веков.

Таким образом, за последние десятилетия расширилась тематика исследований по истории социальных революций Нового времени, накоплен и введен в научный оборот новый материал, развивается процесс их концептуального переосмысления. Следует при-

знать, что многие из предлагаемых идей и тезисов имеют характер гипотез и требуют глубокой разработки на основе репрезентативного массива источников. С методологической точки зрения сочетание конкретно-исторического подхода и компаративного анализа революций создает, на наш взгляд, оптимальную модель как их исследования, так и изучения в высшей школе в условиях тесного взаимодействия научного и образовательного процессов.

Литература

1. Блайбер, Г. Европейские революции 1848–1849 гг. в историческом сравнении (К вопросу о типологии и сравнении) / Г. Блайбер, В. Шмидт // Новая и новейшая история. – 1988. – № 3. – С. 45–63.
2. Барг, М. А. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.) / М. А. Барг, Е. Б. Черняк // Новая и новейшая история. – 1988. – № 3. – С. 56–67.
3. Барг, М. А. Великие социальные революции XVII–XVIII вв. в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму / М. А. Барг, Е. Б. Черняк. – Москва : Наука, 1990. – 258 с.
4. Бовыкин, Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции ХУ111 в. / Д. Ю. Бовыкин // Новая и новейшая история. – 2007. – № 1. – С. 48–73.
5. Гладышев, А. В. Французская революция : взгляд из XXI века / А. В. Гладышев // Вопросы истории. – 2007. – № 10. – С. 18–29.
6. Грох, М. От кризиса феодального общества к буржуазной революции / М. Грох // Новая и новейшая история. – 1987. – № 6. – С. 104–116.
7. Кареев, Н. И. Великая французская революция / Н. И. Кареев. – Петроград : Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1918. – 418 с.
8. Коссок, М. 1789 год и новые альтернативы социальной трансформации / М. Коссок // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4. – С. 52–68.
9. Манфред, А.З. Великая Французская революция / А. З. Манфред. – Москва : Наука, 1983. – 432 с.
10. Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804 : перевод с французского / А. Олар. – Москва : Соцэкгиз, 1938. – 979 с.
11. Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // Французский ежегодник, 1970. – Москва : Наука, 1972. – С. 278–313.
12. Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 74–103.
13. Ревуненков, В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры / В. Г. Ревуненков. – Москва : Наука, 1966. – 176 с.
14. Репина, Л. П. Социальные движения и революции XVI–XVII вв. в современной компаративной историографии / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 63–74.
15. Согрин, В. В. Война США за независимость как социально-политическая революция / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 84–98.
16. Таньшина, Н. П. Юбилей Юбилей: итоги 200-летия французской революции для российской и французской историографии / Н. П. Таньшина // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2. – С. 100–119.
17. Фюре, Ф. Постижение французской революции : перевод с французского / Ф. Фюре. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 224 с.
18. Черняк, Е. Б. 1794 год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Е. Б. Черняк // Новая и новейшая история. – 1989. – № 1. – С. 77–95.

O.A. Kiseleva

ON THE PROBLEM OF STUDYING SOCIAL REVOLUTIONS IN MODERN HISTORY

The article deals with the methodological models, which are used to study the social revolutions of the 17th-19th centuries. The author characterizes narrative, comparative and theoretical approaches to interpretation of these historical events. The article gives special attention to the theoretical approach, which is rather advanced but needs serious considering.

M.A. Barg, capitalism, intra- and inter- formation revolutions, transitional period, reforms, social revolution cycles, feudalism, E.B. Chernyack.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБЫДЕННОСТИ 1950-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ РАБОЧИХ В ЦК КПСС)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00269
 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
 классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В статье на примере обзора писем в ЦК КПСС, собранных в фонде Российского государственного архива новейшей истории, исследуется недостаточно освещенная в исторической науке проблема размежевания производственного социума в условиях советской повседневности 1950-х гг. В тексте находят отражение реакции и отклики рабочих коллективов на злободневные противоречия трудовой жизни. Автор приходит к выводу, что сюжеты писем выступают основанием для выработки представлений об образах и социально-психологических характеристиках должностных лиц в измерении и видении трудящихся.

Производственный социум, рабочие, труд, повседневность, менталитет, сознание, трансформация российского общества.

Производственный коллектив в 1950-е гг. оказался вовлеченным в серьезные модернизационные процессы и веяния новой обыденности социально-экономической жизни. Изменения коснулись не только позиций численного роста, процесса пролетаризации колхозников и осознания рабочими себя как класса, но и уклада жизни, социальной психологии, ментальных сторон, мировоззренческих основ сознания личности. Кроме того, в этот период нарастали тенденции противопоставления и противостояния рядовых рабочих и производственной протобуржуазии [4], партийных, хозяйственных управленцев, «надпроизводственного» менеджмента [1; 2], специалистов, рабочей аристократии. С течением времени групповое сознание людей испытывало распад, индивидуализм устремлений приобретал четкие грани. Буржуазный фон и социальная эволюция оказывали влияние на перечень базовых ценностей. Поведенческие клише и идеалы испытывали некий слом, капитализировались [8, с. 432]. В среде региональной элиты и управленцев менялось не только отношение к собственности, трансформировались образ действий и мыслей, в т.ч. к практическим шагам, принадлежности к вопросам совершенствования организации производства [6]. В повседневность рабочего общества проникали явления блага, семейственности, натурального обмена и другие реалии «второй экономики», причем как на бытовом, так и на производственном уровнях. Как писал К.А. Гулин, предприятие могло одновременно выполнять план, находясь в рамках централизованного снабжения, и участвовать в неофициальных рыночных сделках и операциях натурального обмена [5, с. 162]. М.А. Безнин и Т.М. Димони отмечают, что детали процесса трансформации властных полномо-

чий в полномочия прав собственности, происходивших в советский период, не исследованы. Особенно много трудностей в этом вопросе лежит в плане источникового поиска [3, с. 7]. В настоящей статье мы рассмотрим письма рабочих коллективов, как возможный источник, восполняющий пробелы в представлениях о размежевании производственного социума.

В период 1953–1958 гг. значительно увеличилось поступление писем и заявлений трудящихся в ЦК КПСС (см. табл.).

Кроме того, в информации «О характере писем и заявлений трудящихся, поступающих в ЦК КПСС» от 16 октября 1958 г. за подписью заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС Г. Крюкова указано, что претерпевал особые изменения тон и содержательный план писем. Если ранее рабочие и служащие часто указывали на крупные недостатки в снабжении населения хлебом, молоком, маслом, мясом, овощами, картофелем, сообщали о массовых очередях в продовольственных магазинах, а также информировали о нарушениях социалистической законности, неправомерности налогообложения, низких пенсиях, то в канун 1958 г. по этим вопросам писали в меньшей степени. Возросло поступление писем с предложениями по улучшению работы всех отраслей народного хозяйства и деятельности государственных и партийных органов [7, л. 47]. О работе промышленности, строительства и транспорта с 1955 г. по октябрь 1958 г. поступило свыше 50 тыс. писем. Рабочие, инженеры, техники и служащие, специалисты, руководящие работники вносили ценные предложения по улучшению работы предприятий, о дальнейшем совершенствовании организации управления их хозяйственной деятельностью.

Поступление писем и заявлений трудящихся в ЦК КПСС, 1953–1958 гг.

Год	Количество писем
1953	335
1954	368
1955	502
1956	653
1957	600
1958 (за 9 мес.)	422

Составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 285. Л. 47.

Директора промышленных предприятий, секретари партийных комитетов, работники профсоюзных организаций сообщали в ЦК КПСС о том, что материально-техническое снабжение к 1958 г. продолжало оставаться узким местом в работе [7, л. 49]. Так, рабочие Краснолужского машиностроительного завода (УССР) жаловались на систематические простои кузнечно-прессового цеха из-за плохого снабжения, по этой причине с предприятия уходили кадровые и высококвалифицированные рабочие. В письмах рабочих, специалистов и служащих различных отраслей народного хозяйства указывалось, что некоторые руководители предприятий, цехов и участков неумение организовать ритмичную работу восполняют за счет увеличения рабочего дня, грубо нарушая трудовое законодательство. Рабочие из городов Москвы, Ленинграда, Горького, Кемерово, Куйбышева, Украинской, Узбекской, Казахской ССР высказывали недовольство по поводу искажений, допускаемых на предприятиях при пересмотре норм выработок, снижения расценок, бездушного отношения к нуждам рабочих со стороны отдельных руководителей предприятий. Об этом же писали рабочие лесозаготовительных предприятий Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской и других областей, а также Коми АССР. Много писем поступало от молодежи, отправленной на новостройки, с описанием плохой организации обучения молодых рабочих, медленного устранения недостатков в бытовом устройстве (Там же, л. 50). Например, с Челябинского весового завода сообщали, что руководители этого предприятия притесняли рабочих, неугодных переводили на низкооплачиваемую работу. Группа рабочих асбестового завода (122 чел.) рассказывала о большой загазованности цехов и заболеваемости рабочих. Коллектив рабочих Московского завода им. Ильича писал о значительном снижении зарплаты. Рабочие Московской фабрики «Ява» указывали, что на фабрике существовала семейственность и зажим критики. Работники лесной промышленности Пермской и Архангельской областей жаловались на тяжелые условия работы: на лесоразработках допускались массовые простои людей и машин, что снижало заработки. Имелись перебои в торговле хлебом, сахаром и другими продуктами. Во многих поселках не было колодцев, рабочие пили болотную воду. Детям приходилось ходить в школу за многие километры, в общежитиях грязно, холодно, культурной работы почти не проводилось, медобслуживание было поставлено плохо. Из Мурманской области лесорубы извещали о том, что мастера обсчитывали рабочих, а профсоюзные организации их плохо защищали (Там же, л. 51). С 1956 г. в

ЦК КПСС возросло поступление писем по жилищным вопросам. Ежегодно трудящиеся присылали порядка 150 тыс. заявлений с просьбами об улучшении жилищных условий. Приводилось множество фактов неправильного распределения жилплощади, злоупотреблений при распределении квартир работниками жилищно-коммунальных учреждений. Указывалось на случаи нерадивого содержания жилого фонда и несвоевременного ремонта старых домов. В письмах нередко приводились примеры о том, что отдельные руководящие работники за счет государства строили себе дачи (Там же, л. 57).

Архивные документы свидетельствуют о том, что профессиональные группы волновали назревшие в рабочей среде злободневные вопросы, связанные с недостатками в материально-техническом снабжении, в бытовом и жилищном устройстве, нарушениями трудового законодательства, денежными махинациями, взяточничеством и мошенничеством, растратами и расхищением социалистической собственности, злоупотреблением родственными связями. В источниках среди лиц, совершавших правонарушения (с точки зрения авторов сообщений во власть) фигурируют директора заводов и фабрик, начальники цехов, строительных управлений, директора баз, лесхозов, филиалов организаций, руководящие работники областных контор, лесничеств, начальники главков, управляющие трестами и др.

В настоящей статье рассматриваются материалы дела фонда № 5 – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), опись № 30, дело № 285 – «Записки, справки, информации Общего отдела и других отделов ЦК КПСС по письмам, поступившим в ЦК КПСС, партийных и советских органов и коллективов трудящихся о недостатках в организации материально-технического снабжения промышленных предприятий, фактах хищения государственной и кооперативно-колхозной собственности и взяточничества, состоянии пенсионного обеспечения военнослужащих и др.». Печатаются «Информация о хищениях государственной и кооперативно-колхозной собственности» (см. документ № 1) и «Информация о фактах взяточничества руководящих должностных лиц управляющего и хозяйственного аппарата» (см. документ № 2).

Документы публикуются частично. Из публикации извлечены письма колхозников, военнослужащих, а также граждан, сообщавших о злоупотреблениях в торговых и снабженческих организациях и т.д. Номера страниц архивного дела приведены в квадратных скобках. В публикуемый источник внесены орфографические и пунктуационные правки.

№ 1
Информация
О хищениях государственной
и кооперативно-колхозной собственности
(по письмам, поступившим в ЦК КПСС)

[Л. 13] В ЦК КПСС систематически поступают письма, в которых сообщается о крупных хищениях государственной и кооперативно-колхозной собственности некоторыми должностными лицами. Трудящиеся пишут, что зачастую крупные хищения государственной собственности длительное время остаются нераскрытыми ввиду того, что нередко должностные лица судебно-следственных органов находятся в связи с расхитителями, а некоторые местные партийные и советские органы не реагируют надлежащим образом на сигналы трудящихся, не принимают своевременных мер к пресечению преступной деятельности расхитителей государственной собственности.

В качестве примеров приводим несколько выдержек из писем.

Группа рабочих Грязовецкого льнозавода Вологодской области сообщает: «Бывший начальник Главзаготльнопенькопрома Министерства текстильной промышленности РСФСР т. В.М. Пелевин обязал директора Грязовецкого льнозавода Вологодской области т. Жданова изготовить четыре дачных дома для [Л. 14] работников главка, а управляющий Вологодским льнотрестом Коваленко в целях быстрого выполнения заказа начальника главка Пелевина дал распоряжение о выделении из директорского фонда 3 тыс. руб. якобы на премирование рабочих. Однако на поощрение рабочих было израсходовано всего 900 руб. 2100 руб. директор завода Жданов выплатил управляющему трестом Коваленко. На изготовление четырех дачных домиков было израсходовано 98 кмб круглого леса, в кассу льнотреста было уплачено работниками главка только за 74 кмб по 54 руб. за кубометр, тогда как розничная цена одного кубометра круглого леса составляет 179 руб. Все изготовленные дома были перевезены из Вологодской области автомашинами Грязовецкого льнозавода на ст. Купавна Московской области. Стоимость перевозок обошлась государству в 12 220 руб., а в кассу льнозавода было оплачено 1100 руб. Пелевин незаконно получал сам и разрешал другим лицам отпуск фондируемых строительных материалов (шифер) для строительства домов. Директор Грязовецкого льнозавода Жданов привлечен к судебной ответственности, а основные виновники этого дела остались на свободе».

В письме рабочих Шеремета, Шуригаило и др. сообщается о злоупотреблениях начальника Дрогобычского строительного управления Рашевского о систематическом расхищении им строительных материалов. «В начале этого года Рашевский отправил директору Львовской мебельной фабрики бесплатно 20 тыс. штук кирпича и 25 кмб леса, а тот в свою очередь отгрузил для него бесплатно мебель. В стройуправлении создана круговая порука, состав кадров – это люди, в прошлом имеющие судимость или скомпрометировавшие себя на работе. Весной 1958 г. Рашевский и Латык расхитили 109 кмб леса, 28 тонн

цемента, 400 шт. шифера и списали все это как якобы унесенное весенним паводком. Рашевский и Латык прибегают часто к выписке фиктивных нарядов, так, в январе 1958 г. было выписано этих нарядов на 7 тыс. руб., деньги получили и поделили между собой. Недавно Рашевский продал два вагона шифера, цемента, лесоматериала и купил на вырученные деньги две автомашины «Победа». Весь этот строительный материал также был списан по фиктивным актам. В бухгалтерии стройуправления жулики завели свой порядок, когда списание стройматериалов происходит не по нормам расходования, а по представленным актам, составленным начальниками участков, которые вместе с ними расхищают государственную собственность. [Л. 15] Рашевский и его соучастники систематически занимаются припиской к выполнению плана. Так, например, в январе 1958 г. в акте было указано о сдаче в эксплуатацию в г. Львове 16-квартирного дома, однако он строится до сих пор. Только за последние месяцы приписки к плану составляют свыше 2 млн. руб.».

Группа рабочих завода «Краснолит» Краснодарского края пишет о крупных жульнических махинациях на этом заводе, в результате которых директор этого предприятия Старосельский, допустивший растрату государственной собственности в сумме 1,5 млн., покончил жизнь самоубийством. «В течение семи лет на заводе не проводилось ремонта зданий и оборудования и, тем не менее, во всех отчетных документах отмечалось, что проводился соответствующий ремонт, а материалы и деньги, отпускаемые на эти цели, присваивались руководящими работниками завода. Расхищение и разбазаривание государственной собственности достигло огромных размеров, многие из обслуживающего персонала: вахтеры, весовщики, кладовщики, начальники цехов и другие работники построили особняки».

Работница Ташкентской обувной фабрики № 1, член партии Е.Р. Кручинина сообщает о крупных хищениях готовой продукции на фабрике. Она пишет: «На обувной фабрике создана благоприятная обстановка для хищения государственной собственности. Только за полгода на нашем предприятии было разворовано свыше 4 тыс. пар обуви». Об этих хищениях Кручинина неоднократно сообщала парторганизации фабрики и райкому партии. «Однако, – пишет она, – никаких мер принято не было».

Машинист Грозненской базы Министерства хлебопродуктов М.П. Гринченко пишет о крупных хищениях хлеба на этой базе. Он указывает, что: «Начальник управления республиканской конторы Министерства хлебопродуктов Смахов с директором базы В.С. Семеновым только за два года расхитили свыше 300 тонн пшеницы, списав ее как отходы. [Л. 16] Чтобы лучше скрывать следы хищений, эти дельцы нашли нужным снять автовесы, якобы для передачи другому элеватору, а на самом деле, чтобы лишить возможности контроля вывозимой и завозимой продукции».

[Л. 17] В письме рабочих Гадячской райконторы Заготскот Полтавской области сообщается о злоупотреблениях руководящих работников областной конторы «Заготскототкорм» во главе с начальником кон-

торы Урменичем. В письме говорится, что «в 1956 г. было выдано свыше 11 тыс. руб. незаконных премий заготовителям и руководству якобы за закупку скота и кроликов. Фактически заготовители никуда не ездили, а эта живность была сдана на приемные пункты самим колхозниками. В последующие годы сумма незаконных премий возросла в два раза. Характерным является такой факт, что, когда Гадячскому птицекомбинату было сдано 6 голов свиней и 2 шкуры, фактически же закуплено 8 голов, из коих управляющий райконторой Романенко одну свинью взял себе и одну отрез началнику Урменичу, а заготконторе вместо двух свиней сдали две свиные шкуры. За два года ими было разворовано 20 тыс. государственных средств».

Рабочие Серновского лесхоза Тамбовской области Минаев и Приварин сообщают о хищении леса руководителями этого лесничества. Они пишут: «Старший лесничий Ерофеев выписал наряды по пониженной цене на 100 кубометров леса себе и родичам. Директор этого лесхоза потворствует расхищению леса, так как сам себе построил особняк с верандой. И все это было сделано за счет хищнического истребления государственных лесных фондов».

[Л. 19] Работники Пятигорского филиала «Гипросельэлектро» Марков, Рыжков, Хомяков и др., сообщают, что «были приглашены ОБХС Пятигорской гормилиции в качестве экспертов для документальной проверки в Пятигорском филиале «Гипросельэлектро» по поводу расхищения государственных средств под видом премий за проекты, а также частной продажи проектов госпредприятиям группой работников филиала. [Л. 20] По далеко неполным данным, было выявлено хищение средств под видом премиальных на сумму свыше 30 тыс. руб. Дальнейшая проверка обещала вскрыть еще более возмутительные факты мошенничества. Однако последовало распоряжение Пятигорского горкома партии «прекратить работу по проверке». Произошло это потому, что директор филиала Никитин – приятель второго секретаря горкома партии Нестерова. Вместо того, что форсировать предварительное следствие и не дать возможности преступникам замести следы, по вине горкома КПСС была сорвана документальная ревизия».

В письме член КПСС Красносельский сообщает о растратчиках в тресте очистки Щербакковского района г. Москвы. «Работники треста Розенберг, Богатырев занимаются вымогательством взяток, приписками к нарядам, составлением фиктивных документов на непроведенные работы. За это время жуликами из треста очистки растрочена не одна сотня тысяч государственных средств. О злоупотреблениях в этом тресте четыре раза информировал Московский горком КПСС».

Приведенные в информации письма направлены на рассмотрение в соответствующие отделы ЦК КПСС, органы суда и прокуратуры, местные партийные и советские организации.

Зам. зав. общим отделом ЦК КПСС
Зав. сектором писем

Г. Крюков
Щебликин

12.03. 1958 г.

Источник: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 285. Л. 13–20. Машинопись.

№ 2 Информация

О фактах взяточничества руководящих должностных лиц управляющего и хозяйственного аппарата
(по письмам, поступившим в ЦК КПСС)

[Л. 22] В ЦК КПСС поступает значительное количество писем, в которых указывается, что среди некоторой части должностных руководящих лиц управленческого и хозяйственного аппарата имеют место факты взяточничества. Из писем видно, что такого рода преступления также допускаются отдельными работниками судебных органов, прокуратуры и милиции, которые вступают в сделки с преступными элементами и способствуют тому, чтобы уходить от судебной ответственности. Отдельные должностные лица, используя временные перебои в торговле, трудности с обеспечением жилплощадью, снабжением стройматериалами, занимаются вымогательством взяток у трудящихся.

Приведем некоторые из писем.

[Л. 24] Группа сотрудников завода п/я № 1 на ст. Бескудниково Московской области также пишет о взятках руководителей на предоставляемые квартиры. В их письме сообщается: «С мнением общественности при распределении жилплощади совершенно не считаются, за благоустроенную жилплощадь берутся взятки как с сотрудников предприятия, так и с посторонних людей, получающих жилплощадь в новых домах. Бывший начальник жилищно-коммунального отдела Кузнецов систематически брал взятки, а затем боясь разоблачения, ушел с этого поста».

Рабочие строительного управления № 49 г. Москвы в своем письме сообщают о крупных злоупотреблениях начальника управления Питерцева, который «на сторону продал 1,5 тонн цветного металла и 5 тонн стали. Питерцев систематически занимается поборами, берет взятки деньгами и товарами, он незаконно выплатил премию инженеру Ковалеву в сумме 1000 тыс. руб., а 500 руб. с него получил как взятку; прораб Сафронов на полученных премиальных – 250 руб. – половину отдал Питерцеву за услугу; старший прораб Самсонов систематически дает деньги Питерцеву и считается за взятки хорошим работником».

[Л. 25] О взятках, получаемых с подчиненных начальником автоколонны «Севвосстрой» в г. Москве Киреевым, сообщает работник этой автоколонны Вершинин, он пишет: «Киреев заставляет начальников участков приписывать в путевках шоферов количество ездов. Шоферы, получая незаконные заработки, делятся с ним выручкой. Из-за этих махинаций у водителей скапливается огромное количество неизрасходованного бензина, который ими продается на сторону, а деньги присваиваются. Не гнушается Киреев и обычными взятками, например, в автоколонне установлена даже своеобразная такса: чтобы шоферу сесть за руль новой автомашины, он должен уплатить Кирееву 500 руб., а за руль вышедшей из капитального ремонта, нужно дать 300 руб.».

О злоупотреблениях и взяточничестве директора Хохольского кирпичного завода Воронежской области коммуниста Худобина сообщает И.С. Моремьянин, он пишет: «Худобин, имея разрешение на обеспечение

кирпичом нуждающихся рабочих, выдает разрешение на отпуск кирпича на сторону через подставных лиц, якобы рабочих. При этом [Л. 26] кирпич отпускается по плановой цене в 170 руб. тысяча, а продается по цене ширпотреба, разницу в 380 руб. на каждой тысяче Худобин кладет в свой карман. Рабочий завода В.А. Мещеряков получил с помощью Худобина 10 тыс. штук кирпича, дав ему взятку в 1000 руб. Подобных примеров на заводе очень много».

Указанные в информации письма направлены на рассмотрение в соответствующие отделы ЦК КПСС, органы суда и прокуратуры, местные партийные и советские организации.

Зам. зав. общим отделом ЦК КПСС
Зав. сектором писем
12. 08. 1958 г.

Г. Крюков
Щебликин

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 285. Л. 22–26. Машинопись.

Литература

1. Безнин, М. А. Класс менеджеров в советской России: терминологическое и методологическое определение / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Вологодского государственного университета. – 2020. – № 3 (18). – С. 8–12.
2. Безнин, М. А. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2020. – № 10 (2). – С. 42–60.
3. Безнин, М. А. О ключевых подходах к характеристике социально-экономического строя России второй половины XX века / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы : материалы Международной научной конференции (Вологда, 14–15 октября 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, ВоГУ ; Вологодский научный центр РАН; Институт российской истории РАН ; [главный редактор М. А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2020. – С. 161–167.
4. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 437–453.
5. Гулин, К. А. Эволюция механизмов функционирования российской экономики во второй половине XX века / К. А. Гулин // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы : материалы Международной научной конференции (Вологда, 14–15 октября 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, ВоГУ ; Вологодский научный центр РАН; Институт российской истории РАН ; [главный редактор М. А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2020. – С. 161–167.
6. Никифоров, Ю. С. Региональный лоббизм в социально-экономической жизни России второй половины XX века: трактовки, источники, методы изучения / Ю. С. Никифоров // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы : материалы Международной научной конференции (Вологда, 14–15 октября 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, ВоГУ ; Вологодский научный центр РАН ; Институт российской истории РАН ; [главный редактор М. А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2020. – С. 155–160.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 30. – Д. 285.
8. Столетова, А. С. Советская торговля в 1960–1980-е годы: базовые принципы и их искажение / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-416-437 // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 416–437.

A.S. Stoletova

DIVISION OF INDUSTRIAL SOCIETY IN CONDITIONS OF A NEW DAILY ROUTINE IN THE 1950S (ON THE EXAMPLE OF WORKERS ' LETTERS TO THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU)

The author studies the letters to the Central Committee of the CPSU provided by the Russian State Archive of Modern History and examines an insufficiently investigated problem of the division of the industrial society under conditions of the Soviet everyday life in the 1950s. The letters reflect the reaction and response of groups of employees to the current contradictions of their working life. The author comes to the conclusion that the subjects of the letters serve as the basis for developing certain ideas about the images and social-psychological characteristics of officials from the point of view of workers.

Industrial society, workers, labor, daily routine, mentality, consciousness, transformation of Russian society.

*А.Б. Федоров, А.Л. Бредихин
Санкт-Петербургский университет МВД России*

«НЭП»: ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ (К СТОЛЕТИЮ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»)

В статье авторы рассматривают исторические и политические детерминанты «новой экономической политики». Авторы приходят к выводу, что ориентиры экономической политики в духе НЭПа были подготовлены уже в 1918 г., но начавшаяся гражданская война не позволила начать их воплощение в жизнь. Но уже в 1921 г. новая экономическая политика стала неизбежной.

НЭП, новая экономическая политика, Ленин, военный коммунизм, продразверстка.

В марте 2021 года исполнилось сто лет с того дня, когда на своем X съезде партия большевиков приняла решение о замене продовольственной разверстки натуральным продовольственным налогом. Это решение положило начало реализации «новой экономической политики», того самого «НЭПа», в спорах о котором до сих пор «ломают копыя» ученые и политические деятели разной политической ориентации. Интерес к их дискуссиям по данному поводу в обществе обостряется всякий раз, когда перед ним встают проблемы серьезных преобразований в экономической жизни. Так было, например, в период проведения хозяйственной реформы середины 1960-х годов¹, в годы «горбачевской перестройки»², во время «шокового» перевода экономики страны на рыночные рельсы.

К экономической политике советского государства в 20-х годах прошлого века экономисты и историки обращаются и сегодня, черпая в ней дополнительные аргументы для обоснования своих взглядов на путь и методы дальнейшего социально-экономического развития страны, повышения эффективности уже во многом рыночной экономики, преодоления кризисных ситуаций, стимулирования активности и инициативы производителей материальных благ и услуг.

Столетний юбилей начала новой экономической политики позволяет не только вспомнить о ней, как об одной из самых драматических страниц новейшей истории нашей страны. Он обязывает взглянуть на экономические реформы столетней давности с позиции сегодняшнего дня и по-новому ответить на вопросы об их причинах, сущности, судьбе и последствиях.

Совершив в октябре 1917 года захват власти, большевики рассчитывали сразу же перейти к реализации казавшейся им легко осуществимой идеи создания государства – коммуны, т.е. государства без

постоянной армии, без профессиональной полиции, без стоявшего над трудящимися массами чиновничье-бюрократического аппарата. Так же легко, казалось им, можно было приспособить экономику старого мира к экономике социализма. Ведь капитализм эпохи империализма, по Ленину, является ни чем иным, как предтечей социализма.

Но первые же столкновения теоретических рецептов марксизма с реальной жизнью послеоктябрьской России показали их полную несостоятельность. Страна, народ были «не готовы» к одномоментному переходу к тому социализму, вводить который посредством декретов собирались большевики [10, с. 63].

Кстати, Ленин прекрасно знал об этой «неготовности». О ней говорили не только его постоянные оппоненты – меньшевики, но и единомышленники, в то время, когда он настаивал на захвате власти. Главным аргументом Ленина была ставка на мировую революцию, сигнал к началу которой должны были дать возглавляемые большевиками рабочие, крестьяне и солдаты России [2, с. 24–25]. И вот, оставшись в условиях «запаздывания» этой самой революции один на один с мелкобуржуазной стихией и «темным» крестьянством, «авангард» пролетариата и его лидер вынуждены были начать пересмотр своей стратегии, в экономической составляющей которой довольно четко просматривались контуры будущей новой экономической политики.

Мирная передышка весны 1918 года, заключение Брестского мирного договора позволяли подготовить черновой вариант более или менее долговременной экономической программы, которая при всей своей нацеленности на социализм должна была учитывать постреволюционные российские реалии.

Приступая к разработке такой программы в марте 1918 г., Ленин писал: «...сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим... задача управления государством сводится теперь... к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войной ран, восстановления

¹ См.: Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: Власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С. 338.

² См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Время трудных вопросов. История 20-х – 30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1998. 30 сентября.

производственных сил, налаживании учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышении производительности труда, – одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации» [5, с. 130]. Решать эту задачу предстояло далеко не в благоприятных условиях. Брестский «похабный» мир нанес страшный удар по производительным силам страны. Он оторвал от нее ряд промышленных районов и самые плодородные области Украины и Донбасса. Были потеряны 26% железнодорожных путей, 48% собранного хлеба, 84% производства сахара. Страна лишилась 1/3 своего фабрично-заводского производства, 2/3 добычи угля, 2/3 добычи железной руды [3, с. 364]. Казалось, о каких долгосрочных экономических планах тогда могла идти речь? И все же выход из войны открывал возможности для перестройки экономической политики. К ним в первую очередь относились демилитаризация оставшейся у страны после Бреста экономики и резкое сокращение расходов на вооруженные силы. Демобилизация армии существенно уменьшала ее потребности в централизованном снабжении продовольствием и предметами промышленного производства. Значит, огромные затраты на войну, поглощавшие до 70% последнего, больше не должны были засасывать ресурсы страны [1, с. 52].

Однако перенацелить их на восстановление экономики и одновременную с этим ее переориентацию на социалистический лад оказалось весьма проблематично.

В условиях, когда первая волна вооруженного сопротивления революции была остановлена и, казалось, гражданская война в ее начальных формах прекращена, большевики оказались лицом к лицу с огромной мелкобуржуазной стихией.

Дорвавшаяся до помещичьего имущества «деревня» восприняла лозунг «Грабь награбленное!» в самом буквальном смысле и начала растаскивать его по своим избам, амбарам и подвалам. К тому же пробудившаяся у получивших землю зажиточных крестьян «жажда обогащения» толкала их на придерживание хлеба до лучших времен³. В этой ситуации, по мнению Ленина, акцент в политике партии необходимо было перенести на борьбу «пролетарской дисциплины и организованности» с разросшейся массой «мелких собственников», вовлекавших в свой круговорот и часть рабочего класса.

Ленин и его сторонники признавали, что для социализма необходимы определенные материальные, культурные и политические предпосылки. Последнее, по их мнению, было налицо в виде «диктатуры пролетариата». Остальных явно не хватало, но большевики были уверены, что они появятся после победы революции в Европе. Пока же следовало двигаться ей навстречу, создавая и используя те организационные формы хозяйственной жизни, которые были характерны для «стоящих в шаге от революции» передовых европейских стран. В частности, Ленин имел в виду германский государственный капитализм. Перспективы его использования на российской почве вожьд

большевиков как раз и рассматривал в марте 1918 года, работая над первым вариантом «Очередных задач Советской власти» [5, с. 132–133].

Здесь следует заметить, что Ленин весьма почтиительно относился к германскому государству того времени, считая его наиболее прогрессивным и больше всего готовым к социалистическим преобразованиям. Совсем не случайно в начале 90-х годов «промелькнула» концепция, согласно которой «Ленин ставил целью провести государственную модернизацию, взяв за образец военно-государственную экономику кайзеровской Германии, но доводя ее до логического завершения»⁴.

Ленин считал, что магистральный путь России к государственному капитализму лежит через «общенациональный учет и контроль за производством и распределением», наладить которые под силу только государству с сильной центральной властью. Только такое государство может организовать учет всех имеющихся ресурсов и продиктовать кому, что, сколько производить и как распределять. Все это уже продемонстрировал государственный монополистический капитализм стран – участников Первой мировой войны. Ему как раз и были присущи жесткое авторитарное правление и ряд черт, в которые укладывался военно-потребительский коммунизм. Армия и часть населения были переведены на содержание государства, осуществлялись нормирование потребления и регулирование цен, сбыта и самого производства, действовала государственная трудовая повинность. Таким образом, государственный капитализм военного времени оказывался «сродни» «военному коммунизму».

В обусловленных военными обстоятельствами мерах и методах хозяйствования Ленин и большевики увидели зачатки коммунизма, его материальную подготовку безотносительно к реальному состоянию подорванных войной производительных сил, из-за которых эти меры и методы вводились. Восприятие их большевиками как прокоммунистических вело к тому, что в условиях мирной передышки они, подлежавшие отмене в мирных условиях функционирования экономики, превращались в элементы долговременной политики большевистской партии.

Отталкиваясь от этих мер и методов хозяйствования государственного капитализма и видя впереди свой коммунистический идеал, Ленин в том же марте 1918 года приступил к разработке черного наброска проекта программы РКП(б). В ее экономической составляющей ведущая роль отводилась государству диктатуры пролетариата. В руках государства сосредотачивались производство, транспорт, банковское дело, распределение [7, с. 74–78]. Рыночные отношения загонялись в узкие рамки регулируемого обмена и в перспективе должны были исчезнуть. Государственный капитализм в ленинской программе заменялся «государственным социализмом» – тотальным огосударствлением всех сторон общественной жизни и подконтрольностью государству всех социальных сфер. Очевидно, что заложенная в черновом набросок

³ См.: Горький А.М. Несвоевременные мысли / Свободы вечное преддверье: сборник. Л.: Худож. лит., 1990. С. 37–38.

⁴ См.: Островский В.В. В поисках нашего Отечества. Опыт политической рецензии // Санкт-Петербургские ведомости. 1991. 1 ноября.

проекта программы доктрина перекрывала дорогу к нормальной хозяйственной жизни мирного времени, к рыночной экономике.

А именно к ней, несмотря на весь постреволюционный хаос, тяготели и натерпевшийся лишений послевоенный город и получившая землю деревня. Последняя хотела сама распоряжаться плодами своего труда и иметь свободу торговли, возможность продавать свой хлеб и приобретать необходимые ей предметы потребления. Таким образом, мирная передышка весны 1918 года стала временем начала борьбы утопии с реальной жизнью. Не учитывать требования последней большевики пока не могли, поскольку их власть была еще недостаточно сильна для того, чтобы в своей экономической политике действовать наперекор здравому смыслу. Поэтому в проведении в жизнь весной 1918 года мер и методов военного коммунизма они вынуждены были допустить серьезные отступления, сквозь которые просматривались очертания новой экономической политики.

Прежде всего, следует отметить, что процесс обмена между городом и деревней, хотя и детерминированный войной, но продолжался. Обесценивание рубля и нежелание крестьян продавать хлеб по твердым ценам привели к тому, что этот обмен приобрел натуральный характер. Государству оставалось либо принять новые правила игры – уже существующей товарообмен, в том числе и на вольном рынке, либо прибегнуть к насилию по отношению к держателям хлеба [1, с. 56].

Ситуация пока еще позволяла обратиться к поиску экономических способов выхода из тупика. В условиях хлебной монополии, развала финансовой системы и разрухи в промышленности таким особым способом регулирования рыночных отношений и стал переход к товарообмену с деревней – мере, пока еще далекой и от продовольственной диктатуры, и тем более от продразверстки. Первые продотряды, отправляясь в деревню за хлебом, еще везли с собой на обмен «мануфактуру, нитки и предметы домашнего и сельскохозяйственного обихода» [6, с. 424].

В области промышленности тенденция распространения уравнилельных «военно-коммунистических» мер из сферы потребления в сферу производства вступала в противоречие с задачей повышения производительности труда. «Уравниловка» становилась препятствием для его роста. Ленину пришлось дать установку на восстановление сделных форм оплаты труда, заимствование у «тамошней буржуазии» приемов и методов, в том числе системы Тейлора [5, с. 140].

Не удалось реализовать и идею зачисления всего населения в потребительские коммуны. Сопротивлявшейся этому кооперации пришлось оставить «рыночную отдушину» и относительную хозяйственную самостоятельность.

Всеобщего характера пока еще не приняла и вытекавшая из военно-хозяйственной практики государственного капитализма реализация идеи трудовой повинности. Весной 1918 года она ограничивалась тем, что применялась только по отношению к представителям «эксплуататорских классов». Тогда же пришлось приостановить национализацию промышленности и фактического огосударствления экономи-

ки, поскольку они только «способствовали усилению экономического хаоса и разрухи, вызванных пятью годами войны и революции, и еще более подорвали промышленное производство России» [4, с. 99].

Прекращение экспроприации и национализации привело к выводу о необходимости соглашения с капиталом («цивилизованными капиталистами»). Чтобы управлять предприятиями частного и смешанного секторов экономики, надо было идти на восстановление авторитета их администрации и сотрудничество с буржуазией. Разумеется, финансовый и политический контроль над этими секторами должен был остаться за пролетарским государством. Оно, как позднее растолковывал делегатам XI съезда РКП(б) Ленин, и «ограничивало» тот самый государственный капитализм, который был «позаимствован» у воевавшей тогда Германии [7, с. 85].

В этих условиях особую остроту приобрел вопрос о власти. Только сильная центральная власть могла покончить с чрезмерной самостоятельностью на местах, обеспечить проведение в жизнь мер и методов государственного капитализма и использовать их для восстановления экономики, наведения порядка и дисциплины. Идея государства-коммуны «приказала долго жить», а советское правительство уже с марта 1918 года стало прибегать к чрезвычайным мерам, постепенно восстанавливая авторитарные тенденции военного времени. Это вполне укладывалось в логику рассуждений Ленина, считавшего, что можно отступить к государственному капитализму, но одновременно наступать в области упрочения центральной власти. Второе рассматривалось как обязательное условие первого.

Отступление к государственному капитализму весной 1918 г. означало, что предпринятое сходу отступление на капитал провалилось. Ленин признал необходимым смешанную экономику и рынок. Значение ленинского «государственного капитализма» образца 1918 года заключалось в его сходстве с тем, что в 1921 году стало известно как «новая экономическая политика» (НЭП). Об этом сходстве, даже несмотря на то, что страна и ее экономика были разными весной 1918 и весной 1921 года, неоднократно говорили как сторонники НЭПа, так и его противники.

Почему же начавшиеся было весной 1918 года мероприятия в духе новой экономической политики были свернуты, а им на смену пришел военный коммунизм? Дело в том, что перейти к нему большевиков заставила начавшаяся в мае того же года полномасштабная гражданская война и обусловленный ее размахом голод. Отсюда возвращение политики государственного капитализма, «единный военный лагерь», продовольственная диктатура, а затем продразверстка.

Терпеть последнюю поставленную перед выбором крестьянство согласно было, пока шла война. Большевики приняли было это терпение за готовность принять коммунизм. Но уже летом 1920 года оно «лопнуло», что и заставило Ленина принять решение о переходе к новой экономической политике. В 1921 году народ «отбился» от попыток навязывания утопии и отстоял, хоть и в урезанном виде, свое право на нормальную жизнь и относительно свободный труд.

Такая, хотя и половинчатая и дорого доставшаяся крестьянству «победа» обеспечила быстрый подъем хозяйственной жизни страны, породила движение «сменовеховцев» и надежды на то, что большевики одумаются и вернуться к нормальной рыночной экономике... Увы, ждать этого пришлось много лет.

Литература

1. Бордюгов, Г. А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. – Москва : Политиздат, 1991.

2. Булдаков, В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть / В. П. Булдаков // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. – Москва : Политиздат, 1991.

3. Ксенофонтов, И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: документальный репортаж / И. Н. Ксенофонтов. – Москва : Политиздат, 1991.

4. Коэн, С. Бухарин: политическая биография. 1888–1938 : перевод с английского / С. Коэн. – Москва : Прогресс, 1988. – 570 с.

5. Ленин, В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

6. Ленин, В. И. Черновой набросок проекта программы / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

7. Ленин, В. И. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

8. Ленин, В. И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта (XI съезд РКП (б)) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1975. – Т. 45.

9. Павлюченков, С. С. С чего начинался НЭП? / С. С. Павлюченков // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – Москва : Политиздат, 1991.

10. Яковлев, А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация России / А. Н. Яковлев. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1994. – 461 с.

A.B. Fedorov, A.L. Bredikhin

«NEP»: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION (TO THE CENTENARY OF THE «NEW ECONOMIC POLICY»)

The article examines the historical and political determinants of the New Economic Policy. The authors come to the conclusion that the guidelines for economic policy in a spirit of the NEP were already developed in 1918, but the outbreak of the civil war did not allow starting its implementation. However, in 1921 a new economic policy became inevitable.

NEP, new economic policy, Lenin, war communism, surplus appropriation system.

УДК 82-94

С.А. Гладких

Котласский краеведческий музей

ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ: ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РУБЕЖА XIX–XX вв.

Статья посвящена анализу матросских дневников и воспоминаний рубежа XIX–XX вв. как художественных произведений. Отмечается переходный характер этих текстов от фольклора к литературе, от устной к письменной культурной традиции.

Матросские мемуары, фольклорно-литературные взаимосвязи.

В отличие от мемуаров, созданных адмиралами и офицерами российского военно-морского флота, мемуарные свидетельства нижних чинов дореволюционной эпохи издаются редко и почти неизвестны широкому кругу читателей. А ведь матросы были в подавляющем большинстве выходцами из крестьян, сохранявшими живую, кровную связь с народной культурой, что неизбежно отражалось и на стиле, и на содержании их воспоминаний. Изучение этих текстов позволяет сделать определенные выводы об уровне образования, эстетического развития, общей культуры и особенностях мировоззрения не только среднего статистического матроса, но и в целом «массового» русского человека рубежа XIX–XX столетий.

Как говорил в начале XX века адмирал А.А. Ливен, *военный флот... есть пробный камень для культурности обладающего им народа* [20, с. 83]. Имевшие дело со сложной техникой, матросы в целом были образованнее солдат, и поэтому в процентном отношении оставили большее количество мемуаров. Первые их публикации появились еще в царской России. В советское же время матросские мемуары почти исчезли из печати, кроме переработанных в нужном идеологическом ключе. В связи с растущим интересом к персональной истории заметно выросло число публикаций в постсоветское время.

Если матросских свидетельств об эпохе парусного флота почти не осталось, то эпоха пара, требовавшая от моряков более высокого уровня общего развития, привела к тому, что во флот стали призывать преимущественно грамотных людей, а также создавать школы грамотности в экипажных казармах и на кораблях. В результате с конца XIX века наблюдается «взрывной» рост числа матросских писем, дневников и воспоминаний. Серьезным стимулом к появлению мемуаров стала русско-японская война 1904–1905 гг.: событие, которое многие его участники старались запечатлеть письменным словом.

Нарастающее ныне тиражирование матросских записей конца XIX – начала XX веков вводит индивидуальные впечатления авторов в сферу общественного сознания, превращая их в элементы духовной культуры российского общества. Однако значение этих документов как исторического источника, безусловно, превосходит их литературную ценность, поскольку низкий уровень грамотности резко снижает благоприятное впечатление от текстов. Автор данной работы также не ставит своей целью всесторонний литературоведческий анализ, а намерен лишь обратить внимание специалистов-гуманитариев на малоизвестный и недооцененный корпус документов, имеющих отношение к российской словесности. Собственно же термин «матрос» используется здесь в обобщающем смысле для обозначения разнообразной должностной номенклатуры нижних чинов российского военно-морского флота.

Следует отметить, что матросская служба, особенно на больших мореходных кораблях, разительно отличалась от казарменной службы солдата. После принятия присяги матрос ступал на корабельную палубу и фактически начинал новую жизнь. Перед человеком, который до призыва редко покидал пределы родной волости, открывался огромный и разнообразный мир, наполненный невиданными чудесами. В дальних плаваниях перед глазами проходили одна страна за другой – с разной природой, с разными людьми, с разными культурами. Такие морские походы необычайно расширяли кругозор и оставляли массу впечатлений, которые настолько быстро сменяли друг друга, что, из опасений забыть, их хотелось записывать. Именно так матросы и объясняли причины появления своих мемуаров: *...и мне Бог приведет попутешествовать по далеким морям на своем веку и подвергаться различным впечатлениям. И вот эти-то впечатления я и хочу записать на память себе; тем более вспомнить иногда о былом будет интересно, если Богом не суждено умереть, а чем дальше*

будет идти наше время, тем ярче будет казаться нам прошлое [16, с. 20; 32, вып. 16, с. 46; 21, с. 182].

Первое, что отличает матросские произведения – очень простой, зачастую неуклюжий, далеко не всегда литературный, но воистину подлинный русский язык. Он свободен от иностранных заимствований, за исключением специальной морской лексики и названий тех предметов и явлений, которых матрос не мог встретить в России. Второе отличие – ориентация на читателя. Матросы отнюдь не делали тайны даже из своих дневников, давали их прочесть и переписать сослуживцам, поэтому доньше сохранились почти идентичные тексты разных людей. Один из моряков в своем дневнике изначально претендовал на высокий статус писателя, именуя себя именно таким образом, и обращался к потенциальным читателям: *господа читатели* или *господа слушатели* [6, с. 61]. Таким образом, авторы считали свой личный опыт общественным достоянием. И, наконец, третья особенность – неразрывная связь этих индивидуальных, личных документов с массовой народной культурой.

Наверное, наиболее яркое мемуарное произведение на основе своих флотских дневников создал Степан Иванович Корзников (1871–1937) – уроженец деревни Весёлой Никольского уезда Вологодской губернии. В 1913 г. он составил воспоминания о своей непростой жизни и несчастной первой любви, опубликованные лишь в 1999 г. под названием «Из записной книжки С.И. Корзникова», с подзаголовком «Народный роман». К сожалению, при подготовке к печати текст был существенно искажен редакторской правкой, но даже в таком изуродованном виде сохранил глубину описанных чувств и живой народный колорит, заслужив высокую оценку выдающегося писателя Василия Ивановича Белова. В статье-рецензии «Русский матрос» В.И. Белов писал: *Это и впрямь роман, только роман документальный... Впервые в жизни я понял, что значит по-настоящему правдивая книга... В некоторых местах я даже плакал. Вряд ли я уж такой природно-сентиментальный. Я думал: вот как надо писать документальные вещи... Правдивей книг я еще не читал...* [3, с. 2]

Среди массы матросского нарратива встречаются даже посвященные отдельным событиям поэтические мемуары, в которых более явно, нежели в прозе, выражен фольклорный элемент. Для характеристики этого явления уместно привести объемную цитату из прежней публикации автора: «На данном частном примере можно проследить архаичную форму фиксации и трансляции значимых событий в памяти народа. Чтобы навеки остаться в социальной памяти, историческое событие должно было трансформироваться в культурное явление. Для этого его следовало закрепить в рамках издавна сложившейся традиции, то есть отразить фольклорными средствами. Происходит своего рода “перекодировка” информации на привычный культурный код... Разумеется, при таком подходе к осмыслению истории теряются многие детали, и повествование становится достаточно стереотипным, обрастая веками отшлифованными фольклорными “штампами”: эскадра “бросается львом”, корабль “летает орлом”, и так далее. Но само событие прочно врастает в память социума» [1, с. 116].

Как отмечал адмирал С.О. Макаров, *На редком из кораблей не найдется сказочника* [23, с. 188]. Не мудрено, что прототипом знаменитого писаховского сказочника Сени Малины стал реальный человек – Семен Михайлович Кривоногов (1856–1932), семь лет отслуживший во флоте [34, с. 408–409]. Развитые традиции сказительства могли причудливо преломлять историческую реальность и в матросских письменных текстах, где нередко присутствует художественная деформация событий «красным словцом».

Глубокие фольклорные корни видны и в частом использовании народных пословиц и поговорок. В дневниках нередко упоминаются и подробно пересказываются сны. Тексты даже одного автора порой неровные: иногда написаны сухо, а иногда и душещипательно, в живом эмоциональном ключе, с любопытными наблюдениями и характеристиками, критическими выпадами и оценками, что отчасти искупает неуклюжесть слога. Иногда эмоции внезапно и резко прорываются сквозь сухое дневниковое повествование. В целом же авторам, несмотря на все издержки слога и стиля, удалось донести свои чувства до читателя.

Специфика мемуарного жанра подразумевает авторский монолог, и лишь изредка он оживляется диалоговыми вставками: как правило, это краткий обмен репликами с офицерами. Однако в записях отчетливо слышны отголоски «бакового вестника» – коллективного матросского обсуждения тех или иных событий из жизни корабля. Авторы, помимо устойчивых фольклорных формулировок, порой бессознательно применяют разнообразные литературные приемы: аллегории, метафоры, эвфемизмы, антитезы, лирические отступления... Поэтому рассмотрим отдельные особенности матросских текстов на конкретных примерах.

Разумеется, в первую очередь бросается в глаза низкий уровень грамотности и образованности матросов, порождающий множество ошибок. Непонятные слова, особенно иностранного происхождения, часто искажаются: *цырмулярный* вместо «церемониальный», *фотографисты* вместо «фотографы», *систерия* вместо «цистерна», *лимонация* вместо «иллюминация», и так далее [12, с. 311; 9, с. 19; 21, с. 31; 35, с. 225]. Иноязычные заимствования приводятся без точного понимания их сути: например, «эксплоатировали» в смысле «злоупотребляли» [27, с. 167]. Французский возглас «Vive la Russie!» услышан и записан как *Библия Руссия* [9, с. 8]. Незнание географии также приводит к своеобразным казусам: появляются *египетский материк* и *страна Африка*, Суэц превращается в почти что русский уездный город *Суетск* [12, с. 320; 8, с. 229; 6, с. 62].

Однако наряду с демонстрирующими малограмотность авторов вербальными порождениями вроде *лобзание устов*, *укладался спать* и *огонь со всех орудиев* [28, с. 267; 29, вып. 2, с. 320], отмечаются и вполне осознанные неологизмы: так, адмирал З.П. Рожественский показан как *человек несообщительный* – не любит сообщать впрямь свои предположения [32, вып. 16, с. 42]. Разумеется, присутствуют и забавные несуразицы: например, командир канонерской лодки «Кореец» именуется *корейский командир*; а для необразованного читателя приводит-

ся разъяснение: *трап был убран флагами, обозначающими присутствие на корабле дам (баб)* [12, с. 315; 21, с. 43].

Встречаются и другие формулировки «от избытка образования» – иногда интересные, а иногда дающие комический эффект: *Луна исполняла свой естественный путь; мысли, можно сказать, летают как стрела или как электричество; всё-всё мне представилось последовательно, одно за другим, как лента кинематографа* [21, с. 111; 28, с. 280; 17, с. 55]. Адмирал получает характеристику *упрямый варвар*, а просто-народье – *крестьянская раса*; раздражают *саркастические улыбки на рожгах неприятеля*, размываются воспоминания о родных – *лежали все они у сердца, но с какой-то изоляцией* [21, с. 55, 58, 200; 27, с. 174]. Матросы могли даже щегольнуть латынью, пусть не всегда к месту.

Лирический настрой авторов обычно прослеживается в описаниях природы. Здесь можно привести немало ярких примеров: от неграмотного, но эффектного *Горы вопились в облака* до развернутых описаний вроде: *Вечер был пречудный. Закатилось солнце, на западе обаялись облака, загорела вечерняя заря. Дул легкий восточный ветерок. На оставляемые нами горы ложились белые облака и расстилались по ним, как бы на отдых текущей ночи* [35, с. 210; 8, с. 231]. И далее: *день одаривал прелестью, вдали пустыни играл нагретый воздух; вершина высокой горы ютила ослепляющий снег; как лебеди, белели наши суда, купаясь в волнах, которые игриво поплескивали о наши борта и рассыпались мелкими брызгами; морская поверхность бурлилась и пенилась от холодного ветра, на небе хмурились и грозили снегом серые облака, отражаясь на поверхности рейда* [21, с. 111, 123; 16, с. 14, 28]. Столь широкая палитра пейзажных образов демонстрирует явный отход от фольклорной условности.

При этом стремление малообразованных эстетов эффектной описать происходящее рождает весьма оригинальные литературные изыски: *Солнце грело, прошибая пот стоящих на его ярких лучах; глаза мои наполнились слезами, которые текли, и им не хватало лица, жестокосердная судьба вырвала из меня мое сердце, и я теперь остаюсь как пустое дуло* [8, с. 224; 17, с. 73–74]. В бою же неприятелю, *нарезавшись на бдительные жерла наших пушек, приходилось туго, и хотя вокруг падали учащенные снаряды, с противником сражались очень благоуспешно* [32, вып. 16, с. 44; 29, вып. 1, с. 103, 223].

Однако наряду со столь корявыми фразами встречаются воистину художественные строки, красочно, зримо и точно передающие реальность: *Легкая мгла чуть-чуть закрывала резкую линию горизонта и воды; по Суэцкому каналу один из кораблей шел впереди нас и, казалось, не водой, а песочным океаном* [33, с. 360; 16, с. 78]. Оригинально и натуралистично звучит: *Солнце стояло отвесно, почти упирало в темя* [8, с. 228].

В пейзажных зарисовках абсолютно господствует многоликий образ моря. Море – то как *стекло гладкое, как мрамор блестит*; то *застывшее, как стальная лава*; а *вблизи оно темное и глубокое, и жутко как-то долго всматриваться в его глубину* [9, с. 17;

13, с. 2, 14]. Море наделяется самыми разными антропоморфными характеристиками: *ничего на горизонте кругом не видать, кроме неба синего и моря сильного, а то тихого как малый ребенок; море, это капризная донельзя женщина – разбухает и не знает предела; успокоившись, море меняет свою седину на синеву, шатаясь, как пьяное, забывает про свой гнев* [9, с. 15; 32, вып. 16, с. 40; 21, с. 94].

Вторым по значимости является образ корабля с вариациями от стандартных именовании *плавающая крепость* и *чудо современной техники* до *полуфольклорных железных чудовищ* и *богатырей броненосцев* [10, с. 73; 16, с. 16, 32; 28, с. 283]. Незабываем момент гибели корабля, который авторы стремятся описать подобающим образом: *роковой удар сгубил нашего красавца гиганта, и тонущий корабль, глухо вздохнув, как бы отдавая всю свою мощь равнодушному морю... боролся с ним... и от этой борьбы море бушевало как вулкан* [33, с. 368; 32, вып. 16, с. 48].

В текстах встречаются начатки психологизма с рудиментами антропоморфных воззрений и даже мистической трансформацией реальности: в шторм *снасти только стонут, вроде плачут и умоляют*; перед боем *зловещая мгла что-то таила в себе неладное и всё казалось в это время как будто бы живое* [9, с. 11; 33, с. 363, 366]. Порой авторам хорошо удается завуалированная передача эмоций – как индивидуальных, так и коллективных: *Впереди море, качки, быть может, и дно...; запищала гармонь, а песен ни от кого и камнем не вышибешь* [21, с. 18; 16, с. 26].

Применяемые матросами сравнения иногда красивы и оригинальны, иногда забавны, порой неожиданны: *ночью эскадра походила на город, освещенный многими фонарями; команда спала под открытым небом, одеялом каждого служил небесный свод; вершины гор были покрыты легким, как кружево, снегом; заросший тропическим лесом остров выглядел как шапка лохматая черкеса* [8, с. 228, 236; 13, с. 61; 9, с. 17]. Проводятся и профессиональные параллели: *матрос без табаку, что шлюпка без руля* [32, вып. 15, с. 81]. Рискованное ремесло моряка и постоянная близость к смерти рождала мрачные сопоставления: *койки, эти белые гробы, акула – это гроб наш, море – широкая могила моряка* [21, с. 36, 140; 32, вып. 15, с. 79]. Очень точно выражено ощущение при появлении японских кораблей при Цусиме: *Смерти идут* [21, с. 154].

При этом в сравнениях господствуют образы, понятные русскому крестьянину и взятые из привычных ему природы, хозяйства и быта: *точно лес вырос на море, а это были мачты, сжатая берегами гавань как речка протекает по деревне* [9, с. 7, 18]. Обыгрывается форма корпуса корабля – *будем гладить океаны своим утюгом*, описываются пробоины от снарядов – *с большим окошко и хоть на тройке проезжай* [21, с. 97; 29, вып. 2, с. 292; 33, с. 369]. В Цусимском бою *наши суда горели, как деревни, а выстрелы из орудий отдавались в голове, как удары молота в кузнице* [8, с. 238; 33, с. 372].

Конечно же, абсолютно преобладают стандартные, затертые многовековым употреблением сравнения: море *спокойно, как зеркало* или *покойно, как пруд*; взрыв мины *походил на оглушительный раскат*

грома; наши боевые силы таяли, как восковая свеча [8, с. 224; 13, с. 34; 19, с. 50; 33, с. 372]. В отношении укачавшихся матросов применяется распространенный оксюморон *живой мертвец* [17, с. 108]. Венцом же пусть типичных, но воистину прекрасных образов является обращение к жене: *ангел Лукерия* [30, с. 343].

Зачастую встречаются абсолютно фольклорные формулировки: *корабли улетают в далекие края, красота что картина писаная, неприятель бросился... как зверь, адмирал что... туча ходит* [16, с. 16; 9, с. 14; 15, с. 32; 22, с. 105]. *Если был бы я ясным соколом, полетел бы сегодня в родительский дом; улетел бы сейчас без оглядки туда, куда глаза глядят* [24, с. 135; 9, с. 21]. Любимая женщина характеризуется как *сизокрылая голубка и птичка щебечунья*; и даже ненавистный адмирал получает совершенно фольклорную характеристику – *семиглавый змий* [17, с. 74; 9, с. 18; 21, с. 88].

Наличествуя и другие характерные для народной литературы зооморфизмы: *военный царский слуга точно птица без крыла; точно вороны, почуявшие добычу, летели на нас неприятельские суда; змеями извиваются шелковые вымпела; судно водит лучами прожекторов, точно таракан усиками* [24, с. 135–136; 13, с. 61; 33, с. 375, 378]. Активное использование зооморфных образов служит своего рода переходным мостиком от типично фольклорных формулировок к более сложным аллегориям. Показательно, что господствуют образы птиц и почти не обыгрываются, казалось бы, более привычные морякам сравнения с рыбами и морскими животными, что демонстрирует сохранение устойчивой фольклорной традиции земледельческого народа.

Интересны и отдельные речевые обороты, развивающие эту традицию: *смерть была на носу у каждого; так всех за сердце и уцупнуло; прихлопнув приотворившуюся было сердечную дверь, склонил голову перед немилостивой судьбой* [8, с. 240; 6, с. 65; 17, с. 123, 150]. Чувствуются народные истоки матросской меры *не шире моря* [13, с. 5]. Незамысловато описывается природная экзотика: *Видишь величины и разные цвета рыб и думаешь, что они были у маляра, и тот покрасил их и отпустил* [21, с. 131]. Порой же прослеживается удивительная простота и наивность – например, в реакции матросов, впервые увидевших больших медуз: *Гляди, гляди, нимфы плывут!* [16, с. 72].

Весьма любопытны встречающиеся в текстах противопоставления: *как лапоть против лакированного сапога, как суковатый осокорь против стройной белой березки* [17, с. 13, 15]. Контрастируют не только образы, но и ситуации: *в России теперь крещенские морозы, разукрашенные инеем дерева, здесь же – едим только что сорванные бананы в вечно зеленом лесу; на Пасху дома дожидаются великого дня, а мы великой страсти (боя)* [10, с. 71; 8, с. 232]. В более развернутых антигезах применяется риторическое усиление: *Японцы заряжают пушки и минные аппараты, а в нашем командовании расставляют хорошее вино шампанское... Подымая бокалы, кричат “ура!...”, а на рейде японцы топят русские суда, на рейде гром, на рейде война* [4, с. 80]. В целом же психологические и событийные контрасты в матросских

текстах достаточно редки, за исключением описаний изменчивого моря. Еще более редки, хотя эффектны, отдельные гиперболы: *вшей хоть голиком с рубашки сметай, настолько истоцали, что и кровь-то нас не греет* [28, с. 262, 266].

Разумеется, в записях фиксируется множество просторечий: типичные *вчера* и *пондравилось*, *губоватые не надо дуть морду, шлялись в море, куда мы прем!?, нализался и чуть не сдох* [27, с. 162; 9, с. 8; 30, с. 355; 32, вып. 16, с. 46; 21, с. 113, 174]. Неприятеля били как дурака, в бою с шумом бухнулся снаряд и орудия совсем посибиали [28, с. 271; 16, с. 160; 29, вып. 2, с. 319]. На танцах один офицер катал вприсядку, другой кадрили отдирает [13, с. 43; 22, с. 81]. И, в качестве итога – *Жилось в плену неплохо. Кормили ничего* [26, л. 8].

При этом грубость и мат авторами употребляются редко: сказывается уважение к письменному слову. «Кругленькие», «скромные» и «грязные» словечки приводятся или с отточиями, или латиницей, или прямым текстом, а иногда замещаются эвфемизмами вроде отправки к «боговой матери». В целом же бранная лексика на удивление стереотипна и не содержит знаменитых морских «загибов».

Конечно же, по текстам широко разбросаны флотские жаргонизмы: моряки, которых тошнило, *травили канат*; кто крепко заснул – *встал на оба якоря*; кто утонул – *ушел на завтрак акулам* [16, с. 24; 21, с. 29; 9, с. 7]. Даже медвежьей болезнью заменяет сугубо флотское выражение *кингстон прошибло* [22, с. 81]. И если для матроса-новичка морская лексика сначала выглядела как *тарабарская грамота* [13, с. 2], то в дальнейшем освоение профессионального жаргона становилось важным элементом корпоративной спайки и новой самоидентификации, которым так и тянуло козырнуть перед «непосвященными».

Временами проскальзывает колоритный простонародный юмор, например, в описании морского боя на артурском рейде: *...только дудка просвистела «команде чарку пить и обедать», а там япошка со своей эскадрой к нам идет обедать: так и не дал, сукин сын, нам пообедать, начал палить... На наш «Амур» один гость [снаряд] залетел: ...должно быть, озяб – улегся на паровые котлы, но не взорвался* [31, с. 74]. Присутствуют едкие насмешки над противником: *врагов угощали выстрелами, японцам пришили бороду и наломали хвост, да еще и насрали на несколько миллионов* [14, с. 13; 6, с. 66; 16, с. 162; 30, с. 356]. Изредка встречается черный юмор: говоря о подрыве китайцев на морских минах, минер В.Н. Изергин замечает: *Это они мне сокращали вылавливание мин* [31, с. 78].

Имеются и словесные портреты сослуживцев, обычно вышестоящих начальников. Иногда они развернутые, с описанием внешности, черт характера и даже попыткой психологического анализа, но чаще краткие и схематичные, заключающие весьма стертый контур человеческой личности. Отзывы звучат и восхищенно: *командир, несмотря на седину, глядит таким орлом, что куда мичманам против него*; и оскорбительно: *один адмирал что суслик, другой в видке какого-то деревянного обрубка, одетого в морскую форму* [13, с. 42; 4, с. 78, 80]. Яркое впечатление по-

рой оставляют мимолетные встречи: *красавица американка, одетая просто, но с какой-то неуловимой отчаянностью... наэлектризовала всех офицеров* [13, с. 36].

Часто встречаются негативные и сатирические оценки той или иной личности. Особенно достается боцманам: *большой руки сволочь, вечный шукура, вся команда ненавидела как анафему* [6, с. 67; 4, с. 83; 17, с. 119]. В отношении нелюбимого офицера употребляется оригинальный оксюморон: *скоро ли мы его и сбудем, такого ненаглядного супостата* [6, с. 67]. Однако и положительная оценка офицеров отнюдь не является редкостью.

Интересно упрощенное изложение по памяти речей командиров и адмиралов, в которых выделяются моменты, важные именно для нижних чинов: *Я радовался тому, что с такими молодцами... мне и неприятель ничто, и вот, братцы, за вашу молодецкую работу спасибо вам, братцы, и по чарке водки* [12, с. 312]. По-народному просто переданы слова командира в канун последнего боя: *Бояться нам нечего: одной смерти не миновать, а двум не бывать. Мы на то и шли* [29, вып. 2, с. 321].

О начале русско-японской войны говорится кратко: *совершилось людское злодейство, итоги войны подводятся столь же емко и лаконично – нето чужое взять, и свое потеряли* [16, с. 154; 35, с. 203]. При рассказе о военных событиях центральное место занимает обычно малоинформативное, но красочное описание боев с обязательными гиперболами, которыми авторы стараются придать происходящему эпические черты: *от стрельбы раздался гром по всею морю, снаряды сыпались, как горох, судно все окрасилось кровью* [29, вып. 2, с. 320; 11, с. 75–76].

В описаниях сражений господствует ярко выраженный натурализм: *Кто был совершенно обезображен до неузнаваемости, иные с вывалившимися внутренностями, или без ноги, или без руки. Повсюду разбросаны куски человеческого мяса, кровь, перемешавшаяся с грязью* [10, с. 61]. Жутко звучат подробности пережитого боевого опыта на суше и на море: *я... неоднократно из рукопашного боя выходил с одним штыком, и как у меня – изогнутым штыком, а приклад и ложе разбивал о головы противного врага; при спасении на воде мне попался убитый матрос со спасательным поясом, я вытряхнул его из пояса и приспособил его себе* [5, с. 50; 2, с. 60]. Приводимые обстоятельства гибели сослуживцев и жуткие в своей реалистичности описания изуродованных трупов ничуть не уступают более поздним фронтовым заметкам А. Барбюса, прочно закрепившего эти страшные образы в мировой литературе.

Да и в целом флотская служба далеко не всегда романтична, о чем свидетельствует грубый натурализм матросских записей. Но даже о печальных последствиях морской качки мемуаристы могли сказать и по-простому: *рвало почти всех, не исключая и господ офицеров; и деликатно: море заставило удалиться на ложе болезни* [16, с. 32; 8, с. 222].

Тем не менее общий настрой авторов обычно остается позитивным. Особенно ярко и красочно они описывают представителей тех народов, которых довелось встретить в дальних морских походах: *турки,*

обвернутые с головы до ног какими-то хламидами, большеносые греки, индейцы мазурики и, конечно, незабываемые негрятя: зубы у них блестящие, кожа черная, гляцевитая, тела длинные, движения проворные, сущие чертенята [16, с. 46, 68; 9, с. 16; 16, с. 88]. Удивляют властители далеких стран: *имел счастье видеть корейского короля... С виду нет ничего особенного – даже много хуже деревенского мужика; видели и босого царя – это правитель Индии султан* [6, с. 67; 28, с. 281]. Объединяет же все народы одно: *Женщины, только денег давай, всюду ласково примут* [25, л. 3 об.].

Заморские края нередко оцениваются с восторгом: *Америка всем изобильна, Япония – уютная солнечная страна; в южных широтах и небо не то, что у нас, ярче, а о морозе и не слыхали* [35, с. 216–217; 16, с. 126; 21, с. 123]. Но эти оценки совсем не сбивают общего патриотического настроения: *нигде русские себя не осрамляют, сколько городов вот уже и я проехал морских, но гораздо хуже русских* [9, с. 21; 6, с. 62]. Не удивительно, что один из постоянных мотивов матросских мемуаров – тоска по родине: *воспоминания точат наши сердца, мысли невольно несутся на далекий север, где угрюмая густая елка дороже розового куста* [21, с. 138; 24, с. 131–132].

Однако знакомство с жизнью за границей позволяло оценить Родину со стороны, в том числе критическим взглядом. Например, одного из авторов при возвращении на малую родину раздражают даже местный говор и диалектные слова, и он безапелляционно заявляет: *Всюду лапоть, невежество, некультурность, ну и родина... Нужна здесь рука просвещения* [21, с. 201–202]. Негативные стороны флотской службы и поражение в русско-японской войне пробуждают и революционные мотивы: *близ царя, близ и смерти; стыдно, конечно, не за себя, а за Его Величество и, как итог, – мы открыли миру гнилость самодержавия* [21, с. 13, 166, 189]. Так постулируется открытый разрыв с народной традицией.

Интересны и декларируемые матросами мировоззренческие установки. Фатализм – как религиозный (*Жизнь наша в руках Господа*), так и более абстрактный (*Злой произвол судьбы управляет мной*) – иной раз сводится к безразличному *жив – хорошо, и убьют – недурно* или панихидно-бесшабашному *может быть, придется постлать постелю вечную на дне морском... А остальное всё тын-трава* [30, с. 358; 21, с. 187; 32, вып. 15, с. 82; 7, с. 345]. Но некоторые авторы формулируют оригинальные обобщения (*Вся служба наша в чем состоит: на воде, у воды и в воде бродишь*), афоризмы (*Путь удлиняется, а жизнь укорачивается*), и ставят философские вопросы, иногда с политическим оттенком: *Как природа всё сделала премудро, всё на радость человеку... Но он кого собой радует?; О Русь святая! О sancta simplicitas! <...> Долго ли ты будешь хромать на оба колена, со слепыми вождями ослепленного народа?* [6, с. 68; 21, с. 153, 184; 33, с. 366]. Таким образом, проявляются первые начатки публицистики.

Вообще же в матросских произведениях почти всегда прослеживается более или менее выраженная авторская индивидуальность, выводящая эти тексты за рамки фольклора. Разумеется, в целом матросские

записи достаточно стереотипны, и приведенные в настоящем исследовании цитаты – как правило, лишь редкие литературные изюминки из недопеченной и черствой булочки сухого, скучного и безграмотного текста. Однако отдельные произведения и авторы заслуживают более пристального внимания. Яркость и образность языка вызывают искреннее уважение даже к его не самым образованным носителям.

Матросы тех лет в подавляющем большинстве изначально являлись представителями аграрной, отнюдь не письменной культуры. Но благодаря относительной просвещенности авторов-моряков мы имеем редкую возможность услышать слабый и отчасти искаженный спецификой службы голос «великого немого» – русского крестьянина, взглянуть на огромный мир его глазами. И хотя массовость матросских записей явно свидетельствует о наступавшем кризисе традиционной культуры, их образный строй и характер столь же явно указывают на преемственность в развитии национальных культурных особенностей, а не разрыв с приевшимся обычаем под влиянием сторонних образцов.

На представленном примере ясно прослеживается переход от устной к письменной культурной традиции. Наиболее образованные матросы выходят за очерченный круг фольклорных образов, их заметки приближаются по стилю к распространенному в то время жанру беллетризованных путевых впечатлений. Нельзя не отметить и его глубокие корни в русской литературе: от заморских «Хожений» средневековых паломников и купцов до «Фрегата “Паллады”» И.А. Гончарова. И хотя в художественном плане весьма «шершавые» матросские записи неизменно уступают произведениям профессиональных литераторов, они имеют свою особинку, свою прелесть. Наивные тексты, словно полотна художников-примитивистов, отражают почти детскую чистоту, простодушие и искренность авторов.

Сопутствующий путевым очеркам динамизм сменя впечатлений сам по себе приковывает внимание читателя. Возникают ассоциации с самыми разнообразными произведениями морской тематики: новгородскими былинами о Садко, полусказочной «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии», романтическими повестями А.А. Бестужева-Марлинского и рассказами К.М. Станюковича. А в дневниках и мемуарах моряков, прошедших горнило Цусимы, обычное путевое описание внезапно завершается в жанре трагедии – даже не стараниями автора, а самим ходом событий.

Особое внимание матросы-мемуаристы уделяют ярким картинам, оживляющим размеренную и скучную судовую жизнь: это описание пережитых штормов, увольнений на берег, встреч с представителями других народов и, разумеется, морских боев. Отчетливо прослеживаются романтика моря и неизбежная тяга к прекрасному. Несмотря на многочисленные клише, идущие от устного творчества и лубочной литературы, сочетание рационального и образного восприятия действительности подчеркивает постепенный отход авторов от фольклора с его мифологическими представлениями.

Матросы в своих произведениях обычно не ставят масштабных социальных и философских вопросов. Но в наиболее совершенных текстах наблюдается явное проникновение в народную среду новых мировоззренческих установок, постепенное разрушение ментальных стереотипов аграрного общества. В некоторых произведениях наблюдается переход от описания событий к их критическому осмыслению, проявляется оппозиционность и даже революционность. Итогом развития указанной тенденции уже в советское время стал роман «Цусима» бывшего баталёра царского флота А.С. Новикова-Прибоя.

При этом интересно отметить, что ранние произведения знаменитого писателя-мариниста по языку и стилю мало отличались от рассмотренных выше матросских мемуаров. Исследователь творчества А.С. Новикова-Прибоя В.А. Красильников приводил, например, такую показательную цитату с характеристикой одного из офицеров: *При одном только виде золота он, как ворона с жару, раскрывал пасть, точно собирався глотать его, а глаза его загорались огнем эфиона* [18, с. 388]. Подобное сходство позволяет предположить, что некоторые из авторов-матросов, пойдя по писательской стезе, также могли впоследствии подняться до уровня добротной классической прозы.

Противоположность морского и земледельческого начал не могла не сказаться на матросских впечатлениях и оценках, изложенных на бумаге. Военно-морской флот находился на острие научно-технического прогресса, исподволь разрушавшего многовековые традиции крестьянской жизни. И провозвестниками всего нового, а зачастую и чуждого, становились возвращавшиеся в родные деревни матросы российского флота. Но в своих мемуарах они смогли донести до потомков и чарующий образ чуткой русской души, и красочный слепок неустойчивого мира, разрушенного мировыми войнами XX века.

Литература

1. «Адмирал ведь не дурак, что задумал сделать так»: Матросские стихотворения о Цусиме / вступительная статья С. А. Гладких // Кортик. – 2019. – Вып. 16.
2. Бачурихин, П. Я. На броненосце «Ослябя» в Цусимском бою / П. Я. Бачурихин // Гангут. – 2012. – Вып. 68.
3. Белов, В. [И.] Русский матрос / В. [И.] Белов // Красный Север. – 2004. – 11 февраля.
4. «Было время переносить все невзгоды»: Записки порт-артурского матроса // Источник. – 1997. – № 6.
5. Василий Федорович Бабушкин: материалы к биографии // Кортик. – 2009. – Вып. 8.
6. Гладких, С. А. Дневник минёра А. А. Шеромова (1894–1899 гг.) / С. А. Гладких // Кортик. – 2015. – Вып. 15.
7. Гладких, С. А. Письмо И. А. Денежкина из Порт-Артура, 25 января 1904 года / С. А. Гладких // Вестник Морского государственного университета. Общественные науки. – Вып. 11. – Владивосток : МГУ им. адмирала Г. И. Невельского, 2006.
8. Дневник и воспоминания участника Цусимского сражения Дмитрия Семеновича Смирнова // Лодия. – 2009. – № 6.
9. Дневник машиниста крейсера «Варяг» Д. П. Александрова // Помни войну! – 2003. – № 1.

10. Дневник машиниста крейсера «Россия» Ф. У. Перфильева, 1904–1906 гг. // *Защитники Отечества*. – Вып. XVII. – Архангельск : Правда Севера, 2005.
11. Дневник неизвестного моряка с эскадренного броненосца «Орёл» (17 сентября 1904 года – 19 мая 1905 года) // *Лодия*. – 2007. – № 4.
12. Дневник сигнальщика крейсера «Варяг» Ивана Александровича Прахова (1903–1904 годы) // *Великий Устюг: Краеведческий альманах*. – Вып. 4. – Вологда : ВГПУ, Русь, 2007.
13. Зиновьев, В. В северном плавании на канонерской лодке «Манджур» (Из дневника матроса). – Б.м., 1907.
14. Из дневника А. Р., машиниста 1-й статьи на канонерской лодке «Кореец» // *Унтер-офицер*. – 1914. – № 40.
15. Из дневника машиниста крейсера «Варяг» Белоусова Д. Я. // *Помни войну!* – 2003. – № 1.
16. Из Кронштадта в Порт-Артур. Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. – Екатеринбург : Издательский дом «Классика», 2014.
17. Корзников, С. И. Из записной книжки С. И. Корзникова. С 1889 по 1913 гг. / С. И. Корзников. – Архангельск : Правда Севера, 1999.
18. Красильников, В. [А.] Примечания / В. [А.] Красильников // *Новиков-Прибой А. С. Цусима*. – Кн. 1. – Москва : Правда, 1984.
19. Крейсер «Адмирал Нахимов» в Цусимском сражении. Воспоминания членов экипажа // *Гангут*. – 2012. – Вып. 67.
20. Ливен, А. А. Дух и дисциплина нашего флота / А. А. Ливен. – Санкт-Петербург : Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914.
21. Ляпунова, О. А. Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. / О. А. Ляпунова. – Ижевск : Известия Удмуртской Республики, 2017.
22. Магдалинский, А. В. На морском распутье. Записки участника Цусимского боя / А. В. Магдалинский. – Ярославль : Ярославское книжное издательство, 1954.
23. Макаров, С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С. О. Макаров. – Москва : Военмориздат, 1943.
24. Малевинская, М. Е. Машинист 1-й статьи Афанасий Брагин о службе на крейсере «Владимир Мономах» (1897–1900) / М. Е. Малевинская // *Елагинские чтения*. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : Остров, 2011.
25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 423. – Оп. 1. – Д. 232.
26. ОР РНБ. – Ф. 524. – Оп. 2. – Д. 459.
27. Отрывки из дневника рулевого Федора Соколова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. – Санкт-Петербург : Гангут, 2014.
28. Радишевская, В. А. Из записок комендора Василия Дроздова о русско-японской войне 1904–1905 гг. / В. А. Радишевская // *Защитники Отечества*. – Вып. 11. – Архангельск : Правда Севера, 2008.
29. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. – Отдел IV. 2-я Тихоокеанская эскадра. – Кн. 3. Бой 14–15 мая 1904 года. – Вып. 1. Донесения и описания участников боя. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1912; Вып. 2. Донесения и описания участников боя. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1907.
30. Семнадцать писем артиллерийского квартирмейстера 1-й статьи крейсера «Громобой» Матвея Лаптева // *Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг.* – Владивосток : Русский Остров, 2012.
31. «...Сколько у меня с этими минами было страха!» Из воспоминаний участника русско-японской войны минёра В. Н. Изергина // *Кортик*. – 2010. – Вып. 11.
32. Смородов, В. А. «Милая и дорогая мама...»: Письма матроса эскадренного броненосца «Сисой Великий». 1904–1905 гг. / В. А. Смородов // *Кортик*. – 2015. – Вып. 15; 2019. – Вып. 16.
33. Странички из дневника сигнальщика с эск[адренного] брон[еносца] «Орёл» В. [П.] Зефирова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. – Санкт-Петербург : Гангут, 2014.
34. Чебыкина, Н. В. Проект «Сладко житьё» как инструмент популяризации исторического и литературного наследия Поморья / Н. В. Чебыкина, О. Е. Горшков // *Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия*. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021.
35. Шульгин, Н. В. Дневник моего деда матроса 1-й статьи Федора Кузьмича Шульгина / Н. В. Шульгин // *Северные родословия*. – Вып. 1. – Архангельск : Правда Севера, 2002.

S.A. Gladkikh

**FROM FOLKLORE TO LITERATURE:
DIARIES AND MEMOIRS OF THE LOWER RANKS
OF THE RUSSIAN NAVY AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

The article is devoted to the analysis of sailors' diaries and memoirs considered as literary works written at the turn of the 20th century. The nature of these texts is noted to be transitional from folklore to literature, from oral to written cultural tradition.

Sailors' memoirs, folklore-literary relationship.

В.В. Есипов

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 1

Разговор о Варламе Шаламове и вологодских писателях редактора журнала с В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составителем шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020).

В. Шаламов, Вологда, С. Викулов, В. Гура, Б. Непеин, А. Романов.

Л. Е. Начало автобиографической повести В.Т. Шаламова, мне кажется, уже в памяти народной: «Есть три Вологды: историческая, краевая и ссыльная. Моя Вологда – четвертая» (здесь и далее цит. по: [5, с. 16]). В издании «Четвертой Вологды» 2017 года «Древностями Севера» (Вы являетесь составителем, ответственным редактором, автором вступительной статьи и комментариев) многое о Вологде Шаламова уже проговорено. Мы немало знаем о первых семнадцати годах жизни в Вологде – с подробностями: «от кубиков, по которым он научился читать уже в трехлетнем возрасте у подола матери на кухне, до окончания школы и отъезда из дома осенью 1924 года, “в листопад боярышника и березы”» [5, с. 11]. Знаем о приездах домой на каникулы из Москвы. О стоянке в Вологде в арестантском вагоне, когда Шаламова везли на Северный Урал: «Стояли в Вологде – там в двенадцати минутах ходьбы жили мой отец, моя мама. Я не решился бросить записку...» Знаем о том, что Варлам заезжал домой после трехлетней вишерской ссылки. О приезде на похороны отца в марте 1933 года и показе матери невесты, Галины Гудзь, осенью 1934 года (предположительно). Приезд на похороны матери в декабре того же года был последним. Из письма Шаламова к Ирине Павловне Сиротинской Вы цитируете: «После смерти матери крест был поставлен на городе» [5, с. 11].

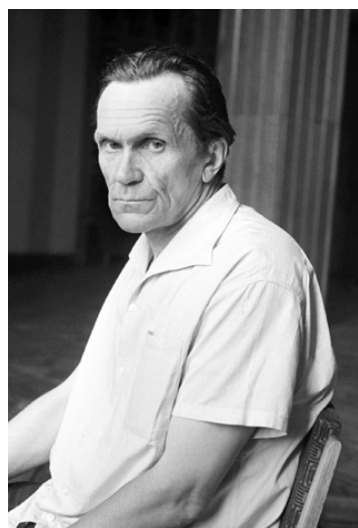
В дальнейшем связующих звеньев не образовалось – ни лично-дружеских, ни творческо-публикационных. Они могли бы быть, но Вологда литературная времен Шаламова ничем не привлекла его, и о нем здесь, как я понимаю, знали немногие. Давайте попробуем разобраться в этом вопросе.

Я знаю, что в начале 1960-х у кого-то в Москве появилась мысль об издании книги стихов в Вологде, и не забыть этой «наивно-бесцеремонной» формулировки: «У нас тут своих много, а вы еще с каким-то Шаламовым» [5, с. 11]. Будьте добры, есть запись самого Шаламова?

В. Е. 15 ноября 1964 года он пишет А.И. Солженицыну:

«...Недавно мне пришло письмо из Вологодского отделения Союза писателей с просьбой дать книгу,

написать «писательскую» автобиографию. Писательская автобиография должна (по тексту письма) быть написана «сочно», «образно». Честное слово, так и пишут, письмо у меня.

В. Шаламов

Вологда никогда не обращалась ко мне. В рассказах, которые я написал в тридцатых годах, были вещи и на вологодском материале – никто оттуда ничего не говорил, не писал. С 1957 года печатают мои стихотворения, указывая, что автор – вологжанин. Никаких рецензий в вологодской газете. В 1961 году выходит «Огниво», имеет рецензии в нескольких городах, только не в Вологде. В 1962 году я сидел в кабинете одного ответственного товарища в «Литературной газете». Товарищ этот говорит: «Слушайте, Варлам Тихонович, хотите я Вам устрою книжку стихов?» – Еще бы.

Берет телефон, заказывает Вологду, и через пять минут говорит не то с Мальковым, не то с Малковым. Завтра вологодская книжка удастся.

– Слушайте телефон.

– Я слушать не могу.

И каждый ответ он мне повторяет шепотом.

– Нет, это очень трудно, у нас своих много, а Вы еще с каким-то Шаламовым. Надо, чтобы написал предисловие какой-нибудь московский писатель.

– Каждый московский писатель будет считать долгом дать предисловие к книжке Шаламова.

– Ну, хорошо, мы напишем ему сами. Дайте его адрес. Записывается мой адрес и все.

Моему доброхоту было очень стыдно встречаться со мной.

Выход «Шелеста листьев» не произвел на Вологду никакого впечатления. И только после рецензии Инбер в «Новом мире» они вдруг обратились ко мне с просьбой написать «сочно» и «образно» и прислать две книжки уже изданных, из которых они выберут.

Я хотел сказать, что разговор начат не с того конца, что они должны бы просить у меня ненапечатанных или прозу, но передумал и написал просто короткий отказ...» [2, с. 298].

Л. Е. Как Вы думаете, кто мог хотеть от Шаламова «сочного» и «образного» изложения «писательской» автобиографии? Письма из Вологодского отделения Союза писателей не сохранилось? Я обратила внимание на перечисленные имена во вступительной статье к «Четвертой Вологде»: «Были попытки установить литературные контакты со стороны писательской организации через С. Викулова, В. Гуру, А. Романова, но они закончились только небольшой публикацией стихов Шаламова в альманахе “Поэзия Севера” (Архангельск, 1966)» [5, с. 11]. Там же Вы называете Малкова: «тогдашний директор вологодского филиала Северо-Западного издательства В. Малков» [5, с. 11].

И достиг ли сборник «Шелест листьев» Вологды?

В. Е. Первого письма из Вологодской писательской организации Шаламову в его архиве не сохранилось, и кто именно ляпнул про «сочно» и «образно» (писателю с такой судьбой!) установить непросто. Полагаю, что С. Викулов и А. Романов к подобной лексике не прибегали – они все же поэты, так что хочешь не хочешь, приходится думать о В.В. Гуре – литературоведе и профессоре пединститута. (В.М. Малков тогда о Шаламове вообще не знал, да он и был далек от писательской «кухни»). Причастность В.В. Гуры к пресловутой «сочности» подтверждают и другие детали, в том числе его письмо Шаламову 17 марта 1965 г., которое будет приведено ниже. Что касается сборника «Шелест листьев», он вышел весной 1964 г. и в отличие от первого сборника «Огниво», который был выпущен тиражом всего 2 тысячи экземпляров, имел тираж 10 тысяч – небольшой по тем временам, но и не маленький. В письме О.С. Неклюдовой 8 апреля 1964 г. Шаламов писал:

«Совашкевич (друг детства ВТ) приехал из Вологды и говорит, что 10 экземпляров «Шелеста» продали за 1 час. Что это за заказ – 10 экз. для магазина на моей родине? Магазин №100 на Тверской торговал «Шелестом» до обеда в день продажи» [3, с. 300–301].

Л. Е. В те годы объем продаж не влиял на издательские планы? Издания были централизованно-плановыми?

В. Е. В те годы всё было централизовано. Для Вологды заказывал книги облкниготорг, ориентируясь

по тематическим планам московских издательств. Поскольку Шаламова никто не знал как вологжанина, его книжку, вероятно, и заказали по средней стандартной мерке. Полагаю все же, что поступило не 10 экземпляров, а больше. Часть книг распределялась по «разрядке» в районы, а часть, по тогдашней традиции, – «по благу», среди узкого круга лиц, в том числе высокопоставленных (например, завзятым книголюбом был зав. сектором печати обкома КПСС В.Т. Невзоров, курировавший писательскую организацию). Но очевидно, что первым в Вологде прочел сборник «Шелест листьев» Б.С. Непеин, друг детства Шаламова. Он был профессиональным библиографом, работал в облкниготорге и следил за всеми новинками. Между прочим, в отделе редких книг областной научной библиотеки среди изданий, подаренных поэтом А.А. Романовым, есть сборник Шаламова «Шелест листьев» с дарственной надписью Б.С. Непеина от 1 марта 1964 г.: «Саша! Рекомендую тебе эти стихи хорошего поэта, вологжанина, друга моей юности».

Б.С. Непеин

Надо уточнить, что рецензия Веры Инбер на книгу Шаламова была опубликована в «Литературной газете» позднее – 23 июля 1964 г. Рецензия известной поэтессы, автора поэмы «Пулковский меридиан» (ее ценил и Шаламов), была очень благожелательной, но в ней была допущена ошибка. Говоря о стихотворении «Виктору Гюго», Инбер писала о «злой участи поэта», по вине которой он именно в «снежной Вологде» смотрел «Эрнани», то есть она думала, что при Сталине Шаламов находился в ссылке в Вологде, а не в лагере на Колыме. Шаламов отметил эту ошибку, кроме того, на нее, несомненно, обратили внимание и вологжане, тот же Непеин. Ведь он тоже был репрессирован в 1937 году и сидел в лагере под Красноярском. Но Борис Сергеевич старался – как и многие в те годы – умалчивать об этой странице своей биографии. И неизвестно, откликнулся ли он какой-либо заметкой в газете о выходе в Москве книги своего друга детства. Обычно Непеин писал такие заметки о всех книжных новинках, но пока его отклика в шаламовской библиографии не обнаружено. Важно вообще внимательно изучить архив Б.С. Непеина – там

может быть много интересного, в том числе о Шаламове. Пока же мы знаем один факт, бесспорно, исторического значения: именно Непеин на склоне своих лет, в 1979 г., впервые указал художнику Я. Крыжевскому на дом, где родился и жил Шаламов, тот передал эту новость сотрудницам картинной галереи, и с этого и началась история Шаламовского дома...

Л. Е. Да, это очень интересно – тоже надо бы прояснить, но, думаю, в отдельном разговоре. Стихотворение «Виктору Гюго» важно для понимания духовной биографии Шаламова – давайте процитируем:

*В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.*

*Ты – мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!*

*Пусть так. В волненьях поколения
Ты – символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.*

В. Е. Уточню, что это стихотворение было написано Шаламовым в 1958 г. и впервые опубликовано в его первом сборнике «Огниво» (1961). Получается, что тогда никто из вологжан не обратил на него внимания, и Шаламов досадовал на земляков вполне справедливо. Таким образом, только упоминание о родной «снежной Вологде» в сборнике «Шелест листьев» открыло вологжанам имя земляка. Интересно, что в этом сборнике, подаренном Б.С. Непеиным, А.А. Романов отметил лишь одно стихотворение «Память», написав на полях: «Замечательно!».

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

27

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабитые давно, —
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

Замечательно!

Л. Е. «Память» (1957) – знаменитое, нравившееся многим стихотворение, впервые опубликованное в журнале «Москва» в марте 1958 года. Оно не встретило никаких цензурных придинок, хотя Шаламов, как Вы показываете, ввел в него лагерный подтекст.

*Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.*

*То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,*

*Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.*

*Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.*

*Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.*

*Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сбегать
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.*

*Эти точные движенья,
Позабытые давно, –
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.*

В. Е. Понятно, почему это стихотворение так понравилось А.А. Романову. Ведь оно было посвящено, казалось бы, радости физического труда, столь близкой всем выходцам из крестьянства, представителям «деревенской» поэзии. Между тем Шаламов задумывал его как посвященное горечи лагерного труда, и в первоначальных вариантах стихотворения (подробно см.: [4, т. 2, с. 433–437]) это ярко отражено: например, вместо «топором или пилой» было «топором или киркой» (кирка – то же, что кайло). Ясно напоминали о лагерном прошлом и строки, прошедшие в печать: «память пальцев, память плеч». Но чтобы понять, что стоит за «памятью плеч», надо было знать биографию Шаламова, а в Вологде ее тогда, увы, практически никто не знал. А строка «Смотрю “Эрнани” в снежной Вологде» из стихотворения «Виктору Гюго» казалась вологодским литераторам, наверное, слишком книжной: они вряд ли знали об этой героической драме, которую видел юный Шаламов на сцене вологодского театра Революции в 1921 году. Что им Эрнани¹ и что Гекуба?..

Л. Е. Да, не по-человечески обратились к нему – по-функционально.

В. Е. И очень провинциально при этом.

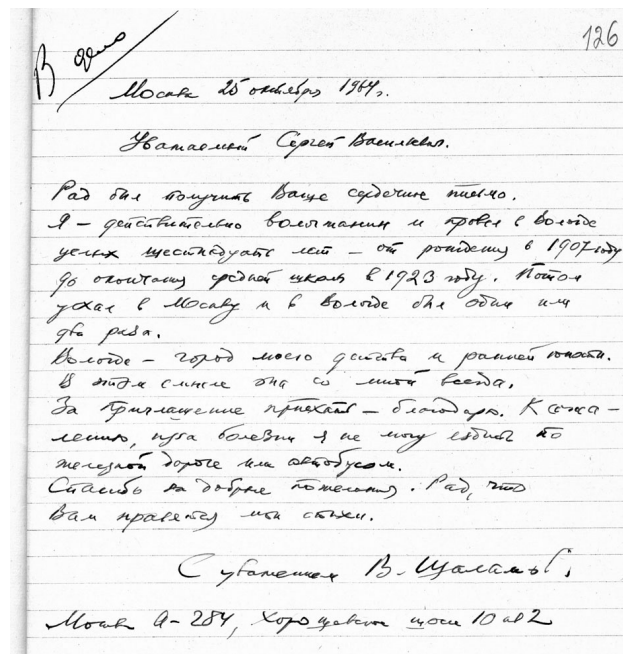
Л. Е. Есть ли еще какие-то письма из Вологды Шаламову?

В. Е. Как верно заметил сам Шаламов, официальные обращения к нему начались лишь после выхода рецензии Веры Инбер на сборник «Шелест ли-

¹ В автокомментарии (1969) к стихотворению «Виктору Гюго» Шаламов писал: ««Эрнани» Виктора Гюго – моя первая встреча с театром. Для этой первой встречи отец мой выбрал драматурга, в возвышенном образе мыслей которого отец не сомневался. Значение первого удара в детскую душу такого сильнейшего рода искусства, как театр, – было отцом учтено. В годы гражданской войны в Вологде шли гастролы знаменитого русского трагика Н.П. Россова – одного из последних могокан театрального романтизма. Актер и режиссер театра Шекспира, Шиллера и Гюго был уже седым стариком. В «Эрнани» Россов играл девятнадцатилетнего короля Карла. Я был потрясен театром. Впоследствии мне удалось прочесть замечание Анатоля Франса по адресу Виктора Гюго: «Гюго жил и умер мальчиком с церковного клироса». Франс, много меньшего таланта в масштабе, чем Гюго, развязно похлопывал по плечу романтика драматурга.

Стихотворение «Виктору Гюго» – мой ответ Франсу. «Крупный детский почерк гения» – мой собственный вклад в эту проблему. «Эрнани» я смотрел в Вологде зимой в битком набитом театре, нетопленном, отогревая руки дыханием и замороженно глядя на сцену, где белый пар шел изо рта и короля Карла, и Эрнани – что придавало лишнюю романтичность, лишнюю приподнятость, лишнюю условность этому замечательному спектаклю. Я сидел рядом с товарищем по классу Алексеем Веселовским, внучатым племянником Александра Веселовского. Алеша часто сплевывал в платок и бережно засовывал руку с сухими пальцами за пазуху. А на следующий день шли «Разбойники» Шиллера, где Россов играл не Карла (как миллион раз раньше), а Франца, Франца Моора. Свои роли Россов играл без суфлера» [4, т. 2, с. 465–466].

стьев» в «Литературной газете» летом 1964 г. Первым обратился тогдашний ответственный секретарь Вологодского отделения Союза писателей РСФСР С.В. Викулов. К сожалению, текста его письма не сохранилось, но о содержании (а также и о дате – примерно октябрь 1964 г.) можно судить по ответу Шаламова Викулову:

«Москва, 25 октября 1964 г.

Уважаемый Сергей Васильевич.

Рад был получить Ваше сердечное письмо.

Я – действительно вологжанин и провел в Вологде целых шестнадцать лет – от рождения в 1907 году до окончания средней школы в 1923 году. Потом уехал в Москву и был в Вологде один или два раза.

Вологда – город моего детства и ранней юности. В этом смысле она со мной всегда.

За приглашение приехать – благодарю. К сожалению, из-за болезни я не могу ездить по железной дороге или автобусом.

Спасибо за добрые пожелания. Рад, что Вам нравятся мои стихи.

С уважением

В. Шаламов.»

(ГАВО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 40. Л. 126).

Как видно, Шаламова хотели пригласить в Вологду, но он отказался из-за недуга, диагностированного еще в 1957 г.: болезнь Меньера, поразившая его глухотой и расстройством вестибулярного аппарата, сделала его инвалидом, и он не мог ездить на дальние расстояния – он и по Москве предпочитал ходить пешком, лишь в редких случаях пользуясь метро.

Вологда, демонстрируя свою благожелательность к землякам, все еще пыталась поддерживать с ним контакты, причем, на самом высоком уровне. В архиве Шаламова сохранилась машинописная открытка с факсимильной подписью тогдашнего первого секретаря обкома КПСС А.С. Дрыгина:

«Уважаемый Варлам Тихонович! Вологодский обком КПСС от имени всех земляков сердечно по-

здравляет Вас с наступающим Новым годом. Желаем Вам доброго здоровья, счастья в личной жизни и дальнейших творческих успехов. Секретарь обкома Дрыгин. 28 декабря 1964 г.» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 71).

Как можно догадываться, инициатором этого поздравления был упомянутый выше работник обкома В.Т. Невзоров, курировавший литературные связи с Москвой и вологодскими земляками (А. Яшиным, В. Тендряковым и другими). Но Шаламова нисколько не порадовало это шаблонное и скорее формальное поздравление – он ждал реальной поддержки, именно в выпуске своей книги стихов в Вологде. Поддержка нужна была и материальная, крайне важная для него: с 1958 г. он получал мизерную инвалидную пенсию 26 рублей, с 1963 г. – 42 рубля и лишь в конце 1965 г. ему помогли оформить «горняцкую» пенсию 72 рубля за работу на Колыме. Но более важной была моральная поддержка: книга, изданная на родине, несомненно, окрылила бы Шаламова и он бы стал гораздо мягче относиться к Вологде! Увы, этого не случилось. Позднее – в письме И.П. Сиротинской 8 июля 1968 года – Шаламов писал: «...крест был поставлен на городе, несмотря на энергичные действия союза писателей Вологды и первого секретаря обкома по зачислению меня в “земляки”» [2, с. 461].

Л. Е. На этом контакты с Вологдой прекратились?

В. Е. Нет, попытки включить Шаламова в местную литературную жизнь продолжались, но они имели очень скромный результат. Сохранилась небольшая переписка Шаламова с В.В. Гурой начала 1965 года. Первое письмо Варлама Тихоновича, датировано 27 января:

«Уважаемый т. Гура!

Я начал было писать кое-что для Вологды, но разрослось в 5–6 листов и для Вашего сборника² не годится. Поэтому прошу освободить меня от обещания и сдать сборник без моего участия.

Последняя моя книжка – сб. стихов «Шелест листьев». Прислать Вам эту книжку, к глубочайшему моему сожалению, не могу – книжка вышла год назад, и у меня да и нигде в Москве не найти ни единого экземпляра.

С уважением

В. Шаламов» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1).

17 марта В. В. Гура писал Шаламову:

«Глубокоуважаемый Варлаам³ Тихонович!

Ваши стихи для антологии северной поэзии мы получили. Большое спасибо!

А вот автобиографии для сборника «Писатель и время» все еще нет от Вас.

Вы сообщаете, что начатая работа разрослась до 6 листов. Это действительно для нас многовато. Может быть, можно сделать краткий вариант страничек на 10–12. Это ведь теперь совсем не так трудно для Вас?

² Подразумевается сборник «Писатель и время» с автобиографиями авторов, написанными «сочно» и «образно». См. следующее письмо от В.В. Гуры. Выход сборника не состоялся.

³ Очевидно, старинным написанием имени Гура хотел польстить Шаламову, но того это скорее раздражало, т.к. он давно перешел на краткую форму «Варлам».

Нам бы очень хотелось получить теперь от Вас автобиографию. Она нужна еще и потому, что мы хотим представить в этом сборнике всех вологжан. Не отказывайтесь, пожалуйста, от участия в этой книге. Еще раз прошу Вас об этом.

Большая часть сборника уже собрана.

Всего доброго!

С уважением – В. Гура» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л.1).

Обложка книги

Вскоре Шаламов ответил, и достаточно резко:

«Уважаемый Виктор Васильевич!

На Ваше любезное письмо отвечаю решительным отказом. Те 6 листов, которые написаны – это детство в Вологде, рассказ о белке, которую убивали целым городом и теплый трупик зверька лежал на <нрзб> траве среди гогочущей, кричащей, разъяренной толпы полузверей. Это – самое сильное впечатление моего детства⁴.

Вот о чем эти 6 листов, также немного о школе, о пожаре 1920 года – словом, никакого «экстракта» получить тут нельзя!

С уважением

В. Шаламов» (Оба письма: РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2. Черновики).

Л. Е. Насколько я понимаю, желание «экстрактов» – своеобразное продолжение просьб о «сочности» и «образности»?

В. Е. Да, это и указывает на стиль В.В. Гуры. Мы видим здесь попытку Шаламова предложить Вологде в виде автобиографии свою прозу, написанную в характерном для него стиле жесткой «новой прозы».

⁴ Очевидно, речь идет о варианте рассказа «Белка» (1966).

Несомненно, рассказ о том, как толпа людей в Вологде в 1918 г. гоняется за белкой и убивает ее, шокировал бы всех вологодских писателей, и они не допустили бы его к печати. Эту «непроездимость» понял и сам Шаламов, отказавшись от своей попытки. (Очевидно, что она представляла первые подступы к «Четвертой Вологде»).

Л. Е. Но подборка стихов Шаламова все же вышла?

В. Е. Вышла не в Вологде, а в Архангельске, в альманахе «Поэзия Севера», вместе с другими вологодскими авторами. Кроме В.В. Гуры подготовкой этого альманаха занимался А.А. Романов, что видно из письма Шаламова:

«Уважаемый г. Романов!

Благодарю за любезное письмо. Я посылаю Вам пятнадцать стихотворений. Это те, которые я считаю «наиболее характерными для себя». Три задачи ставил я перед собой, отбирая стихи, три цели. Первая – дать ту «природу природствующую» (по известному определению Спинозы⁵), появление которой в русской поэзии я считаю своей главной заслугой, главной темой моей. Вторая задача – стихи о судьбе, о связях искусства и жизни. Третья – стихи о городе моего детства и ранней юности – «Виктору Гюго» и «Старая Вологда». Все эти три задачи я постарался выполнить.

Разумеется, я мог бы все эти стихи заменить другими, еще более для меня важными, но из Вашего письма понял, что речь о подборе стихов для антологии.

Еще раз благодарю за внимание.

С сердечным уважением В. Шаламов.

Прошу извещать меня “по ходу дела”» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1. Машинописная копия).

К письму приложен список стихотворений для антологии:

- «1. Ода ковриге хлеба
 2. Шесть часов утра
 3. Сосны срубленные
 4. <в тексте пропущено>
 5. Бивень
 6. Каменя
 7. Пень
 8. Арктическая ива
 9. Лиловый мёд
 10. Память
 11. Виктору Гюго
 12. Старая Вологда
 13. Хрусталь
 14. Поэзия – дело седых
 15. У крыльца».
- (Там же. Л.2.)

Фактически же в антологии «Поэзия Севера» опубликовано семь стихотворений Шаламова: «Ода ковриге хлеба», «Каменя», «Арктическая ива», «Лиловый мед», «Память», «Старая Вологда», «Поэзия – дело седых».

Л. Е. Все стало классикой, по-моему. И в большинстве своем, как я понимаю, это были уже опубликованные стихотворения. «Оду ковриге хлеба» (1957) сразу же напечатал журнал «Москва». «Редкая участь моих стихов», – писал Шаламов [4, т. 2, с. 458].

*Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.*

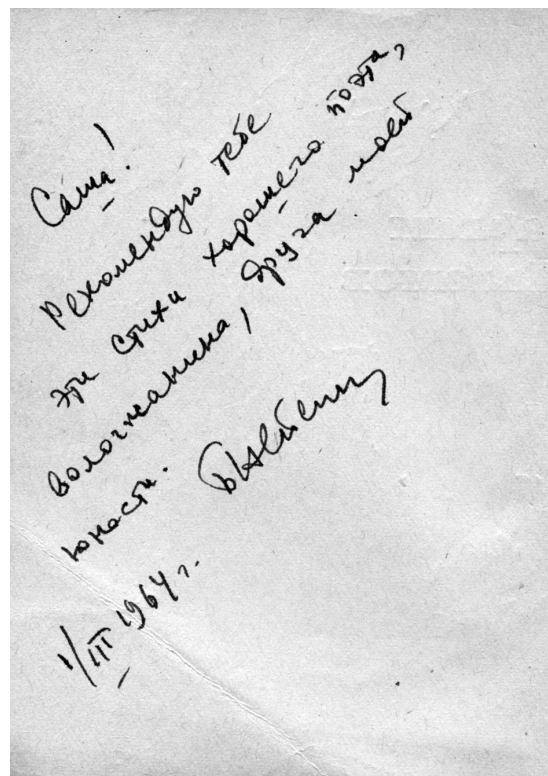
*Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.*

*Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поисчет это тесто
Исхода в высоте.*

*Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.*

*И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.*

*Соленая, крутая,
Каленая в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.*

⁵ Подробнее эта мысль Б. Спинозы развита Шаламовым в большом автокомментарии к стихотворению «Я вовсе не бежал в природу...» (1963, включено в сборник «Шелест листьев») (см.: [4, т. 2, с. 495–479]).

В. Е. Шаламов не зря писал (иронически), что это стихотворение постигла «редкая участь» быть напечатанным сразу, без проволочек – оно отвечало оптимистическому духу эпохи «оттепели» и воспевало хлеб, что было, опять же, близко вологодской «крестьянской» линии литературы. Возможно, кто-то из вологжан, узнавших к тому времени, что Шаламов много лет провел в лагерях, недоумевал, откуда у него такое знание секретов выпечки хлеба. Но только в «Четвертой Вологде» он рассказал, как в детстве постоянно крутился на кухне возле русской печи, где его мама каждый день обязана была (по правилам, заведенным отцом) выпекать свежий хлеб, с вечера готовя опару. С другой стороны, в этом стихотворении, несомненно, присутствует и своего рода «лагерный» мотив: так страстно воспеть рождение хлеба мог только много голодавший человек.

Л. Е. «Камея» (зима 1952/53) – стихотворение отчетливо колымское. Оно очень нравилось Пастернаку. В 1956 г. Борис Леонидович рекомендовал его в «День поэзии», но по каким-то причинам «Камея» не вышла. При первой публикации в сборнике «Огниво» цензура не пропустила вторую строфу о «преждевременных морщинах» и «отчаянье тщеты». В «Шелесте листьев» и в антологии оно было опубликовано полностью.

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.*

*В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.*

*Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.*

В. Е. Тут я могу поделиться интересным и приятным воспоминанием: в 1990 г. при открытии мемориальной доски Шаламова на фасаде его родного дома выступал А.А. Романов. И он прочел наизусть «Камею». То есть, кроме «Памяти» ему нравилось и это стихотворение.

Л. Е. «Арктическая ива» (1962) – еще одно опубликованное стихотворение – в журнале «Сельская молодежь» (№ 12, 1963). Оно вошло не только в альманах «Поэзия Севера» (1966), но и в «Антологию поэзии Дальнего Востока» (Хабаровск, 1967) [4, т. 2, с. 492].

*Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спеить
Жить здесь как птица, как человек,
Если решила жить.*

*Жить – значит в талую землю успеть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.*

В. Е. К Вологде это стихотворение отношения не имеет, но имеет отношение к северу, поэтому его, вероятно, и взяли в антологию. Кроме того, оно очень короткое, емкое и точно выражает философию жизни Шаламова.

Л. Е. «Лиловый мед» (1954) – стихотворение, которое Шаламов считал одним из лучших. Его именем он хотел назвать первый сборник в издательстве «Советский писатель» [4, т. 1, с. 521].

*Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.*

*На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.*

*И, мешая грязный пот
С чистой слезинки,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.*

*Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот:
Судорога счастья.*

В. Е. Кому-то, наверное, показалось (и кажется ныне) странным, каким-то «декадентским» словосочетание «лиловый мед». Почему лиловый? Очевидно, что эпитет связан с образом имеющего лиловато-фиолетовую кожуру зимнего замороженного шиповника, последней радости колымского заключенного («судорога счастья»).

Л. Е. Конечно, в антологию не могла не войти «Старая Вологда». Стихотворение было написано в Москве в 1960 году.

*Медлительная Вологда...
Столетия и дали
Тащили город волоком,
В оврагах рассыпали.*

*Предместьями, посадами
Бросали на дороге
С глухими палисадами
Еловые чертоги.*

*Жила когда-то грезами
О Вологде-столице,
Каприз Ивана Грозного
Как сказка о Жар-птице.*

*А впрочем, вести веские
О царском разговоре –
Магическими фресками
В стариннейшем соборе.*

*Когда-то слишком пыльная,
Базарная, земная...
Когда-то слишком ссыльная
И слишком кружевная.*

Меня всегда интересуют варианты, и здесь обращаешь внимание на исправление 18-й строки с «Этапная, сквозная» на «Базарная, земная» [4, т. 2, с. 481]. Это цензурное влияние?

В. Е. Возможно, и самому Шаламову не очень нравилось «Этапная, сквозная» – ведь не всем читателям эти слова были понятны. «Базарная, земная» – более реальный образ, учитывая, что Шаламовы жили недалеко от базара («старый рынок») и базарной площади, которая в 1919 году была переименована в «Площадь борьбы со спекуляцией».

Л. Е. Прекрасное название для базарной площади (улыбаются).

И последнее стихотворение, запомнившееся многим, мне кажется, по публикации в журнале «Юность»: «Поэзия – дело седых» (1962). Полемическая реакция Шаламова на шумный успех молодых поэтов. Впервые напечатано 6 октября 1963 года в «Неделе» [4, т. 2, с. 494].

*Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.*

*Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.*

*Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин.*

В. Е. Шаламова действительно раздражали некоторые молодые поэты, особенно А. Вознесенский, столь эпатажно заявлявший о своем новаторстве. На самом деле, как считал Шаламов, успех Вознесенского во многом был обусловлен тем, что читатель 1960-х годов просто не знал подлинного, более глубокого новаторства, которое несла в себе русская поэзия 1910-х и 1920-х гг. И, конечно, есть своя правда в его словах «Поэзия – дело седых». Эту правду мы открываем сегодня, читая полное собрание стихотворений Шаламова.

Л. Е. Да, так оно и есть. Был ли Шаламов удовлетворен публикацией в антологии? И кто еще вошел в нее?

В. Е. Прямых откликов Шаламова на это издание не сохранилось. Думаю, что в целом он был рад тому, что был представлен в «Поэзии Севера» и таким образом признан как земляк. Об этом говорит и присылка В.В. Гуре сборника стихов «Дорога и судьба», вышедшего в 1967 г. В областной библиотеке хранится этот сборник с дарственной надписью и небольшим письмом Шаламова:

«Уважаемый Виктор Васильевич,

Прошу принять «Дорогу и судьбу» с добрым сердцем. Как видите, я не забыл своего обещания прислать Вам свою новую книжку.

С уважением В.Шаламов. Москва. 16 сентября 1967 г.».

То есть, казус с «сочно» и «образно» был забыт, и Шаламов продемонстрировал свое благорасположение к вологодскому литературоведу.

Перед подборкой стихов в антологии разместили его фотографию с текстом:

«В. Шаламов родился в 1907 году в Вологде. Здесь прошли его детские и юношеские годы. Теперь В. Шаламов постоянно живет в Москве. Стихи его печатаются с 1932 года».

На последнюю строку он явно досадовал – ни слова не было сказано о его прозе, а вместо этого сохранилась грубая ошибка: с 1932 года печатались его очерки, а стихи начали печатать лишь с 1957 г.

Л. Е. Наверное, надо напомнить, что стихи Шаламов писал с детства.

В. Е. Не просто «писал стихи с детства» (пишут многие), а рожден был поэтом! Это очень важно для понимания его личности, ее масштабности и особенностей всего творчества Шаламова, включая прозу. Интересно заметить, что в юности, живя в Вологде, он никому не показывал своих стихов и, очевидно, стоял в стороне от кружка молодых местных поэтов, образовавших в 1925 г. группу «Борьба» (рапповского направления), куда входил Б. Непейн. Ранние литературные архивы Шаламова не сохранились, они были сожжены его родственниками после арестов 1929 и 1937 годов. Чудом удержалось в его памяти (и было записано в первые колымские тетради в 1949 г.) только одно стихотворение 1920-х годов:

*Игрою детской увлеченный,
Я наблюдаю много лет,
Как одноногие девчонки
За стеклышками скачут вслед.*

*Мальчишки с ними не играют,
А лишь восторженно галдят,
Когда такая вместо рая
Вдруг попадает прямо в ад.*

*И неудачнице вдогонку
Грозятся бросить кирпичом.
На то она ведь и девчонка,
Им все, девчонкам, нипочем.*

Л. Е. Стихотворение навеяно вологодскими впечатлениями?

В. Е. Вполне возможно: «одноногие девчонки» и в Вологде прыгали, еще до асфальта. Конечно, сам Шаламов не считал это стихотворение сколь-либо важным для себя, но для истории его творчества оно имеет значение. Тем более, что с ним связан один забавный эпизод из литературной жизни Москвы 1920-х годов. Юный вологжанин Варлам к тому времени уже познал ее вкус, он хорошо разбирался во всех новейших явлениях в поэзии (пройдя школу ЛЕФа в кружках С.М. Третьякова и О.М. Брига и разочаровавшись в ней). В воспоминаниях «Несколько моих жизней» он писал:

«Избавленный от духовного гнета «литературы фактов», я яростно писал стихи – о дожде, о солнце, о всем, что в Лефе запрещалось».

Отнес в «Красную новь», консультантом там был Митрофанов – автор повестей «Июнь-Июль» и «Сервянка». Писатель не настоящий, стихи даже взять отказался.

– Возьмите эти пастернаковские стихи. Вся Россия пишет под Пастернака. И вы тоже. И знаете, идите домой, не приносите пастернаковских стихов.

Я перечел отвергнутые стихотворения (далее следует «Игрою детской увлеченный...»). – В. Е.).

Что тут пастернаковского? Я ничего не понимал...» [1, с. 306].

Этот эпизод, кроме прочего, показывает, что Шаламов имел гораздо более богатый литературный опыт, нежели многие вологжане 1960-х годов. В сущности как поэт он во многом следовал традициям «серебряного века». Поэтому его стихи выделялись и в антологии «Поэзия Севера».

Л. Е. Кто еще был представлен в ней?

В. Е. Все ведущие вологодские поэты тех лет: А. Яшин, С. Викулов, С. Орлов, Н. Рубцов, А. Романов и другие. При этом у Шаламова была самая большая подборка. Например, у Н. Рубцова было напечатано 4 стихотворения: «Тихая моя родина», «Жар-птица», «Видения на холме», «Осенняя песня». Надо заметить, что Шаламов выше всех ценил Рубцо-

ва. В 1970-е годы он написал стихотворение, посвященное ему, и откликнулся на его смерть. Но об этом, а также об отношении Шаламова к А. Яшину, С. Орлову, О. Фокиной, к «деревенской прозе» и о других интересных и острых темах мы поговорим во второй части интервью.

Литература

1. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 4. – 637 с.

2. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 6. – 603 с.

3. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 7. – 521 с.

4. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020 (Новая Библиотека поэта).

5. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / Варлам Шаламов ; [составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипов]. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

V.V. Esipov, L.V. Egorova

VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 1

Discussion of the editor of the journal with Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: articles and other studies* (2020), the editor of two volumes of Shalamov's poetry (2020). Varlam Shalamov's connections with literary world of Vologda are under consideration.

V. Shalamov, Vologda, S. Vikulov, V. Gura, B. Nepein, A. Romanov.

Л.Л. Ефремова, А.Б. Першина
Государственный архив Вологодской области

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ ПОЭТА С.С. ОРЛОВА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Статья написана в преддверии 100-летия со дня рождения Сергея Орлова. На основе архивных документов уточняются некоторые биографические факты жизни и деятельности представителей рода поэта. Документы впервые вводятся в научный оборот.

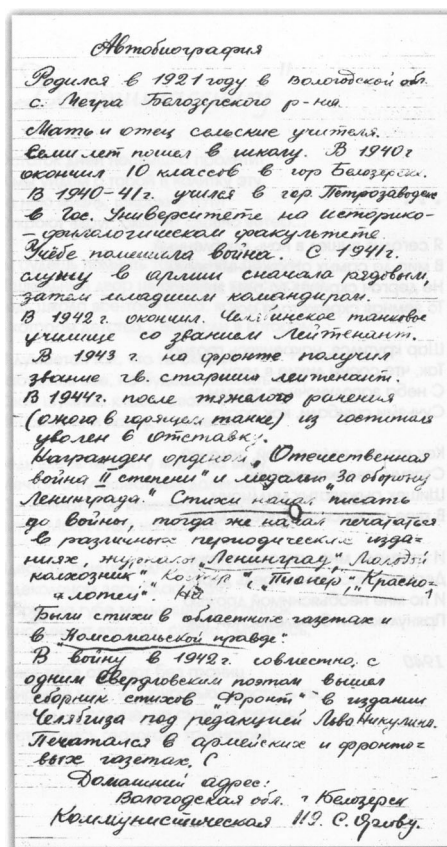
С. Орлов, русский поэт, архивный документ, история рода, биографические сведения, генеалогическая информация

22 августа 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Орлова – поэта, нашего земляка, уроженца Белозерского края.

«Часто, когда пишут о поэте, многое принято объяснять в его творчестве фактами биографии, прямой связью существующей между ними, бывает, что статьи при этом становятся похожими на развернутую художественную характеристику отдела кадров» [19, с. 167], – писал С. Орлов в 1974 г. о своем земляке С. Викулове.

Исторически так сложилось, что судьбы советских людей умещались на одном листе автобиографии, где краткие сведения по схеме «родился – учился – член партии с такого-то года...» должны были создавать канонический образ советского гражданина, биография которого начиналась с «чистого листа», содержала лишь сведения о жизни и деятельности автора и была лишена какой-либо генеалогической информации. Современный исследователь возрождает интерес к генеалогии в высоком смысле и значении, ибо она воссоздает историю того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной. Нельзя также отрицать значимость биографической справки, предварающей или сопровождающей знакомство с художником слова. Иногда интерес к той или иной творческой личности возникает и поддерживается благодаря таким понятиям, как землячество, малая родина, соседство... Немалую роль играет в этом союзе внимание к биографическим нюансам, расширяющим хрестоматийные сведения о поэте: уточняются биографические координаты, наполняется со- бытиями вектор времени.

Но документальное наследие биографического характера с течением времени – тема часто трудно- доступная, закрытая для большинства исследователей. Далеко не все из них обладают навыками профессионального историка-генеалога. Поэтому для современного читателя повседневность 100-летней давности является порой непреодолимой дистанцией, еще более отодвигая общение.

Автобиография С. Орлова.
Документ опубликован в книге: Орлов Сергей Сергеевич.
Мое поколение: [Стихи]... [26, с. 13]

Авторы статьи не ставят перед собой задачу полного генеалогического исследования истории семьи Орловых. Главная цель – ввести в научный оборот неизвестные на сегодняшний день документальные свидетельства жизни и деятельности представителей рода поэта, отложившиеся в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО): Вологодская духовная консистория, Белозерская уездная земская управа, Земский начальник 1-го участка Белозерского

уезда, Белозерская почтово-телеграфная контора, Ереминская почтово-телеграфная контора, Инспектор народных училищ Белозерского уезда, Белозерское высшее начальное училище, Педагогические женские курсы при Белозерском высшем начальном училище.

Необходимо уточнить, что комплектация и сохранность выявленных документальных материалов носит фрагментарный характер. Причина тому – широта географии жизни С. Орлова: Мегра, Белозерск, Петрозаводск, Челябинск, Ленинград, Москва. Кроме того, только территория малой родины – Белозерский край – не раз испытала на себе реформы административно-территориального деления. Родился С. Орлов, как следует из его автобиографии, в 1921 г. в Белозерском уезде. На тот момент – это Череповецкая губерния [1, с. 34], территория которой в 1926 г. вошла в состав вновь образованной Северо-Западной области, с 1927 г. стала частью Ленинградской области [1, с. 39], а в 1937 г. вошла в состав Вологодской [27, ст. 276]. Именно такое территориальное движение между северными областями СССР обусловило то, что документы генеалогического характера семьи Орловых лишь частично отложились в фондах ГАВО.

Попробуем восстановить некоторые ранее неизвестные факты в истории рода семьи Орловых.

Николай Дмитриевич Орлов (дед поэта) родился 31 марта 1862 г. Служебную деятельность в почтово-телеграфном ведомстве начал в 1882 г. [17, л. 49 об.]. Николай Дмитриевич стоял у истоков уездного почтово-телеграфного дела Новгородской губернии и находился на службе в Кирилловской, Устюженской и Белозерской почтово-телеграфных конторах. Так сложилось, что профессиональная деятельность деда С. Орлова повлияла на место рождения будущего поэта.

В 1897 г. Н.Д. Орлов, титулярный советник, занимал должность начальника почтово-телеграфного отделения на станции Иванов Бор Кирилловского уезда, находившегося в подчинении Кирилловской почтово-телеграфной конторы [20, с. 105].

С 1898 по 1903 гг. (в чине коллежского асессора с 1901 г.) он заведовал аналогичным отделением в с. Еремине Устюженского уезда, состоявшем в ведении Устюженской почтово-телеграфной конторы [21, с. 92; 22, с. 102; 23, с. 108]. Документы архивного фонда Ереминского почтово-телеграфного отделения, отложившиеся в ГАВО, за 1898–1903 гг. представле-

ны статистическими и годовыми отчетами, рапортами, сведениями и ведомостями о движении корреспонденции, поступлении страховых сборов, доходах и расходах денежных сумм и др. Все документы заверены подписью начальника отделения Н.Д. Орлова [16].

С 1907 по 1916 гг. дед поэта служил помощником начальника Белозерской почтово-телеграфной конторы [24, с. 190; 25, с. 229]. Семья, в которой уже подрастало пятеро детей (Сергей (отец поэта), Елизавета, Николай, Антонина и Надежда), переехала в Белозерск [3; 18, с. 32].

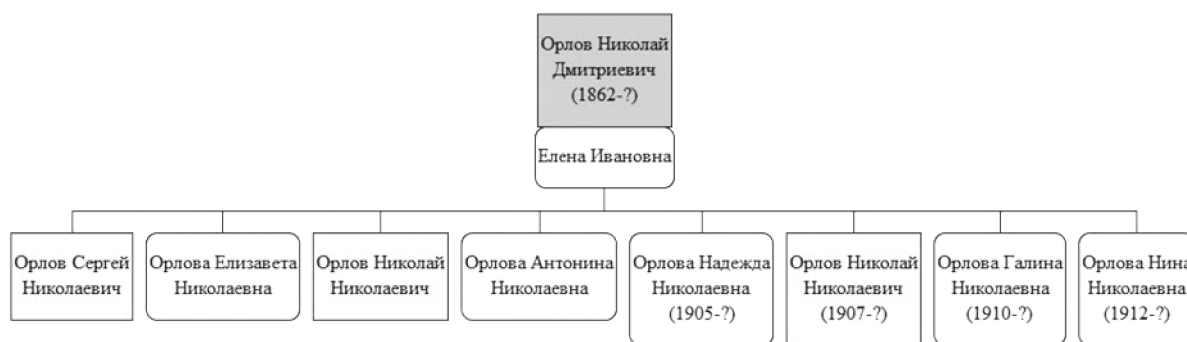
Здание Белозерской почтово-телеграфной конторы. Нач. XX в. Фото из интернет-источников

В метрических книгах Иоанно-Богословской церкви г. Белозерска имеются сведения о рождении младших детей: за 1907 г. – снова Николай, 1910 г. – Галина, 1912 г. – Нина [3]. В качестве воспитателей (крестных) у всех новорожденных указаны старшие дети. Так, отец будущего поэта – Сергей Николаевич Орлов – прописан в этом качестве в актовых записях о рождении Николая и Галины.

Сведения о службе Н.Д. Орлова (деда поэта) в Белозерской почтово-телеграфной конторе после 1916 г. также подтверждаются архивными документами. В списке служащих конторы за 1921 г. указано, что он занимал должность марочного кассира. Семья Орловых, в составе которой прописаны младшие дети Надежда, Николай, Галина и Нина, проживала в Белозерске на Водораздельной набережной [17, л. 49 об.–50; 18, л. 32].

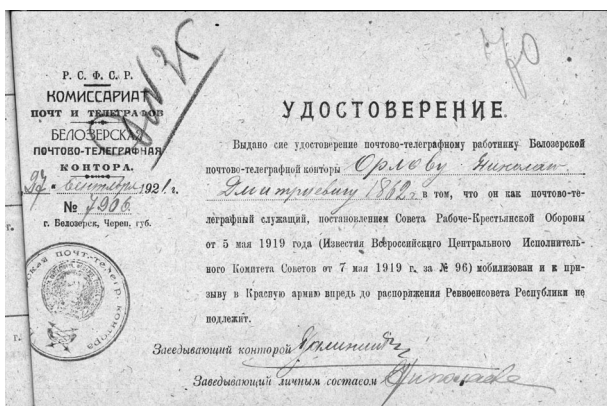
Благодаря обнаруженным архивным источникам стало известно, что в сентябре 1921 г. Николай Дмит-

Схема семьи Николая Дмитриевича Орлова (деда поэта)

Генеалогическая схема семьи Н.Д. Орлова (деда поэта), составленная на основе документов ГАВО

риевич Орлов получил извещение о своей мобилизации. Белозерская почтово-телеграфная контора входила в ведомство Комиссариата почт и телеграфа, сотрудники которой, согласно постановлению Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 5 мая 1919 г., подлежали мобилизации на нестроевую службу. При этом от призыва в Красную армию до особого распоряжения Реввоенсовета республики марочный кассир Н.Д. Орлов освобождался. Надо сказать, что уже к началу XX века электросвязь представляла собой важнейшую часть российской инфраструктуры, являясь самостоятельной отраслью информационных коммуникаций. Работа почтово-телеграфных служащих была, без преувеличения, стратегически важной и необходимой государственной услугой. Ведь через отделения связи передавались важнейшие сведения и новости, от правильности и срочности доставки которых порой зависело очень многое. [17, л. 70].

Удостоверение о мобилизации, выданное почтово-телеграфному служащему Н.Д. Орлову. 27 сентября 1921 г. (ГАВО. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 2. Л. 70)

Николаю Дмитриевичу Орлову на 1921 г. было 59 лет, 39 из которых он отдал служению в почтово-телеграфном ведомстве.

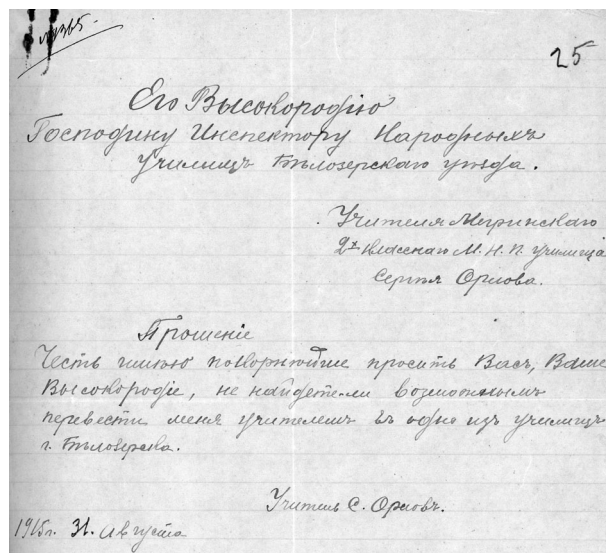
Если вернуться к хронологии, то в документальных собраниях ГАВО след семьи Орловых не теряется. В фонде Инспектора народных училищ Белозерского уезда в ведомости о личном составе педагогов начальных училищ Белозерского уезда встречаются сведения о **Елизавете Сергеевне Орловой** (тете поэта), которая с [1912] г. после окончания Белозерской женской гимназии и получения аттестата на звание учительницы начальной школы преподавала «обязательные предметы» в Белозерском женском приходском училище [14, л. 42; 15, л. 11–11 об.].

Сергей Николаевич Орлов (отец поэта) получил образование в Хреновской церковно-учительской семинарии¹, которую закончил примерно в 1910 г. В 1914 г. он значился в учительском составе Тумбажского министерского одноклассного училища Белозерского уезда [7, л. 1]. С этого же года Сергей Николаевич – учитель «всех предметов» Мегринского министерского двухклассного училища в с. Мегра

¹ Вероятно, в документах даны сведения о Хреновской церковно-учительской семинарии Костромской губернии.

Белозерского уезда. В 1917 г. он имел семь лет общего педагогического стажа [5, л. 39–39 об.].

В 1915 г. Сергей Николаевич Орлов подал прошение Инспектору народных училищ Белозерского уезда о переводе его в г. Белозерск также на учительскую должность [6, л. 25]. Зная историю рождения поэта С. Орлова, можно предположить, что его отцу было отказано в переводе. Он остался жить и преподавать в Мегре.

Прошение учителя Мегринского училища С. Орлова о переводе в одно из училищ г. Белозерска. 31 августа 1915 г. (ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 14. Л. 25)

С.Н. Орлов кроме педагогической деятельности принимал активное участие в учительском профсоюзном движении Белозерского уезда, начало которому было положено еще в 1915 г. с возникновением двух кружков при местной мужской гимназии (педагогического и ссудо-сберегательной кассы). Годом позже в городе открылось филиальное отделение «Общества взаимопомощи учащим и учившим в начальных школах», действовавшее до 1917 г. В марте того же года был организован Белозерский городской учительский союз, а в мае – Белозерский уездный союз начальных учителей, в Правление которого в качестве товарища (помощника) председателя был избран С.Н. Орлов.

В течение 1917 г. Правлением был принят ряд важных решений, в том числе относительно обустройства районного музея, выделении средств на строительство учительского дома, пополнении фондов библиотек начальных школ и др. Благодаря сохранившейся отчетной документации Белозерского учительского союза за 1917–1918 гг. известно, что С.Н. Орлов, как представитель учительского профсоюза, принимал участие в приемке церковно-приходских школ уезда [4, л. 1–5].

Согласно метрической записи Успенской Мегорской² церкви Белозерского уезда мать поэта – **Екатерина Яковлевна Магаева** – родилась в семье крестьянина села Мегра Якова Михайловича Магаева и его жены Параскевы Евфимиевны 23 ноября 1898 г. [2].

² Название церкви так указано в документе.

Метрическая запись Успенской Мегорской церкви Белозерского уезда о рождении Екатерины Яковлевны Магаевой. 23 ноября 1898 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 50. Д. 60. Л. 57 об.-58).

Село Мегра являлось центром Мегринской волости и входило в 1-й Земский участок Белозерского уезда. По сведениям на нач. XX в. в нем проживало 246 человек, которые по своему статусу, до отмены крепостного права в 1861 г., относились к государственным крестьянам [9, л. 9 об.].

В 1906 г. Яков Магаев (дед поэта по материнской линии) был внесен в список домохозяев, обладавших правом голоса на сельском сходе Мегринской волости. Сельский сход являлся органом крестьянского самоуправления и объединял всех крестьян-домохозяев сельского общества. На сходе проходили выборы сельского старосты, решались земельные вопросы и др. [11, л. 30].

"УТВЕРЖАЮ" 15 апреля 1914 года № 1981. 20/12/1914

Директор *А. Власович*
Депроизводитель *Серебряков*

Расписание
весенних переводных экзаменов на Белозерских Педагогических женских Курсах в 1913/14 учеб. году.

Месяц и число.	Семейное положение.		Название учебного заведения из которого получила образование.	Учитель.	Учительница.
	Холост.	Женат.			
Апрель 28	Письменный по русскому языку	Письменный по русскому языку			
29	Письменный по арифметикѣ	Письменный по арифметикѣ			
30	-----	Письменный по алгебрѣ.			
М а й 1	-----	Письменный по алгебрѣ.			
3	Русскій и славянскій языкъ	Законъ Божій /репетиція/			
5	-----	Естествовѣдѣніе съ 12 час.			
7.	Законъ Божій	-----			
8.	-----	Русскій языкъ			
10	Географія	Дидактика			
13.	Физика съ 1 ч. /репетиція/	Арифметика			
16.	Арифметика съ 1 ч. /репет./	Географія			
19.	Исторія /репетиція/	Физика			
20	-----	Методика чистописанія			
21	Геометрія /репетиція/	-----			
23	Естествовѣдѣніе /репетиція/	Исторія			
24	-----	Методика русск. языка /реп./			
27	-----	Геометрія /репетиція/			
29	-----	Алгебра /репетиція/			
30	-----	Педагогика /репетиція/			
Июнь 31	А - К - Т - Ъ .				

Завѣдывающій Курсами *А. Власович*

Расписание весенних переводных экзаменов Белозерских педагогических женских курсов на 1913/1914 уч. г. (ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 2. Л. 2)

Екатерина Яковлевна Магаева в 1917 г. окончила трехгодичные Педагогические женские курсы при Белозерском высшем начальном училище [13, л. 29 об.], куда поступила, предположительно, после окончания Белозерской женской гимназии [10, л. 16].

Белозерские педагогические женские курсы были открыты 1 сентября 1912 г. на основании распоряжения Министерства народного просвещения от 13 июля 1912 г. при Белозерском высшем начальном училище [12, л. 14]. На курсы принимались девушки, окончившие начальную ступень обучения и выдержавшие вступительные испытания по Закону Божию, русскому языку, истории, арифметике, географии и пению [13, л. 1-25]. Социальный статус учениц был самым разнообразным: дочери личных дворян и чиновников, священнослужителей, мещан и крестьян от 15 до 19 лет. Последние составляли 80% от общего состава поступивших на курсы. Учащиеся могли проживать дома или снимать жилье. Особо нуждающимся предоставлялось место в общежитии педагогических курсов [8, л. 1-5]. Ученицы держали ежегодные переводные экзамены [12, л. 2].

Екатерина Яковлевна по окончании курсов вернулась в Мегру и поступила на службу учительницей «всех предметов» в Мегринское министерское двухклассное училище. Именно там произошла судьбоносная встреча родителей будущего поэта. Начиная с 1917 г. Екатерина Яковлевна Магаева и Сергей Николаевич Орлов стали вместе преподавать в Мегре.

Свѣдѣнія объ учащихся.

Фамилия, имя, отчество учащихся данной школы.	Семейное положение.		Название учебного заведения из которого получила образование.	Учитель.	Учительница.
	Холост.	Женат.			
<i>Заводовъ, уи. Анкина</i>			<i>Вятск. окол. Уи. Уи. Уи.</i>		
<i>Тригорий Михайлов да Орловъ</i>	да		<i>Вятск. окол. Уи. Уи. Уи.</i>		
<i>Сергей Николаев да Николаева</i>	да		<i>Вятск. окол. Уи. Уи. Уи.</i>		
<i>Вера Николаевна Николаева</i>		да	<i>Вятск. окол. Уи. Уи. Уи.</i>		
<i>Екатерина Яков</i>		да	<i>Вятск. окол. Уи. Уи. Уи.</i>		

Какого числа и месяца отправленъ Вами этотъ бланкъ 1917 года Декабря 14

№ 139^а

Подпись составителя *Серебряков*

Завѣдывающій Мегринскимъ 2-хъ классн. М. Н. П. училищемъ Белозерск. у. Новг. губ. *Серебряков*

Сведения об учительском составе Мегринского министерского двухклассного училища. 14 декабря 1917 г. (ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 10. Л. 39 об.)

На тот момент оба холосты [5, л. 39-39 об.]. Это село станет родиной будущего поэта Сергея Орлова.

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-белы на заре.

Ели – словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,

И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что – самый лучший,
Но милей всех сердцу край!

С. Орлов. 1945 г.

Таким образом, даже на начальном этапе исследования мы видим, что генеалогия рода С. Орлова необычна. В родословной поэта переплелись судьбы совершенно разных семейств. Два его деда: один – титулярный советник, другой – мегорский крестьянин – оставили свой след в истории рода нашего земляка.

С течением времени представители родов сошлись в одной точке, которой стало с. Мегра. Эта встреча дала начало новой жизни, определила малую родину русского поэта Сергея Орлова.

В заключение следует сказать, что многие документальные свидетельства жизни и деятельности представителей рода поэта пока остаются за рамками данного исследования. То, что некоторые из них сохранились в фондах ГАВО, можно считать большой удачей. Это позволило реконструировать небольшой раздел в будущей генеалогической схеме рода Орловых. На данный момент остается открытым вопрос о месте рождения деда поэта по отцовской линии Н.Д. Орлова, а также месте и времени рождения отца поэта С.Н. Орлова. Поиск же сведений о мегорских предках по материнской линии можно продолжить по документам ГАВО.

Представленный материал может быть интересен исследователям творчества и биографии поэта С. Орлова.

Литература

1. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области 1727–1995 гг. Справочник. Санкт-Петербург, 2009. – 352 с.

2. ГАВО. Ф. 496. Оп. 50. Д. 60. Л. 57 об.–58.

3. ГАВО. Ф. 496. Оп. 50. Д. 131. Л. 164 об.–165, 227 об.–228, 276 об.–277.

4. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 5.

5. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 10.

6. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 14.

7. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 17.

8. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 18.

9. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 24.

10. ГАВО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 25.

11. ГАВО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 18.

12. ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 2.

13. ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 5.

14. ГАВО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 15.

15. ГАВО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 17.

16. ГАВО. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 11–14.

17. ГАВО. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 2.

18. ГАВО. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 21.

19. Орлов С. Слово о земляке // Орлов С. Свидетели живые. Москва: Советская Россия, 1974. – 176 с.

20. Памятная книжка Новгородской губернии на 1897 год. Новгород, 1897.

21. Памятная книжка Новгородской губернии на 1898 год. Новгород, 1898.

22. Памятная книжка Новгородской губернии на 1901 год. Новгород, 1901.

23. Памятная книжка Новгородской губернии на 1903 год. Новгород, 1903.

24. Памятная книжка Новгородской губернии на 1907 год. Новгород, 1907.

25. Памятная книжка Новгородской губернии на 1916 год. Новгород, 1916.

26. Орлов Сергей Сергеевич. Мое поколение: [Стихи]: Посвящается 80-летию поэта / С. Орлов; [Сост. Богомолова Т. В.]; Администрация Белозер. муницип. р-на, Белозер. историко-худож. музей. – Вологда: Полиграфист, 2001. – 92, [2] с.: ил., факс.

27. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик [Отдел 1. № 1-76]. – Москва: Управление Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР, 1937. – 806 с.

L.L. Efremova, A.B. Pershina

THE REVIEW OF DOCUMENTS ON THE FAMILY HISTORY OF THE POET SERGEI ORLOV FROM THE VOLOGDA REGION STATE ARCHIVE (THE TURN OF THE 20TH CENTURY)

The article was written on the eve of the 100th anniversary of the birth of Sergei Orlov. Some biographical facts about the life and activities of the poet's family members are clarified on the basis of the archival data. The documents are introduced to academic circles for the first time.

Sergei Orlov, Russian poet, archive document, family history, biographical information, genealogical information

В.Я. Иванова

Иркутский государственный университет

ВЕЧНОСТЬ В КОНЦЕ РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

На основе христианско-православного аксиологического подхода в статье раскрывается значение конца произведений В. Распутина. Конец первых рассказов и повестей писателя сюжетно продолжается в начале, композиционным кольцом стягивая художественное время в одну точку, соотносимую с восприятием вечности, по Августину Блаженному. Остановка сюжета на границе жизни главного героя, евангельские и литургическая реминисценции, мотивы стыда, вины и раскаяния в конце произведений сближают художественное время с категорией вечности.

Художественное время, эсхатологическое время, литургия, спасение души.

Христианско-православная аксиология, представленная в отечественном литературоведении концепциями В.В. Зеньковского [12], М.М. Дунаева [6], И.А. Есаулова с категориями соборности [8], пасхальности [9] и христоцентризма, В.Н. Захарова [11] и работами других исследователей, дает возможность по-новому посмотреть на окончание рассказов и повестей В. Распутина. Глубинный смысл произведений этого писателя, по мнению А.А. Дырдина, может быть раскрыт именно с аксиологической позиции. Исследователь считает, что «обращение к темам, составляющим ядро христианско-православного взгляда на личность, ведет к глубинным пластам мировоззрения художника» [7, с. 202–203].

В статье автор опирается на тексты Священного Писания и труды известных восточно-христианских богословов, в том числе современных. Структурно-семантический анализ начала и конца художественного произведения проводился в работах Ю.М. Лотмана [17; 18]. При анализе начала и конца как границ произведения Ю.М. Лотман обращал внимание на специфику, тип текста [19, с. 62]. В христианской картине мира «начало» и «конец» – ключевые категории эсхатологического времени. «Согласно христ. учению, В. [Время] как творение Божие подчинено домостроительству спасения и своими границами имеет начало и конец мира; в этом конечном временном интервале осуществляется земная история человечества» [4, с. 517]. В Откровении Иоанна Богослова время делящееся, линейное, однонаправленное в конце истории завершается вечностью, наступлением Царства Божьего.

Вечность в христианско-православном богословии рассматривается как отсутствие времени. «Понятие В. [Вечность], т. о., в строгом смысле применимо только к Богу. В. есть свойство Его бытия, коренным образом отличное от времени – одного из необходимых условий изменчивого мира. В. по отношению ко времени трансцендентна. И хотя вслед своей ограниченности мы вынуждены сопоставлять В. со време-

нем, онтологически это совершенно несводимые реальности (*Greg. Nazianz. Or. 29. 3*)» [10, с. 96]. Философ XX в. А.Ф. Лосев, следуя богословскому толкованию времени и вечности, предполагал возможность сжимания времени «...в одну неделимую точку...» [16, с. 135]. О связи времени и вечности он писал, что «...нельзя выйти из времени только тогда, когда само время обратится в *бесконечно уплотненное* время, т. е. только тогда, когда оно станет самой вечностью» [16, с. 135]. О соотношении времени и вечности в современном богословии сказано следующее: «Вечность не разрывает, не опустошает, не обесмысливает времени и нашей в нем жизни, но, напротив, она-то и дает им весь смысл и всю их подлинную ценность. Вечной Истиной Церковь наполняет время, смыслом, явленным в ней, наполняет бессмысленный вне его “поток времени”» [28, с. 100]. А. Шмеман напоминает о спасении души, о смысловой наполненности жизни человека с целью обретения вечной жизни.

Первый рассказ В. Распутина «Я забыл спросить у Алёшки...» (1961) [26], позднее с названием «Я забыл спросить у Лёшки...» (1967) [25], обнаруживает особое значение конца в поэтике начинающего писателя. Завершение рассказа передает чувство недосказанности повествователя, растерянность от неожиданного обрыва жизни друга. Но за растерянностью скрыто недоумение, замирание, остановка при соприкосновении с чем-то высшим, непостижимым для человека. При сравнении двух редакций рассказа (1961 г. и 1967 г.) можно заметить, что из последнего абзаца автор убрал предложение: «Лениво тянулась дорога, прижатая сверху густой ватой тумана» [26, с. 88]. Весь остальной текст остался нетронутым. Можно предположить, что образ дороги, уходящей вдаль, в первой редакции оказался не согласованным с тем, что передает конец произведения. Для автора, вероятно, важна была остановка, недвижимость души повествователя, то, что описано у Августина Блаженного в «Исповеди» как восприятие вечности. «Кто удержал бы и остановил его [сердце] на месте: пусть мину-

постоит неподвижно, пусть поймает отблеск всегда недвижимой сияющей вечности, пусть сравнит ее и время, никогда не останавливающееся. Пусть оно увидит, что они несравнимы. <...> Кто удержал бы человеческое сердце: пусть постоит недвижно и увидит, как недвижимая пребывающая вечность, не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим» [1, с. 333].

Замирание на границе человеческой жизни, перданное смущением повествователя, прикрывается вопросом, на который не смог бы ответить при жизни и сам Лёшка. Необычность, парадоксальность состояния повествователя отмечена стыком слов «вспомнил» и «забыл», их противоречивым взаимодействием, а также самой постановкой вопроса, обращенного к тому, кого уже нет. Странное окончание рассказа «Я забыл спросить у Лёшки...» представляет собой сгущенное, свернутое художественное время, соединившее прошлое, настоящее и будущее, в котором тот, кого нет, еще жив, и словно способен ответить на незаданный вопрос. Присутствует и неявное обращение к читателю, включение его в художественное время произведения. «Я неожиданно вспомнил о том, что еще забыл спросить Лёшку, будут ли знать при коммунизме о тех, чьи имена не вписаны на зданиях заводов и электростанций, кто так навсегда и остался незаметным. Мне во что бы то ни стало захотелось узнать, вспомнят ли при коммунизме о Лёшке, который жил на свете немногим больше семнадцати лет и строил его всего два с половиной месяца» [25, с. 13]. Не заданный, но обращенный к Лёшке вопрос завершает первый рассказ В. Распутина, оставляя читателя наедине с тайной.

В тексте едва заметно присутствует евангельская реминисценция о вписанных именах из последних глав Откровения Иоанна Богослова. О Небесном Иерусалиме там сказано: «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца» (Откр. 21: 14). И ранее: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20: 12). В разговоре с друзьями Лёшка сам говорит о памяти строителей коммунизма так: «Зачем им еще ставить памятники и записывать их имена на какую-то другую стену? О них книги напишут» [26, с. 87], соединяя евангельские аллюзии в одном высказывании, имеющем на первом плане буквальный смысл. В Откровении Иоанна Богослова память о делах человеческих и Божий Суд имеет сотериологическое значение спасения и вечной жизни души. Сквозь идеологему в рассказе В. Распутина просвечивает отвергнутое эпохой традиционное миропонимание. Конец произведения не замыкает жизнь Лёшки, он открывает какие-то не зримые, но предполагаемые в ней дали, в какие и адресован не заданный повествователем вслух вопрос, обращенный к культурной памяти народа. Конец жизни друга становится началом предчувствуемого продолжения. Перед этой тайной замирает повествователь. Сложная материя распутинского слова, связанная с евангельскими текстами, таким образом, обнаруживается в первом рассказе молодого журналиста.

Начало и конец рассказа «Я забыл спросить у Лёшки...» композиционно смыкаются. Событийно начало является концом, конец начинает повествование. При этом сюжет как бы свертывается в одну точку, разворачиваясь в начале как воспоминание повествователя. Сквозным в произведении является мотив памяти. «Нет, я всё это помню» [26, с. 84], – в начале рассказа. «Я помню все, помню до боли, ярко и точно все мелкие линии подробностей...» (Там же, с. 88), – ближе к концу рассказа. Мотив памяти осложняется мотивом сна. Мотивы конфликтны, семантически исключают друг друга. «Если это сон, – решил я, – ни за что не вспомню то, что произошло за последние сутки» (Там же, с. 84). Диалектическая пара мотивов – памяти и забвения – раскрывают и сворачивают сюжет в стремлении повествователя забыть то, что было. Первый абзац начала вводит мотив конца в текст: «...я бы несколько не удивился и с тупым безучастием стал бы ждать, чем все это кончится» (Там же). Важно, что в редакциях 1961 г. и 1967 г. первый абзац рассказа остался неизменным, за исключением двух-трех слов.

Начало соединяется с концом и во втором произведении, с которым автор вошел в литературу. В тот же год в журнале «Ангара» появилась зарисовка «Старая охотница» (1961) [24], написанная по впечатлениям первой командировки В. Распутина в Тофаларию. Об очерковой природе произведения свидетельствует имя главной героини – Елена Андреевна (Болхоева), жительница поселка Верхняя Гутара Нижнеудинского района Иркутской области. Но главный герой этой художественной зарисовки, скорее, не старуха-тофаларка, а время. Время, выраженное в образе песни, изображении гор, ветра, троп, снега, то есть всего образно-мотивного строя произведения. Певучесть текста сама по себе воплощает медленное течение времени, подобное звучанию песни тофаларки-охотницы. Образ песни, центральный и сквозной в зарисовке, выражает разные чувства женщины. То «...она мечтает, вспоминает и рассказывает» [24, с. 108], то «...как влюбленная девушка, которой сказали “нет”, бродит в отчаянии по тайге, думая, что делать дальше» (Там же), то песня похожа на «...вой голодного зверя в длинную зимнюю ночь» при душевной боли женщины (Там же, с. 109).

Природа внутреннего мира охотницы – это ощущение постоянного течения времени, высшего, надмирного его действия, соотнесение мгновения и вечности, их единения. «В старости годы, как белка-летяга. Мелькнула перед глазами – и нет никого. Хочешь – думай, что видел, хочешь – считай, что почудилось» (Там же, с. 107), – образ времени в начале рассказа как признание включения человека в его законы. «Над тайгой вспугнутой птицей начинает кружиться песня. Она все дальше и дальше. Она бесконечная, как жизнь. Она разная и сложная, как жизнь. Она обо всем, что случается в жизни» (Там же, с. 109), – конец произведения. Образ времени расширяется до образа вечности, песни-птицы. Мир тайги в восприятии женщины-охотницы в начале зарисовки представляет годы человека через сравнение с быстрой неуловимой белкой, в конце – жизнь всего живого представлена в образе птицы-песни, кружащейся над

тайгой и человеком, охватывающей весь этот мир. Вечность как циклическое, кружащееся движение определяется мифопоэтическим сознанием главной героини, старухи-тофаларки. Время в ее восприятии стремительное, находящееся рядом с человеком, вечность – высшее начало, птица над землей.

Объединяющим начало и конец в повести В. Распутина «Деньги для Марии» является образ снега – «как благодать» в мыслях Кузьмы. В редакции 1970 г. [23, т. 1] то же начало, что и в первой редакции (1967 г.) [21]. В начале повести образ снега представлен как ожидание в мыслях главного героя: «...навверное, к утру соберется и пойдет, пойдет, пойдет – как благодать» [23, т. 1, с. 11]. Образ снега как знак высшей помощи, осознаваемый Кузьмой в глубине души, в контрасте с ночной темнотой особенно выразителен. Тьма, окружающая главного героя в ночи, персонифицируется по ходу повествования в образах односельчан, отказывающихся в помощи Марии. Образ темноты в начале повести: «...и уже не было ничего, кроме бесконечно глубокой темноты, – ни одного огонька или звука» (Там же), имеет метафорическое значение. Ведущая христианская дихотомия «свет – тьма» раскрывается в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1: 5). В «Первом соборном послании Святого апостола Иоанна Богослова»: «...Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом...» (1 Ин. 1: 5–7). И там же: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем облызана. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2: 9–11). Контраст света и тьмы в начале повести вводит в текст евангельские аллюзии, связывает произведение с христианской картиной мира.

Образ снега в повести – художественный компонент, композиционно вбирающий в себя события трех дней и всю жизнь Кузьмы и Марии. Образ стягивает прошлое – настоящее – будущее в один день, в одну образную точку. В повести возникает словесно-художественная материя, передающая сверхплотность времени, связанную с категорией вечности. Особенности художественного времени писателя была отмечена уже в раннем распутиноведении. В.К. Сигов характеризует время в повести «Деньги для Марии» как кризисное, связанное с поэтикой времени у Достоевского, то есть краткое, «сжатое», переломное, «точечное» – рядом с «фоновым», растянутым на десятилетия. В повести В. Распутина «Деньги для Марии» показано, указывает В.К. Сигов, «...как в одной точке (точке кризиса) сошлось и наиболее отчетливо проявилось все, что было, есть и будет» (1984) [27, с. 70]. Подобная сверхплотность времени, на наш взгляд, представлена в образе снега, своим единством и развитием стягивающим сюжет в точку суток, завершившихся воскресным утром. Уместно вспомнить начальную фразу в первой редакции одного из ранних рассказов В. Распутина «Продается медвежья шкура»

(1966). «Раньше начало почти сразу же переходило в конец» [22, с. 43]. Сейчас эта фраза видится композиционной формулой некоторых произведений писателя, отражает связь начала и конца, уплотняющих художественное время в точку, развертываемую сюжетом.

Снег в христианском сознании русского народа ассоциируется с праздником Покрова Пресвятой Богородицы, одного из главных православных праздников (1/14 октября), когда осень дарит первый снег. Время границы, перехода одного состояния природы в другое. Образ снежного покрова земли как защиты и одновременно преобразования дается в восприятии Кузьмы. «Большими, лохматыми хлопьями он падает на землю, и в наступающих утренних сумерках земля начинает белеть» [23, т. 1, с. 129]. Замирание от первого снега («Кузьма сходит с поезда и от неожиданности замирает: снег» (Там же)), тишина и неподвижность главного героя выделены писателем. В первой редакции повести при виде первого снега Кузьма «вздрагивает» [21, с. 51], в поздних – «замирает». И тишина в первой редакции «сверху льется» и «заливает собой» (поток), а не «накрывает и глушит <...> звуки» (остановка движения), как в редакции 1970 г. «Ветра нет и в помине. Мягкая, неземная тишина, спадающая вместе со снегом на землю, накрывает и глушит пока еще редкие звуки» [23, т. 1, с. 129]. В мыслях Кузьмы Мария смотрит на тот же снег. Она воспринимает снег как чудо, как добрый знак помощи.

Внутри православной традиции образ Кузьмы в конце произведения получает зримые знаки святости, он «одет» в белое. Изображение снега ключевое в конце. «Рассвело. Снег всё валит и валит, падает Кузьме на плечи, на голову, застилает глаза...» (Там же, с. 130). Реалистическая картина падающего, осыпающего белым покровом землю и человека снега реминисцентна одеждам святых из Откровения Иоанна Богослова. Белые одежды святых соотносятся с белизной главы Того, кто говорит с евангелистом Иоанном в его видении: «...глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег...» (Откр. 1: 14). А сами святые «...будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его» (Откр. 3: 4–5). В редакции 1970 г. В. Распутин убрал описание эмоциональной реакции главного героя на снег («У Кузьмы только одна радость, одна надежда – снег» [21, с. 51]), полагая, вероятно, что первый снег для русского человека сам по себе передает значение Божьей защиты. А конверт с адресом брата, который Кузьма держит в руках, на что автор настойчиво обращает внимание читателя («...и, достав конверт с адресом...», «...держа перед собой конверт с адресом, идет по улице», «...и прячет в карман мокрый от снега конверт с адресом» [23, т. 1, с. 129–130]), в таком контексте получает коннотации указателя духовного пути. Евангельские реминисценции, аллюзии, реминисценция праздника Покрова Богородицы открывают сакральную семантику образа снега в конце повести как вершину развития. От ожидания до знака защиты Пресвятой Богородицы и преобразования чело-

века развивается образ снега в повести В. Распутина «Деньги для Марии».

Встреча Кузьмы с первым снегом происходит в раннее воскресное утро, время начала литургии – «малой Пасхи», соотносимой с Воскресением Иисуса Христа, спасением и идеей вечной жизни. Обращение «...молись, Мария!» [23, т. 1, с. 130] и неоднократное указание времени суток («...в наступающих утренних сумерках...», «...из-за раннего и воскресного утра...») (Там же, с. 129), «рассвело» (Там же, с. 130)) в окончании повести создают особое художественное время – литургическое. Традицией воскресного времени ожидаемая молитва Марии включена в соборную молитву, где одна молитва присутствует рядом с другими. «Богослужение есть соборная молитва, кафолическое священнодействие Церкви, в котором она *единными устами и единым сердцем* исповедует свою веру, приносит молитву, ходатайствует, благодарит и славословит Бога», по утверждению А. Шмемана, [28, с. 113]. Реминисценция литургии возвышает читателя до православного хронотопа русской культуры, соборного обращения к Божьей помощи. Тем самым конец повести поднимается над немощью и слабостями людей, зовет к восстановлению памяти о Божьем суде, о покаянии, напоминает о традиционной в русской культуре идее спасения.

За видимым одиночеством Кузьмы и Марии стоит литургия как общее дело (греч. «*Λειτουργία, аз жр.* 1) служба, служение; 2) богослужение, поклонение; 3) пожертвование, взнос, помощь (2 Кор. 9: 12)» [5, с. 130]), как единая молитва за всех. Молитва и евхаристия – главные составляющие православной литургии. Общее служение на литургии заключается в молитвах священника и дьякона, в ответах церковного хора, прихожан на их возгласы. «*Диаконь*: Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатию. *Ликъ*: Господи, помилуй» [15, с. 22]. Диалоговое начало, объединяющее людей молитвой, является реминисценцией конца повести В. Распутина «Деньги для Марии».

Литургическое время как особое собирает прошлое и будущее, Евангелие и Откровение, обращает человека к вечности, и в настоящем времени вводит в нее. «Она сама есть и являет и дарует то, на что она направлена: присутствие посреди нас грядущего Царства Божия и его не вечернего света» [29, с. 36]. О литургическом времени, собирающем прошлое – настоящее – будущее и дающем ощущение вечности, митрополит Антоний Сурожский писал: «...в литургии мы сами переходим в ту вечность, где они находятся, если только мы сливаемся с тайной того, что совершается в ней» [2, с. 207]. А. Шмеман, опираясь на традицию толкования литургии святителя Григория Нисского, Дионисия Ареопагита и преподобного Максима (Исповедника), утверждает, что «...в их понимании литургическое действие, которое мы совершаем сегодня, открывает, сообщает или просто представляет действие, совершаемое в прошлом, настоящем или будущем, кем-то еще: Христом, апостолами, ангелами. <...> Мы можем сказать, что литургия *происходит с нами*» [28, с. 439–440].

Неизменным в двух редакциях повести В. Распутина «Деньги для Марии» остался конец произведе-

ния. «Он находит дом брата, останавливается («перед ним» (в редакции 1967 г.). – В. И.), чтобы передохнуть, и прячет в карман мокрый от снега конверт с адресом. Потом вытирает ладонью лицо, делает последние до двери шаги и стучит. Вот он и приехал – молись, Мария! Сейчас ему откроют» [23, т. 1, с. 130]. В контексте реминисценции литургии по-новому воспринимаются слова, образы и мотивы заключительного абзаца повести: «брат», «дом брата», «путь», «конверт с адресом», «последние шаги», «молитва», «стучит», «дверь», ожидание открытия дверей, – соотносимые с евангельскими текстами. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7: 7–8). «И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Лк. 11: 9–10). Стук в дверь как метафора обращения к Божьей помощи, призыв к молитве соединяют действие («стучит») и ожидание («Сейчас ему откроют») в конце повести.

Имя Марии делает живым весь пласт с евангельскими событиями Христа-Спасителя, Покровом Богородицы и русской многовековой традицией обращения к Ее заступничеству. В ходе литургии традиционно звучат несколько молитв-обращений к Пресвятой Богородице, Предстательнице и Заступнице рода Христианского [15, с. 34, 51, 54]. В период написания повести, в годы отказа от православной веры фраза «...молись, Мария!», со многими смыслами, была неявной ссылкой на христианские истоки миропонимания русского народа, и, скорее всего, возникла в тексте неосознанно. Весь богатый образно-мотивный комплекс конца повести В. Распутина «Деньги для Марии» при его лаконичности обнаруживает глубокие пласты, связанные с православными основами, сохранившимися в сознании народа как первообраз. И тогда в конце произведения открывается не осуждение тех, кто не помог Марии, а прощение и признание возможности отказа от греха, соборная молитва как путь человека к спасению. Завершение повести в аспекте литургической реминисценции напоминает об Образе Божьем в человеке, восстанавливает единство людей, напоминает о вечном.

В повести «Последний срок» старуха Анна возвращается к жизни на три дня. В эти три дня и ночи автор вмещает вся жизнь главной героини. Сюжет произведения отмечен границами жизни Анны: возвращение к жизни в начале повествования, уход из жизни – в конце. Первая фраза произведения: «Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дождалась смерти, время для которой вроде пришло: старухе было под восемьдесят» [23, т. 2, с. 7]. Последняя строка продолжая логику событий, замыкает сюжет. «Ночью старуха умерла» (Там же, с. 210). Первая фраза произведения переходит к последней, завершаясь в ней. Удивительно совпадают описания состояний главной героини в самом начале повести и в конце, в предпоследнем абзаце. «В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: ее стал одолевать сон. Она уже не пила, не ела, а только спала. Тронут ее – откроет глаза, глянет мут-

но, ничего не видя перед собой, и опять заснет. А трогали ее часто – чтобы знать: жива, не жива» [23, т. 2, с. 8]. И предпоследний абзац повести: «Старуха слушала не отвечая и уже не знала, могла она ответить или нет. Ей хотелось спать. Глаза у нее смыкались. До вечера, до темноты, она их еще несколько раз открывала, но ненадолго, только чтобы вспомнить, где она была» (Там же, с. 210). Аналогичен мотив сна, состояние, соединяющее сон и явь, возвращение и уход, открывание глаз, колебание на грани жизни. Аналогично употребление противоположных по значению глаголов («глянет» – «не видя», «ответить или нет», «смыкались» – «открывала»), синтаксических конструкций с отрицаниями («жива, не жива», «ответить или нет»). Образ состояния главной героини на границе жизни связывает начало и конец, стягивают повествование в одну точку, сохраняя возможность сюжетной развертки.

На границе жизни Настёны останавливаются события в повести В. Распутина «Живи и помни». В конце произведения обнаруживается время разных форм существования, сплетенное вместе, – природы, одного человека и людей в деревне. Время природы дано в образе Ангара: «Плеснула Ангара, закачался шитик, в слабом ночном свете потянулись на стороны круги. Но рванулась Ангара сильнее и смяла, закрыла их – и не осталось на том месте даже выбоинки, о которую бы спотыкалось течение» [23, т. 3, с. 254]. Неукротимое течение реки-времени не оставляет отметки о человеке. Зато память людей держится жалостью к Настёне. Последняя фраза повести – о сохранении ее образа в сердцах женщин. «После похорон собрались бабы у Надьки на немудреные поминки и всплакнули: жалко было Настёну» (Там же). Скупость выразительных средств отражает сдержанную боль утраты. Стертость физических знаков на земле контрастна глубине сердечной памяти людей – их сочувствию, состраданию к тому, кто был дорог. «Бабы не дали» (Там же) забыть Настёну.

Выбор Настены – завершение вывернутых наизнанку, обратных отношений. Перед уходом из жизни в низу, в мерцании воды женщина видит верх – небо: «...в нем струилось и трепетало небо» (Там же, с. 253). Метафора неба, имеющего в православии значение высшего, неизмеримого и Божественного мира, вторым планом передает отношения жены к сбежавшему с фронта мужу, высоту ее верности, добра и милосердия, которую почувствовал даже Андрей. «Куда я с тобой с такой? <...> Ты же вон какая! И как тебя угораздило со мной столкнуться? – не пойму» (Там же, с. 122). Небесные качества жены, представленные со стороны – в оценке Андрея Гуськова – в конце повести переплавляются в острое чувство стыда. Мотив стыда выходит как итоговый и ключевой, сквозной на последних страницах произведения. «Стыдно... почему так истошно стыдно и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой? Где набрала она вины для такого стыда?» (Там же, с. 252); «...стыдно жить» (Там же); «не бояться, не стыдиться...» (Там же, с. 253). «Стыдно... всякий ли понимает, как стыдно жить, когда другой на твоём месте сумел бы прожить лучше? Как можно смотреть после этого людям в глаза... Но и стыд исчезнет, и стыд

забудется, освободит ее...» [23, т. 3, с. 253]. Мотив стыда сближает образ молодой женщины со старухой Анной из повести «Последний срок», с ее острым переживанием в течение многих лет того, как в голодное время она сдавала баночку молока для своих детей у бывшей, ставшей колхозной коровы Зорьки. «И такой стыд меня взял, такой стыд взял – руки опускаются. И ить, девка, после того извиноватила себя...» [23, т. 2, с. 128].

Важно и другое. Мотив стыда, осознание вины и раскаяния Настёны в конце повести «Живи и помни» аналогичен концу повести «Последний срок» – раскаянию Михаила, его признанию у кровати умирающей матери. Покаянные слова – последнее, что слышит старуха Анна. «Ты не сердись на меня. Я, конечно, дурак. Ой, какой я дурак, – простонал он и поднялся. – Лежи, мать, лежи и ни о чем не думай. Не сердись на меня сильно. Дурак я» (Там же, с. 209–210). Покаяние в православной этике является главным условием обретения Царства Божьего, спасения души. Архиепископ Иоанн (Шаховской) говоря о покаянии, связывает время и вечность. «Время есть начало святой вечности, сокровище неоценимое. <...> Мгновение во благодати дороже тысячелетий. Люди все богачи, даже если им осталось земного времени только для одного покаянного вздоха» [14, с. 56]. В чувстве стыда и раскаяния молодой женщины скрыто прикосновение к вечной жизни. Следует помнить, что Настена несет вину мужа, принимает страдания за другого, приносит жертву за его грех. Мотив стыда, покаяния человека в конце двух повестей, «Последний срок» и «Живи и помни», открывает нравственные ценности христианской этики, согласно которой душа человека в конце жизни стоит перед Богом с ответом за грехи. Совесть Михаила пробуждается на границе жизни матери. Немыслимый в христианстве поступок Настёны обращен к совести Андрея как последний аргумент для его раскаяния и покаяния. Мотив стыда важен для писателя именно в конце произведений как исток спасения души.

Мотив края начинает повесть «Пожар», является рефреном ее начала. «И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край да и только» [20, с. 7]. «Просто край открылся, край – дальше некуда» (Там же). Мотивом края повесть и завершается. Он стягивает события одной ночи композиционным узлом. При этом мотив края в финале повести раскрывается неоднозначно, в нескольких планах: в сознании главного героя остается конец ночи – завершение жизни двух людей (Там же, с. 78–79), ночь переходит в утро, зима повернула к весне. Край одного времени года становится началом следующего. Обновление природы и ее готовности «...собирать уцелевшее и неотмершее в одну живу...» (Там же, с. 81) воспринимается как прощение человека, чем еще острее воспринимается мотив нераскаянной его вины, центральный в повести. «И не вспомнит, что не держит того уговора человек» (Там же). Мотив края запечатлен и в топосе: Иван Петрович уходит из поселка, от людей, в поле и лес. Первые мысли главного героя – о двух ушедших из жизни людях, «...отстрадававшегося егоровского мужика и потерявшего имя безвестного горемыку» (Там же,

с. 80) – поднимаются над конечностью жизни человека к суду земли. Мотивы вины и суда открыты автором. «Они, люди живые, отрядают, кого куда опустить, но ей, земле, решать, ей, вынашивающей правых и виноватых, своих и чужих, собственным постановом судить, что потом из кого выйдет» [20, с. 80–81]. Родящая земля имеет право судить человека, определяет продолжение его жизни после жизни. Земля как мир вокруг человека со значением Божьего устройства передает идею вечного.

Трудно сказать, уходит ли главный герой из поселка или уходит из жизни. «Иван Петрович всё шел и шел, входя и из поселка и, как казалось ему, из себя, все дальше и дальше вдавливаясь-вступая в обретенное одиночество» (Там же, с. 81). Глаголы с метафорическим значением, открытые писателем в тексте, соединение глаголов и глагольных форм с противоречивой семантикой («уходя» и одновременно «вступая») стирают точность происходящего, наделяя слова многозначностью. Кроме того, в таком уходе обнаруживается сходство Ивана Петровича и старухи Анны, внутренняя авторская реминисценция. В повести «Пожар»: «Издали-далеко видел он себя: идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас за перелесок и скроется навсегда» (Там же, с. 82). В повести «Последний срок»: «Она пойдет всё дальше и дальше, а кто-то, оставшись на месте, ее глазами будет смотреть, как она уходит» [23, т. 2, с. 177]. Соответствие образов – уходящего «все дальше и дальше» одинокого человека и кого-то, кто остается и смотрит на него его же глазами. Мотив края в повести «Пожар» диалектически раскрывается и в неоконченности жизни – в отрицании ее края после перехода границы земного существования, усиленного мотивом весеннего пробуждения природы. Но заключительным в конце повести является образ молчащей земли, укрепленный синтаксическими ритмами: сначала анафорой «молчит», в конце – эпифорой «...молчишь ты?». Молчание земли как суд и одновременно прощение нераскаившегося человека сопровождает его движение в будущее, неизвестность.

Завершение перечисленных рассказов и повестей писателя – это остановка на границе жизни главных героев: Лёшки, старухи Анны, Настёны, Матёры, Ивана Петровича, в которых конец становится началом: конец земной жизни соприкасается с началом вечной. Скрытая динамика продолжения человеческой жизни определяет в конце произведения внутренний свет, надежду. Христианско-православная аксиология позволяет увидеть в этом связь с отечественной традицией. О принципе многоплановости, многомерности, центральном свойстве поэтической семантики, Ю.М. Лотман писал так: «Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [19, с. 78]. Новые значения, открываемые евангельскими, литургическими реминисценциями в конце рассказов и повестей В. Распутина определяют их долгую жизнь.

В целом категория вечности в конце рассказов и повестей В. Распутина выражена в нескольких художественных планах. В образе главного героя, его со-

стоянии остановки перед трансцендентным, замирании перед тайной, способности воспринять вечность в одиночестве и тишине (повествователь, старуха-тофаларка, Кузьма). Сюжетно – в остановке на границе жизни с ощущением ее продолжения, недосказанности (Лёшка, старуха Анна, Настёна, Матёра, Иван Петрович). Композиционно – в смыкании начала и конца произведения, стягивании событийного времени в одну образно-мотивную точку, что соотносимо с описанием вечности по Августину Блаженному. Вечность выражена в евангельских и литургических реминисценциях, создающих уплотненное, сакрализованное художественное время. В выведении в конце произведения мотива стыда, вины, раскаяния как модели завершения жизни человека, как условие спасения души и обретения ею вечной жизни согласовано с христианской этикой. Все это характеризует особое художественное время рассказов и повестей В. Распутина.

Замирание перед тайной бытия в конце рассказов и повестей писателя свидетельствует о том, что остросоциальная нравственная проблематика, представленная на первом плане в каждом из перечисленных произведений, соотносится с идеей спасения души человека как высшего смысла жизни. В конце произведений происходит остановка перед вечностью, предстояние перед Богом как ответ души Высшему суду о том, слышала ли она со-весть как совет, Божий зов. Остановка на грани земной жизни главных героев произведений – это откровение, напоминание о возможности покаяния. Соотнесение земного с вечным в традиционной картине мира русской культуры обращается к образу Божьему в человеке, открывает ему духовный путь. Ветхий и Новый Завет, Откровение Иоанна Богослова, описывающие начало и конец истории человечества как христианский первообраз в сознании русского народа представлен в композиции произведений В. Распутина. Ожидание Царства Божьего и приближение к нему как эсхатологическая модель жизни человека отозвалась в них предчувствием продолжения жизни. В трагичности сюжетов рассказов и повестей В. Распутина, в замирании на границе жизни скрыта надежда и пасхальная радость, извлекаемые из глубин культурной памяти народа в предчувствии спасения души.

Литература

1. Августин Блаженный. Исповедь / А. Блаженный ; перевод с латинского М. Е. Сергеевко ; предисловие диак. А. Гумерова. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2007. – 448 с.
2. Антоний, митр. Сурожский. Духовная жизнь / Антоний, митр. Сурожский. – Москва : Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. – 368 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Российское Библейское общество, 2006. – 1337 с.
4. Гайденок, П. П. Время / П.П. Гайденок, диак. Сергей Соколов, А.А. Ткаченко // Православная энциклопедия Том 9. Владимирская икона Божией Матери – Второе пришествие / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – С. 517–530.
5. Греческо-русский словарь Нового Завета : перевод краткого греческо-английского словаря Нового завета Барк-

ли М. Ньюмана / русский перевод и редактор В. Н. Кузнецовой при участии Е. В. Самгиной и И. С. Козырева. – Москва : Росийское Библийское о-во, 2000. – 240 с.

6. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 частях / М. М. Дунаев ; Московская духовная академия. – Москва : Христианская литература, 2001–2004.

7. Дырдин, А. Художественная аксиология В. Распутина в повести-трагедии «Живи и помни» / А. Дырдин // Русский традиционализм : история, идеология, поэтика, литературная рефлексия : монография. Серия: Универсалии культуры / ответственный редактор Н. В. Ковтун. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – Вып. VII. – С. 190–205.

8. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов ; Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 287 с.

9. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – Москва : Кругъ, 2004. – 560 с.

10. Зайцев, А. А. Вечность / А. А. Зайцев // Православная энциклопедия. Том 8. Вероучение – Владимирско-Волынская Епархия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 94–98.

11. Захаров, В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты / В. Н. Захаров. – Москва : Индрик, 2012. – 264 с.

12. Зеньковский, В. В. Собрание сочинений. Том 1. О русской философии и литературе: статьи, очерки и рецензии (1912–1961) / В. В. Зеньковский / составитель, подготовка текста, вступительная статья и примечание О. Т. Ермишина. – Москва : Русский путь, 2008. – 448 с.

13. Иванова, В. Я. Время и вечность в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой»: диалектика связи / В. Я. Иванова // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение : сборник научных трудов / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под редакцией И. И. Плехановой. – Иркутск : ИГУ, 2015. – С. 415–424.

14. Иоанн (Шаховской), архиеп. Мгновения святой тишины. – Москва : Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. – 64 с.

15. Краткое изложение Литургии Святого Иоанна Златоуста для мирян с присовокуплением молитв, изданных

с благословения Святейшего Правительствующего Синода, для чтения их при Божественной Литургии. – Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2010 [1863]. – 67 с.

16. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с.

17. Лотман, Ю. М. «Конец! Как звучно это слово!» // Ю. М. Лотман. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2010. – С. 137–141.

18. Лотман, Ю. М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественном тексте // Ю. М. Лотман. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2010. – С. 427–430.

19. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2005. – С. 14–285.

20. Распутин, В. Г. В поисках берега : повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов Г. К., 2007. – 528 с.

21. Распутин, В. Деньги для Марии : повесть / В. Распутин // Ангара. – 1967. – № 4. – С. 12–51.

22. Распутин, В. Продается медвежья шкура / В. Распутин // Край возле самого неба : очерки и рассказы. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1966. – С. 43–52.

23. Распутин, В. Г. Собрание сочинений : в 4 томах / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов Г. К., 2007. – 440 с.

24. Распутин, В. Старая охотница : зарисовка / В. Распутин // Ангара. – 1961. – № 3 (52). – С. 107–109.

25. Распутин В. Человек с этого света : рассказы / В. Распутин. – Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1967. – 120 с.

26. Распутин, В. Я забыл спросить у Алёшки... : рассказ / В. Распутин // Ангара. – 1961. – № 1 (50). – С. 84–88.

27. Сигов, В. К. Проза В. Г. Распутина (проблематика и поэтика) : специальность 10.01.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. К. Сигов. – Калинин, 1984. – 215 с.

28. Шмеман, А., прот. Богословие и богослужение : сборник статей / А. Шмеман. – Москва : Гранат, 2017. – 464 с.

29. Шмеман, А., прот. Евхаристия. Таинство Царства / А. Шмеман. – Москва : Гранат, 2018. – 288 с.

V. Ya. Ivanova

ETERNITY IN THE ENDINGS OF STORIES AND NOVELLAS BY VALENTIN RASPUTIN

The article reveals the meaning of the endings in the works by V. Rasputin using the Christian-Orthodox axiological approach. The endings of the first stories and novellas of the writer continue in the plot in the openings, with a compositional ring pulling artistic time into one point, which is correlated with the perception of eternity according to Augustinus Sanctus. Stopping the plot at the border of the protagonist's life, gospel and liturgical reminiscences, motives of shame, guilt and remorse in the endings of the works bring artistic time closer to the category of eternity.

Artistic time, eschatological time, liturgy, salvation of the soul.

Е.И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный лингвистический университет*

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЗАВЕДОМАЯ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ БОРОДИНА

В разделении нуждаются термины «интеллигенция» и «интеллигентность». Есть профессиональное (слой общества, обладающий специальными знаниями в сфере культуры, образования, науки и техники, работники умственного труда) и идеологическое понимание интеллигенции. Интеллигентность – это свойство, и оно не обязательно свойственно людям, которых по роду их занятий, уровню полученного образования принято относить к интеллигенции, и наоборот – интеллигентность может быть присуща людям рабочих и крестьянских профессий. Развитие эпатажа, нарциссизма в современной поэзии отодвинуло на задний план интеллигентность лирического персонажа. Интеллигентность обязательно включает в себя обращенность к Другому, внимание и заботу о нем. Герой книги Василия Бородина, бережно относящийся к людям и вещам, умаляющий себя и растящий себя от «мы» в диалоге с Другим, созерцающий братство/сестринство явлений и предметов, – интеллигентный человек нашего времени. Заведомая доброжелательность как свойство интеллигентности вырастает у Василия Бородина до особой категории интуитивного прозрения, используемой для характеристики взаимоотношений человека с человеком, нацеленных на рождение другого через себя.

Интеллигентность, интеллигенция, Другой, Василий Бородин, «Пёс».

Развитие эпатажа, нарциссического мировидения в современной поэзии отодвинуло на задний план интеллигентность лирического персонажа. Категория интеллигентности, до конца не устоявшаяся в сознании, мерцающая в первую очередь из-за сближения понятий «интеллигенция» и «интеллигентность», в поэзии стала еще менее ясной.

Интеллигентен ли, к примеру, лирический герой Василия Бородина? Москвич Бородин (1982 года рождения) – представитель постсоветского поэтического поколения, лауреат премии Андрея Белого и премии «Московский счет», автор ряда поэтических книг таких, как «Луч. Парус» (2008), «Москва – Город-Жираф» (2011), «Цирк “Ветер”» (2012), «Дождь-письмо» (2013), «Лосиный остров. Стихи 2005–2015 гг.» (2015), «Мы и глаза» (2016), «Пёс» (2017). Василий Бородин в своей жизни был преподавателем истории искусств, редактором, корректором, чертежником, книжным иллюстратором. Сейчас он уличный музыкант и грузчик.

Проблемой гуманитарной интеллигенции обстоятельно занимаются ученые научной школы Ж.Т. Гощенко, соавтора и ответственного редактора сборников серии «Интеллигенция и современность» [9; 19]. Особенную ценность имеют рассуждения об интеллигентности и интеллигенции философа Н. Бердяева [3, с. 17–20], литературоведов Ю. Лотмана [13, с. 132], Д. Лихачева [12], М. Гаспарова [5] и других эстетиков и ученых. Их точку зрения учитывают и новейшие работы об интеллигентности/интеллигенции [6; 7]. По мнению М. Дакоро, «значение термина <интеллигенция> всегда было довольно размытым и дискуссионным, причем эта тенденция сохраняется и до сего дня. Размытость термина... обусловлена нечеткостью со-

циальной позиции, которую интеллигенция долгое время занимала в российском обществе, неопределенностью ее социального статуса, а также некоторым рассогласованием между достаточно высокой самооценкой интеллигенции и реальным ее положением <...> начиная с 19 века, вокруг интеллигенции велась довольно интенсивная полемика, которая шла, преимущественно, в кругах самой же интеллигенции. Само понятие “интеллигенция” возникло, как принято считать, в 1866, ввел его П.Д. Боборыкин. Однако современные исследователи отмечают, что термин “интеллигенция” употреблялся и раньше – в 1863 г. он встречается у И.С. Аксакова, а в дневнике В.А. Жуковского он встречается в 1836 г. Таким образом, слово возникло раньше, чем попало в поле широкого общественного внимания» [7, с. 88–94].

Есть профессиональное (слой общества, обладающий специальными знаниями в сфере культуры, образования, науки и техники, работники умственного труда) и идеологическое понимание интеллигенции. М. Гаспаров придерживается смешанного понимания. Он считает, что граница между народом и интеллигенцией «лежит по уровню образования», но утверждает, что интеллигенция, «по общеевропейскому пониманию, это слой общества, воспитанный для того, чтобы руководить обществом, но не нашедший для этого вакансий и предлагающий обществу свою критику или свои предложения со стороны» [5, с. 304]. Известно мнение Н. Бердяева, считающего, что «западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* – это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и

пр.» [3, с. 17]. Бердяев называет нашу интеллигенцию «идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой», находит у нее типические русские черты, считает ошибочным мнение о потере связи интеллигенции с русской почвой, среди присущих интеллигенции черт называет «беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями», беззаветную увлеченность идеями, социальную мечтательность, «крайнюю идейную нетерпимость» как самозащиту, религиозную целостность русской души, у русской радикальной интеллигенции идолопоклонническое отношение к науке. Первым русским интеллигентом Бердяев называет Радищева («душа моя страданиями человеческими уязвлена стала») (Там же, с. 17–20).

Говоря об интеллигенции, ученые называют среди ее свойств «высокую нравственную ответственность, ориентацию на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни», «идеи жертвенности, служения добру», искреннюю готовность служить всему человечеству, ненадежность социального положения (Ж. Тощенко и его научная школа), «напряженный самоанализ и поиск собственной идентичности», «жертвенность» (интеллигент жертвует личным ради общественного), «горение, превращение жертвенности в самоцель», «оторванность интеллигенции от народа, которому она служила и за свободу которого боролась», «терпимость в “национальном вопросе”», интеллигенты воспринимаются как «отщепенцы vs. соль земли» (Ю. Лотман). По мнению М. Дакоро, «опираясь на идеи Лотмана, мы можем сделать важное заключение: специфика интеллигенции определяется ни ее функцией, ни ее сущностными чертами, которые позволили бы выделить данную группу объективно, – но именно дискурсивно. Упрощая, можно сказать – специфика российской интеллигенции во многом заключается в том, что она считает себя специфичной. В осознании своей миссии и избранничества и есть ее специфика» [6, с. 117].

Перечисленные качества обращены от Я к Другому и во многом принадлежат «старой русской интеллигенции». Ж. Тощенко задается целью понять, стала ли старая российская интеллигенция достоянием истории или она унаследовала то, что было накоплено предшествующими поколениями, и существует в наше время. Ученый склоняется к оптимистическим выводам [19, с. 23–25].

Проблеме интеллигентности посвящена диссертация Л.А. Келеман «Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире» [10]. «Российская интеллигенция является носителем интеллигентности, – пишет автор. – Но интеллигентность не может быть представлена как монополия социального слоя интеллигенции на интеллектуальное осмысление внешнего мира, а представляет собой антропологическое качество человека. Выведение понятия “интеллигентность” только из бытия русской интеллигенции, будет, во-первых, допущением той мысли, что интеллигентность будет содержать в себе лишь образ, абстракцию, являющуюся результатом ее специфического имянаречения. Во-вторых, ограни-

чением права и возможности интеллектуального и эмоционального осмысления внешнего мира рамками определенного социального слоя – интеллигенции» [10, с. 34]. По мнению Л.А. Келеман, «интеллигентность <...> есть результат того, что имеет причиной другого, а потому не только раскрывает себя через осмысление другого, но и существует лишь в других» (Там же, с. 37). Обращенность к Другому чрезвычайно важна для трудов М. Бахтина [1; 2]. По мнению М. Бахтина, «поскольку человек для себя никогда не является целостным и завершенным, то целостно познать его может только Другой. Другой может познать меня, а я могу познать Другого» [8, с. 39]. Бахтинское «Я» сущностно нуждается в Другом, Другой завершает бытие «Я», придает ему цельность.

Д. Лихачев рассуждает: «Многие думают: интеллигентный человек – это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков. А между тем можно иметь все это и быть неинтеллигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком. Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого» [12, с. 45]. Ю.М. Лотман относит к интеллигентам «старого питерского рабочего» и не считает слово «интеллигентность» производным от слова «интеллигенция», видя между интеллигенцией и интеллигентностью «большую разницу» как между профессиональной социальной и психологическим свойством, которое может характеризовать человека любого слоя.

«Интеллигентность не обязательна свойственна людям, которых по роду их занятий, уровню полученного образования принято относить к интеллигенции» [14, с. 101]. Среди черт интеллигентного человека называют «понимание другого, гостеприимность, приветливость, терпимое отношение к миру и людям» [12, с. 45], «настроенность на культуру, на разум, на понимание и ощущение ценности произведений культуры», «умение человека воспринимать чужую культуру, желание выслушать и понять другого человека, терпимость к иному мнению, способность к сочувствию, состраданию», «воспитанность, вежливость, тактичность, скромность» (Там же, с. 43). «Интеллигентность тесно связана с нравственностью и не совместима с агрессивностью, нетерпимостью, непримиримостью» (Там же, с. 45).

А. Левкин в своей известной работе «Почему я не интеллигент?» утверждает невозможность для интеллигента, в отличие от интеллектуала, быть пассионарной личностью и в целом рассуждает о неоднозначности понятия «интеллигент» в постсоветское время [11].

В ряде исследований интеллигентность все же позиционируется как производное от интеллигенции, ее свойство. Так, в концепции портала intelligentia.ru содержание термина «интеллигентность» определяется как «способность ее носителя иметь в себе и ценить в других такие качества, как патриотизм, порядочность и профессионализм» [17].

Для пристального исследования проявления интеллигентности в художественном произведении

возьмем книгу Василия Бородина «Пёс» (2017) [14]. В ней есть стихотворение, посвященное интеллигенту:

* * *

как мокрая пыль – не сырая земля,
так эта тоска твоя, интеллигент, –
не горе народное. а на полях
пометки – не неурожай

ты воешь, свернувшись в ночного ежа,
но ведь не от голода – так, от любви
невызревшей и головной,
от мертвенной ясности: да, ты говно
– и все пишут: уезжай

представим отчизну как спирт со змеёй
в стеклянной коробке, но школьный звонок –
как взрыв, и волнами весна в окно
распахнутое плывёт

представим пустые поля под дождём:

оставим пустые поля под дождём;
представим незлых старух,
их валенки летом, лягз во дворе:
пёс дёрнул цепь, сумрачный кот прошёл,
синяк у снохи ещё не сошёл,
а сын три дня как в земле

и дальнего поезда стук сырой:
представим решимость, что ты герой:
граница, свобода, победа – вой
в коленки лбом, головой

Русский интеллигент у Бородина здесь лирический адресат. Ему свойственны особая «тоска» («тоска твоя»), самокопание, нежелание покидать социально неприглядную родину, ностальгия. Это лирическое «ты» не обращение к себе, оно означает Другого, но позволяет через Другого познать себя.

Об истории создания своей книги «Пёс», собранной по словам автора в период болезни (состояние после микроинсульта), В. Бородин сообщает мне в переписке: «Я на всякий случай именно в те дни, когда нарушилась речь и не очень было понятно, что будет дальше с головой, собрал стихи, написанные за год. Там довольно много стихов, написанных “с натуры”, совсем без выдумки, есть несколько текстов песен. Многим показалось, что это скучная книжка о скучной жизни; “Лосиный остров”, конечно, был более счастливый и летучий – и он пришелся на конец определенной литературной эпохи, которая началась в начале века: тогда я был уверен, что делаю с другими поэтами одно и важное дело, экспериментировал с выразительностью, выдумывал новые типы метафоры; философствовал как дилетант, думал, что верю в Бога, даже казалось, что вижу в мире какие-то особенные вещи. Из этого получилось много очень неудачных и глупых стихов, но какие-то, наверное, были и микро-открытия; так или иначе, раньше я чувствовал, что “работаю в современной поэзии”, как в НИИ, и это как бы и есть мое место в мире, а теперь как бы уволился (и премии эти, которые на меня сва-

лились – они и “признание” какое-то обозначили, и то, что я, по общему мнению, уже сделал все что мог, исчерпал потенциал) – и вот теперь просто пишу стихи, и с поэтами просто дружу как человек. Мир оказался одновременно сложнее и проще моих выдумок; самое простое оказалось самым трудным и непонятным. То есть, если говорить о стихах, я совсем не бездарь, много чего понял и про гармонию, и про “форму” вообще, но при этом очень плохо понял мир и людей и до сих пор остаюсь не совсем честным и интеллектуально, и просто по-человечески. Так что “Пёс” – это книжка без такого пафоса “внимание, говорит поэзия”, а там просто человек идет, снег летит – и все как бы выходит на свободу; я все время, в общем, пишу о каком-то просвете среди всяких дурацких страстей, страха, тревоги, усталости, скуки, попыток уйти от одиночества, или отстоять одиночество среди общего многословия, пустословия и бессмыслицы дел – и вот бывает просвет, когда человек вдруг не принуждает себя жить и не тянет за собой никакого прошлого, а просто живет, куда-то идет, дышит, молчит, и не важно, выдержал он в целом проверку жизнью или не выдержал» [15]. В книге Бородина «Пёс» нет установки на жест, проект, лирический герой «честен по-человечески».

Одиночество лирического героя и окружающих его людей и вещей заявлено у Бородина лексически («заводится ничьё сердце / и отчаивается по ночам / это как бы – сырой зимой – тряпка в ветках / летом – белый безветренный шар цветка / с пустым стеблем и горьким соком» [4, с. 3]; «тварное нетварному на всяком / ничьём поле – птицей в небе днём – пишет: одинокий одинаков / пред моим или твоим огнём» (Там же, с. 5), но смягчено использованием местоимения «мы» в обозначении лирического героя как субъекта речи, других людей («но всё-таки победа, что бы ей / мы ни считали, брезжит в каждом дне») и вещного мира («как яростная листва / кружением просит: зимы-зимы / оставленности просим мы» (Там же)). Местоимение «мы» встречается в небольшой книге «Пёс» 15 раз, и всегда в сильной смысловой и ритмической позиции. Его усиливает рифма, начальная или конечная позиции в стихе, повтор.

кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы

кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы [4, с. 5]

в комнате до нас
жили прежние мы (Там же, с. 11)

Единичные проявления «я» в книге обнажают слабость, неумелость, не-бесконечность «я».

свет поёт о простом:
что я не умею
быть любить говорить думать но
ближе к вечеру он готов
обвести край
меня: я (Там же)

«Как модернист, Бородин в своих текстах закладывает проект “спасения” частей этого мира, которые малозаметны и/или находятся под угрозой исчезновения» [16, с. 60]. Лирический герой деликатно заботится о людях и вещах («тварное нетварному»), в диалоге с вещами, верит им, слушает их: «поезду веришь? / голому зонту веришь? / перочинному ножу в следах синего грифеля / – чёрный грифель скажет: где гулял? / и сломается в глубине уже очень короткого карандаша» [4, с. 19]. Грифель – своеобразный эквивалент сердца, сердцевины – отвечает устремлениям лирического героя, тратящегося сердцем. Стремящийся сохранить и подарить «колючку снега», «чтобы разговаривала со звёздочкой вдалеке», наблюдающий ощущение братства, сестринства предметов и явлений («колючка снега, ложась, / светится внутренней чистотой, / белым огнём / рядом сестра её»), он. В сравнениях у Бородина нередко пара «вещь/человек» («как бумажный фонарик бессмертный / мы побьёмся о дождик слепой») (Там же, с. 41)). Лирический герой рассматривает сущностного себя в обращении к Другому – и интеллигенту, и интеллигентному человеку, и другим людям и вещам. «Я и Другой в абсолютном событийном противоречии: там, где другой изнутри себя самого отрицает себя, свое бытие-данность, я со своего единственного места в событии бытия целостно утверждаю и закрепляю отрицаемую им наличность свою, и самое отрицание это для меня лишь момент его наличности» [2, с. 185]. Нивелирование «я», рост Другого от корня «я» через «мы», созерцание Другого и наконец рождение «я» – такие стадии идентификации себя в мире проявлены в книге.

так на заводы шли в сорок втором
подростки: встать на шаткий табурет,
точить снаряды, и пустым двором
идти домой и плакать во дворе [4, с. 25].

Василий Бородин акцентирует внимание на доброжелательной, но не активной преемственности между «нами» и «родителями»:

* * *

в старом дыме жили и росли
тихо родители жгли себя –
светло ровно
нужен новый дым
а мы не горим (Там же, с. 13)

«Отцы» ведут «нас» («я иду по следам впечатлений отца») (Там же, с. 18), «в нас проглядывают старики» (Там же, с. 21), наводят на созерцательные аналогии («старые поэты в старых куртках» и «мы молодые»), но водораздел между нами и «прежними нами» такой же, как между поколениями. Отношение к себе и другому человеку у Бородина тождественно: «Я» и Другой, дающий представление о «Я», живут в неутропическом и вполне возможном мире братства.

* * *

в комнате до нас
жили прежние мы
совершенно те же мы, той же

пустотою полны
– окружены: холодной, светлой
хмурой или поскальзывающейся – дневной
но вчера не было ветра [4, с. 11]

Как музыкант Бородин использует в своих стихах элементы песенной культуры:

снег и плач
смех и плач
ледяное войско
но ты не плачь
ледяное войско нас победило
и включило в себя, не плачь (Там же, с. 5)

Рефрен нередко сопровождает парадигму надежды («сил мало и снится рай»), витальности («и сердца наши гонят по / жилам рыжий огонь, / алый перелив»).

Заявление Василия Бородина о «жесткой антиклерикальности» интеллигента новейшего поколения требует комментария. «В конце XIX – начале XX века “базаровщина” и позитивизм были значительно потеснены: у российских интеллектуалов возник отчетливый запрос на выход за пределы традиционных для русской интеллигенции вопросов и тем. Проще говоря, для интеллигента перестало считаться постыдным быть религиозным человеком, даже мистиком» [20]. Безусловно, советское время на время возвращало и тип интеллигента – атеиста, строителя коммунизма (однако среди интеллигенции советского периода были и верующие люди). Но озарения русской религиозной мистики продуктивны. Поэзия Бородина не антирелигиозна. Вещное окружение, заряженное высшей энергией, особое, бережное отношение к человеку, природе, всему миру в книге «Пес» свидетельствуют о предстоянии лирического героя, его нахождении перед гармонизирующей силой.

полная уже ясность, навык не отвлекаясь
смотреть: катятся облака (Там же, с. 11)

Умаление лирического «я» одновременно создает его динамику, рост: «а ты узел на этой временной нитке / или тёмная капля / в углу глаза мира-пса» (Там же, с. 19). Книга «Пёс» вызывает впечатление того, что ее автор еще деликатнее своего лирического героя:

в искусстве стараешься быть чуть грубей
чем внутри сердца и головы
так мельчайший ярится всегда воробей
вырвать крошку у целой москвы (Там же, с. 18)

Герой книги Василия Бородина, бережно относящийся к людям и вещам, умаляющий себя и растящий себя от «мы» в диалоге с Другим, созерцающий братство/сестринство явлений и предметов, – интеллигентный человек нашего времени. Заведомая доброжелательность как свойство интеллигентности вырастает у Василия Бородина до особой категории интуитивного прозрения, используемой для характеристики взаимоотношений человека с человеком, нацеленных на рождение другого через себя.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / составитель С. Г. Бочаров. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 3–226.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва, 1990. – 224 с.
4. Бородин, В. Пес / В. Бородин. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2017. – 52 с. – (Поэтическая серия «Русского Гулливера»).
5. Гаспаров, М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 426 с.
6. Дакоро, М. А. Ю. М. Лотман о специфике российской интеллигентности / М. А. Дакоро // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6. – С. 114–120.
7. Дакоро, М. А. Проблемы генезиса и специфики российской интеллигентности / М. А. Дакоро // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 88–94.
8. Зиновьева, А. А. Проблема «другого» в философии М. М. Бахтина / А. А. Зиновьева // Известия Тульского государственного университета. – 2011. – С. 34–45.
9. Как живешь, интеллигентия? Социологические очерки / ответственный редактор Ж. Т. Тощенко. – Москва, 2018. – 360 с.
10. Келеман, Л. А. Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Ставрополь, 2006. – 386 с.
11. Левкин, А. Почему я не интеллигент ? / А. Левкин // Intelligentia.ru. – Электронные текстовые данные. – URL: <http://www.intelligentia.ru>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 27 января 2019 г.
12. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; составитель и об. редактор Г. А. Дубровской. – 3-е изд. – Москва : Детская литература, 1989. – 240 с.
13. Лотман, Ю. М. Интеллигентия и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) / Ю. М. Лотман // Русская интеллигентия и западный интеллектуализм: История и типология. – Москва : О.Г.И., 1999. – С. 132–167.
14. Педагогический энциклопедический словарь / главный редактор Б. М. Бим-Бад. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – 528 с.
15. Письмо В. Бородина Е. Зейферт от 18 января 2018. Личный архив Е. Зейферт
16. Сдобнов, С. Песня слабых светом. Рецензия на книгу Василия Бородина «Лосиный остров» / С. Сдобнов // Новый мир. – 2016. – № 4. – С. 56–61.
17. Содержание интеллигентности // Intelligentia.ru. – Электронные текстовые данные. – URL: <http://www.intelligentia.ru>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 27 января 2019 г.
18. Тощенко, Ж. Т. Гуманитарная интеллигентия: начало конца? / Ж. Т. Тощенко // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов : материалы ежегодной международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (Санкт-Петербург, 20–21 мая 1999 г.) / ФНИПР, Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, СПбГУП ; составитель: В. Е. Триодин, Л. А. Санкин, И. Г. Абрамова ; ответственный редактор В. Е. Триодин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2000. – С. 23–25.
19. Тощенко, Ж. Т. Гуманитарная интеллигентия: начало конца? / Ж. Т. Тощенко // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигентии. Тезисы Всероссийской теоретико-методической конференции (Москва, 25-26 апреля 2000 г.). – Москва, 2000. – С. 100–112.
20. Эдельштейн, М. Соловьев, Бердяев и другие: русская религиозная философия. Как интеллигентия перестала стесняться религии. Лекция / М. Эдельштейн // Arzamas. – Электронные текстовые данные. – URL: <https://arzamas.academy/materials>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 8 февраля 2019 г.

E.I. Seifert

INTELLIGENCE AS A DELIBERATE BENEVOLENCE IN THE POETRY OF VASILY BORODIN

The terms «intelligentsia» and «intelligence» need to be separated. There is a professional (stratum of society with special knowledge in the field of culture, education, science and technology, mental workers) and ideological understanding of the intelligentsia. Intelligence is a property, and it is not necessarily characteristic of people who, by the nature of their occupation, the level of education they have received, are usually attributed to the intelligentsia, and vice versa – intelligence can be inherent in people of working and peasant professions. The development of shocking, narcissism in modern poetry pushed the intelligence of the lyrical character into the background. Intelligence necessarily includes an appeal to the Other, attention and care for him. The hero of Vasily Borodin's book, caring for people and things, belittling himself and growing himself from «we» in dialogue with the Other, contemplating the brotherhood / sisterhood of phenomena and objects, is an intelligent person of our time. In Vasily Borodin's mind, the deliberate benevolence as a property of intelligence grows to a special category of intuitive insight, used «to characterize the relationship between a person and a person, aimed at the birth of another through oneself».

Intelligence, intelligentsia, Other, Vasily Borodin, «Dog».

С.Р. Амахина

Вологодский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В СТРУКТУРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Дается описание научного стиля, как превалирующего функционального стиля технической литературы. Терминология рассматривается как главный компонент такого стиля. Описываются сложности в переводе терминов, такие как многозначные термины, ложные друзья переводчика и многокомпонентные термины.

Термин, научный стиль, многозначный термин, многокомпонентный термин, контекст.

Техническая литература часто имеет научный стиль. Согласно И.В. Арнольд, научный стиль является характерным для текстов, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо специальной области и для закрепления процесса познания. Наиболее бросающейся в глаза, но не единственной особенностью этого стиля является использование специальной терминологии. Каждая отрасль науки вырабатывает свою терминологию в соответствии с предметом и методом своей работы [2, с. 336].

Однако присутствие терминов не исчерпывает особенностей научного стиля. Научный текст, или устно произнесенный научный доклад, или лекция отражают работу разума и адресованы разуму, следовательно они должны удовлетворять требованиям логического построения и максимальной объективности изложения [2, с. 336].

Стилеобразующими факторами являются необходимость доходчивости и логической последовательности изложения сложного материала, большая традиционность. Отсутствие непосредственного контакта или ограниченность контакта с получателем речи (доклад, лекция) исключает или сильно ограничивает использование внеязыковых средств; отсутствие обратной связи требует большей полноты. Синтаксическая структура должна бытьстройной, полной и по возможности стереотипной [2, с. 336].

Технические тексты обычно предназначены для специалистов в той или иной области, поэтому могут содержать узкоспециальные слова. Так, реципиент, являющийся специалистом в конкретной сфере, опираясь на знание предмета, может читать между строк, извлекая необходимую информацию. Представление об источнике информации может ориентировать читателя на соответствующий функциональный стиль. Имея дело с научным стилем, следует ожидать преобладающую когнитивную информацию, в то время как эмоциональная информация составляет меньшую часть, ограниченная рамками научного стиля.

Остановимся подробнее на такой характерной черте технического текста, как обилие терминов.

Термины представляют собой лексический аппарат, специально выработанный для передачи когнитивной информации. Термины не обладают эмоциональной окраской и чаще не зависимы от контекста. Так, для передачи терминов должны использоваться однозначные эквиваленты. Значительная часть эквивалентов содержится в двуязычных специальных словарях [1, с. 167]. Хороший эквивалент термина сохраняет краткость оригинала и точно передает объем понятия оригинала.

Таким образом, термин чаще имеет точное значение и в отличие от обычных слов обладает большей самостоятельностью и независимостью от контекста, хотя и неполной, т.к. термины также бывают многозначны.

Остальная лексика в техническом тексте достаточно однообразна по составу и представляет собой общенаучный слой терминологии или лексику общенаучного описания. Она также лишена эмоциональной окраски и может быть отнесена к нейтральному варианту письменной литературной нормы. При переводе лексики общенаучного описания, то есть того фона, на котором выступают термины, читатель может опираться на общеязыковой словарь [1, с. 168].

Техническая литература осложняется тем, что один и тот же термин может иметь разное значение в различных технических сферах. Так, термин может быть многозначным и уже зависить от контекста. По Б.Н. Климзо, в некоторых случаях значение термина можно выяснять с использованием макроконтраста [3]. По А.В. Федорову, термины, как и обычные слова, могут быть многозначны, выступая в области науки и техники как названия различных вещей и понятий в зависимости от контекста. Они могут совпадать со словами, не имеющими характера терминов. Это полисемантическое свойство термина, совмещение в нем нескольких специальных значений или значений специальных и общеобиходных, ставит в сущности такие же задачи, как и всякое многозначное слово, являющееся потенциальным носителем нескольких значений, из которых в контексте реализуется одно.

Условием верного перевода, т.е. выбора нужного слова из числа тех, какие служат передачей термина подлинника в разных его значениях, является правильное понимание того, о чем в контексте идет речь, т.е. знание явлений действительности и их названий [4]. Так, при переводе терминов следует учитывать контекст.

В технической литературе также наблюдаются лексические единицы, выступающие «ложными друзьями переводчика». К распространенным терминам можно отнести часто встречающиеся слова «*data*» – данные, «*design*» в значении – конструирование, проектирование, «*operation*» в значении – работа, эксплуатация, «*prospect*» – перспектива, «*accurate*» – точный.

Еще одной особенностью технического текста является наличие многокомпонентных терминов. Для английского языка типичны термины, составленные из нескольких компонентов без грамматических связей между ними, где главное определяемое слово находится в конце и осмысление термина выполняется с помощью контекста при движении от последнего слова к первому с добавлением отсутствующих смысловых компонентов (их отсутствие допускается нормами английского языка и не допускается нормами русского) [3, с. 63].

Обратимся к технической статье под названием “*Recommendations for the successful erection of medium voltage switchgear*” [5]. Уже в заголовке можем встретить термин *erection* – монтаж, установка. Также в заглавии содержится термин *medium voltage switchgear*, который является многокомпонентным. Главным словом является последнее *switchgear*, от которого и начинается перевод “*medium voltage switchgear*” – распределительное устройство среднего напряжения. Более того, само слово *switchgear* является многозначным и имеет разные варианты перевода в зависимости от профессиональной сферы. В контексте электротехники *switchgear* – распределительное устройство, высоковольтный распределитель. Далее в статье рассказывается о трудностях монтажа: *Electrical engineers working on project execution know that switchgear erection brings many challenges, no matter the voltage level. The switchgear cannot always be assembled in the factory and shipped to the site as a complete plant, so it is usually necessary to pack the equipment in its individual cubicles, ship it to the site, and eventually erect it* [5]. В этом абзаце можно заметить обилие терминов, таких как *electrical engineer* – инженер-электрик, электротехник; уже встретившиеся в заголовке слова *switchgear*, *erection*; *voltage level* – уровень напряжения, *complete plant* – комплектное оборудование, *equipment* – оборудование, *be assembled* – быть собранным, *cubicle* – ячейка распределительного устройства, распределительный щит, *to erect* – монтировать, устанавливать. Также наряду с терминами можно увидеть много слов, относящихся к более широкому спектру и подходящих для общенаучного описания: *project execution* – реализация проекта, *factory* – завод, *shipped to the site* – отгружено, доставлено на объект.

В следующем отрывке той же статьи также замечаем обилие терминов:

Erection includes the setting in place of these cubicles, their interconnection both mechanically and electrically,

and the fitting of any extra relays together with the power and control cables. The chambers may have to be filled with insulating media of different types.

Once the equipment has been erected it needs to be commissioned, which is defined as the work of testing and finally placing in service of the installed apparatus.

Before being put into service, tests must be carried out on the complete equipment to prove that it meets the required specification [5].

В данном отрывке встречаются термины, такие как *setting* – установка, *mechanically* – механически, механическим путем, *electrically* – электрически, *fitting* – установка, *chamber* – камера, *relay* – реле, переключатель, *power cable* – провод электропитания, *control cable* – контрольный кабель, *insulating medium* – изолятор, *installed* – установленный, *apparatus* – устройство, прибор, *commissioned* – введенный в эксплуатацию, *testing* – тестирование, проверка, *specification* – технические характеристики; уже повторяющиеся термины *erection*, *cubicle*. Можно увидеть и общеупотребительные слова, выступающие фоном для терминов, но также типичные и часто встречающиеся в технических текстах – *interconnection*, *defined*, *to place in service*, *be carried out*, *required*, *to meet*.

В другой статье “*Fundamental electrical schemes of connections for supply at generator voltage and higher*” [6] также видим термины уже в заголовке: *electrical scheme* – электрическая схема, *supply* – питание, электроснабжение, *generator voltage* – напряжение генератора. Далее следует: *This technical article will shed some light on fundamental schemes and arrangements of connections for supply at generator voltage, higher than generated voltage, and a few basic transmission schemes. It is important to note that the choice of the electrical layout of the proposed power station is based on the conditions prevailing locally* [6]. Термины: *Fundamental scheme* – фундаментальная схема, *arrangements of connections* – схема соединений, *transmission schemes* – схемы передачи, *electrical layout* – план расположения электрооборудования, электрическая схема, *power station* – электростанция.

Engineers working on the power station design should consider the character of the load and the necessity for maintaining continuity of service. It should be as simple in the arrangement as practicable to secure the desired flexibility in operation and to provide the proper facilities for inspection of the apparatus [6]. Также видим термины, такие как *engineers* – инженеры, *load* – нагрузка, потребитель (энергии), *continuity of service* – бесперебойность (энергоснабжения), *arrangement* – структура, *flexibility in operation* – гибкость, легкость в эксплуатации, *facilities* – условия, *apparatus* – устройство. Можно заметить и типичные общенаучные слова, соединяющие термины: *consider*, *maintaining*, *secure*, *provide*, *proper*, *inspection*.

Так, подводя итог, следует сказать, что технические статьи рассчитаны на профессионального читателя, знания и практические умения которого помогают понять главный смысл. Использование словаря помогает определить эквивалент, выбор которого уже зависит от узкой отрасли и контекста (макроконтекста), а также помогает исключить возможность иска-

женного перевода, встречая иностранные слова, подобные словам родного языка. Рассмотренные примеры отражают частоту использования терминологии, и, следовательно, важность знания таких аспектов, как многокомпонентные и многозначные термины.

Литература

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева / Профессиональное обучение переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 288 с.

2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : [учебник для вузов] / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.

3. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-

технической литературы / Б. Н. Климзо. – Москва : Р. Валент, 2006. – 508 с.

4. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : для институтов и факультетов иностранных языков : учебное пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : ООО Издательский Дом ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.

5. Edvard Csanyi. Recommendations for the successful erection of medium voltage switchgear // Electrical Engineering Portal. – URL: <https://electrical-engineering-portal.com/successful-erection-medium-voltage-switchgear> (дата обращения: 03.06.2021). – Text : Electronic.

6. Edvard Csanyi. Fundamental electrical schemes of connections for supply at generator voltage and higher // Electrical Engineering Portal. – URL: <https://electrical-engineering-portal.com/fundamental-electrical-schemes-connections-supply-generator-voltage> (дата обращения: 03.06.2021). – Text : Electronic.

S.R. Amakhina

TERMS IN THE STRUCTURE OF TECHNICAL TEXT

The scientific style is described as the prevailing functional style of technical literature. Terminology is considered to be the main component of this style. The article describes some difficulties in translating terms, such as dealing with polysemantic terms, false friends, and multicomponent terms.

Term, scientific style, polysemantic term, multicomponent term, context.

Л.Ю. Астахина
Институт русского языка РАН, Москва

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ УСТРАНЕНИИ ПСЕВДОГАПАКСОВ

В статье говорится о возвращении в русский язык слов из хорошо известных публикаций, которые были выявлены при сверке текстов изданий с рукописями.

Русский язык, публикация, псевдогапакс, рукопись, примечание.

В «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского приведено слово **гаснь** – «гаснь (от гадаги): Елико при гаснехъ родъ исполинский. Гр. Наз. XIV в.» [7, т. 1, с. 510].

В статье «К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет)», опубликованной в журнале *Palaeoslavica* [8], известный исследователь А.Б. Страхов пишет: «В *Слове о нищелюбии (De pauperum amore)* Григория Назианзина, из перевода которого взят этот фрагмент, сказано следующее: *περ ἦν τι τὸ παλαιὸν, ὅσον ἐπὶ τοῖς μύθοις, γένος γιγάντων καὶ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων* · *Patrologia graeca* 35, р. 888, ln. 40. В *Трудах св. отцев* в переводе Епифания Славинецкого (Московский печатный двор, 1655 г., л. 78, 2-ая фол.) интересующее нас место переведено правильно: И якоже бѣ что древнее, елико при баснехъ, родъ Исполиновъ, и прочихъ Человѣкъ. Впрочем, *ἐπὶ τοῖς μύθοις*, как можно догадываться, и в переводе XIV в., которым пользовался Срезневский, тоже было переведено правильно: при Баснехъ, но, видимо, нижняя петелька буквы Б осыпалась, и Срезневский поэтому принял Б за букву Г <...>. Псевдо-гапакс **гаснь** не попал ни в *Древнерусский Словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭССЯ (6: 105), которые на основе этого единственного примера (!) постулировали существование праслав. *gasнь < *gad-sнь (с вопросом к словообразованию). Увлечение лингвистов однократно фиксируемыми формами известно, и доверие к ним достойно решительного осуждения. На гапаксах (самого сомнительного свойства) в славистике и русистике зиждятся целые теории» [8, с. 210].

А.Б. Страховым употреблен термин **псевдогапакс** для обозначения несуществующего слова. Он оказался уместным для именованной группы слов (составляющей в настоящее время уже более тысячи), которых никогда не было в русском языке. Наука точно установила, что такие слова, зафиксированные редко в рукописях, чаще в публикациях и словарях, появились вследствие субъективного фактора – влияния человека, который первым читал рукопись, описывая ее при составлении каталога или подготавливая к изданию.

О процессе первоначальной работы с рукописью свидетельствуют строки из письма А.И. Соболевского, посланного из Киева 2 марта 1884 г. заведующему Отделением русского языка и словесности Академии наук акад. А.А. Шахматову: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы <выносные> пишет в строку. Вследствие этого желательнее было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» [СПб. Отделение Архива РАН, ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 1]. По-видимому, А.И. Соболевский проверил, что же выходит из-под пера человека («переписчика»), который первым прикасается к рукописи, готовя ее к изданию. Его слова «не особенно точно» объясняют причины того, что в настоящее время, работая с текстами публикаций, ученые нередко сталкиваются со словами, ошибочно переданными при издании рукописи, т. е. неверно прочитанными теми, кто копировал рукопись для издания.

Введенный А.Б. Страховым термин **псевдогапакс** закрепился для обозначения несуществующих слов. Значение его ясно из составных частей: **гапакс** греч. *ἅπαξ* – ‘один раз, однажды’, **псевдо** – препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’, активно участвующая в настоящее время в формировании научной терминологии русского языка. Современная лингвистика указывает на продуктивность компонента сложных слов **псевдо**- в составе русских терминологических систем. Проф. И.Г. Кудрявцева на основе наблюдений над материалом, отраженным в лексикографических источниках, делает вывод, что «изменение статуса **псевдо**- на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений» (*псевдоним, псевдоартроз, псевдоморфозы, псевдореминисценция* и др.) [3, с. 106].

Акад. Н.К. Никольский в 1906 г. в книге «Материалы для повременного списка русских писателей и

их сочинений (X–XI вв.)), посвященной исследованию наличия в российских хранилищах произведений древнерусской литературы, писал о том, что большинство русских сочинений анонимно или подписано именами греческих авторов (так называемые псевдоэпиграфы), хотя явно принадлежат русским писателям, время жизни которых остается неизвестным. Как видим, в начале XX века был известен термин *псевдоэпиграф* – с приставкой *псевдо*.

Среди исследователей русской лексики существует убеждение, что новые, не известные науке слова можно отыскать в еще неизученных источниках, в частности в рукописях. Справедливость этого тезиса несомненна, но иногда стоит пристальнее присмотреться к источникам известным, чтобы выявилось новое слово.

Если исследователь (историк-лексикограф, лексиколог, лингвист-источниковед) остановил внимание на отрезке текста или слове, которое показалось ему невероятным, то он обязан провести определенную поисковую работу, в результате которой выявится (или не выявится) псевдогапакс. Каждый псевдогапакс имеет свою историю: момент первоначального сомнения (было ли слово?), догадка, поиск в источниках и, образно говоря, – в недрах знаний и памяти носителей современного языка. Это своего рода поиск и открытие неведомого.

Авторы Словаря русского языка XI–XVII вв. такие слова не включают в корпус Словаря, а помещают с цитатами в Предисловии к соответствующему выпуску. Иногда при работе с сомнительными отрезками текстов приходится говорить не только о потере слов, но и приобретениях, появившихся в результате преодоления псевдогапаксов.

Капитальный трехтомный труд А.И. Успенского, описавшего столбцы начала XVII в. фонда Оружейной палаты, был закончен в 1912 году. Обращение к этому описанию столбцов, являющихся источниками для СлРЯ XI–XVII вв., позволило вернуть в состав русского языка одно слово.

Описывая столбец под номером 35, А.И. Успенский сообщает, что царь Михаил Федорович, вступив на престол, уже в 1614 году просит «прислать на струги» из Твери [9, т. 1, с. 11]. Ясно, речь идет о доставке речным транспортом, но о доставке чего? Опись не дает ответа на этот вопрос. Обращение к рукописи показало, что в самом тексте столбца ни о какой лодке («струге») упоминания нет. В царской грамоте нет указания на способ доставки. В ней говорится о другом. Словами своих чиновников царь беспокоится о *посошном деле*. Но так как *посошного дела* могли касаться вопросы, связанные с земледелием, в грамоте это выражение заменяется конкретным словом: *к посохам*. Посохов не было в царском хозяйстве из-за делящейся более десятилетия смуты. Царь приказывает тверскому воеводе: «Для нашего дѣла к посохом [слово написано над зачеркнутым: посошного дѣла] взять во Твери в рядѣх у посацких людей и у токарей пят<ь> гривенок *наструги* лутчие, чтоб к нѣму дѣлу к посохом пригодилася». А далее напоминает: «И вы к нам тое *наструги* по ся мѣста февраля по ДД число не присылавали... [и чтобы] изготовя ту *настругу*, прислали к нам к Москве вскоре и велѣли отдать в

Серебряном приказе кравчему нѣму... а с кѣмъ тое *настругу* к нам к Москве пошлете и в котором числѣ, и вы б о том отписали к нам к Москве... чтоб нам про тое *настругу* было вѣдомо» [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 1, № 35. 1614 г.].

Что же такое *наструга*, измерявшаяся в гривенках? Словари этого слова не зафиксировали, толкование можно взять только из представленного контекста, ибо в сотне просмотренных нами далее грамот фонда Оружейной палаты слово больше не встретилось. Видимо, царский приказ был оперативно исполнен, и речи о *наструге* больше не возникало.

Внутренняя форма слова *наструга* указывает на то, что ее готовили токари из стволов деревьев путем остругивания, строгания для придания необходимой формы. Возможно, это было несколько одинаковых предметов, пригодных для изготовления посохов из обструганных заготовок, так как *пять гривенок наструги* составляло по весу больше двух килограммов.

В «Объяснительном словаре старинных русских мер» Г.Я. Романова пишет: «Гривенка – мера веса (в XVI–XVII вв. равнялась фунту или 96 золотникам, ок. 409 г.)... Гривенка большая и малая – меры веса, равные соответственно 96 и 48 золотникам» [6, с. 98]. Далее читаем: «В словообразовательном отношении *гривенка* является уменьш. формой от слова *гривна*. В отличие от слова *гривна*, которое употреблялось в нескольких знач<ениях> (‘украшение или знак отличия, которое носилось на шее’, ‘мера веса’, ‘счетно-денежная единица’), производное от него *гривенка* специализировалось только как обозначение меры веса. Первоначальное соотношение и весовое содержание древней *гривны* и *гривенки* неизвестно. Предполагается, что *гривенка* была равна полугривне, но в памятниках письменности такое их соотношение не показано. *Гривна* и *гривенка* были русским названием веса, по-разному в разное время соотносимого с византийско-римской литрой (327 г.) или западноевропейским фунтом (409 г.), ставшим основой многих западноевропейских весовых систем... Со временем *гривна* как обозначение денежно-весовой единицы выходит из употребления, а *гривенка* в двух разновидностях большая (409 г.) и малая (204,5 г.) входит в официальную систему весовых единиц Русского государства и только к XVIII в. вытесняется заимствованным с Запада термином *фунт*» (Там же, 99).

Слово *наструга* встречается в грамоте неоднократно в родительном и винительном падежах, так что начальную форму восстановить легко.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «*Наструг*, м. – общее название снарядов различного вида, для строганья: широкая стамеска (железко), вставленная в колодку наискось и прижатая клином» [11, т. II, с. 476]. Слова *наструга* (женского рода) в Словаре В.И. Даля нет. В «Словаре русских народных говоров» словом *наструга*, зафиксированным в 1855 г., обозначена ‘тягота’.

Таким образом, если бы А.И. Успенский не взял в кавычки раздельное написание «прислать на струги» и внимательнее отнесся к содержанию текста грамоты, в Словарь русского языка XI–XVII вв. успело бы попасть это слово, но историки, к сожалению, не

всегда всматривались в особенности древнего языка, разделяя на слова сплошной рукописный текст.

Еще одно новое слово (даже два!) удалось выявить, анализируя ремарку автора к изданному тексту. Для авторов исторического словаря важными являются примечания, в которых издатели-историки отражают свои сомнения относительно чтения тех или иных мест в публикуемых текстах и указывают их точное местонахождение. Так, в книге Л.М. Марасиновой «Новые псковские грамоты XIV–XV веков» есть подстрочное примечание к слову **сзарывати**: «Вторая буква написана нечетко, возможно **сдарывати**, возможно, слово искажено» [4, с. 68]. При знакомстве с рукописью оказалось, что на этом месте написано **сзарывати** в следующем контексте: «А в тых полосах не сзарывати меж никому *ж*» [РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ. Столбцы по Пскову, № 43259, ч. 3, № 8, (дело 1), л. 35]. Буква **ъ** была принята публикатором за **з** или **д**. Выявление ошибки оказалось возможным благодаря точному указанию издателя на «адрес» рукописного текста, а также его примечанию-сомнению, имеющему лингвистико-коведческий характер. При обращении к рукописи выяснилось, что нечеткость в написании второй буквы мнимая: после **с** ясно читается **ъ**. В букве **ы** в этом слове виден аналогичный начерк первого элемента, то есть **ъ**, как и после **с**.

В русском языке существовал глагол **арывати** – многократное от **орати**, зафиксированный в акте 1597 г. на землю Константино-Еленинского монастыря Владимирского уезда: «Те крестьяне старожил<ъ>цы сказали, что они в селце Суроломне [со] своими отцы живали, и на той земле у отцов у своих поганяли, и сами **арывали** [т. е. ‘пахивали’], и межи валовые пашенные земли, и лугов, и пожен, и в лесех и во всяких угодах помнят и знают» [1, с. 65]. С приставкой **с** образовался глагол **сзарывати**, означающий ‘нарушать межи, перепахивать межи, уничтожая их’. В СлРЯ XI–XVII вв. глагол **арывати** не нашел отражения, видимо, потому, что источник попал к авторам позже выхода 1-го тома Словаря (1975 г.) и не был расписан для Картотеки ДРС.

Отметим случай, когда семантически емкое слово исчезло, а благодаря сомнению лексикографа А.Н. Шаламовой, которая настояла на проверке по рукописи, удалось его вернуть в русский язык.

В «Отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Изарова и о борьбе между мурзами за княжение» от 3 июня 1589 г. читаем: «Смута была великая врось княжья, а на княжение еще не посади-

ли» [2, с. 56]. Врось княжья – невероятное, странное словосочетание.

В РГАДА из Посольского приказа был выделен фонд № 115 «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Из него и взята опубликованная отписка, в рукописном подлиннике которого удалось прочитать: «Смута была великая в роскняже, а на княже не еще не посадили» [Ф. 115, дело № 3, л. 7 об.]. Выносное **ж** и окончание **е**, ясно читающиеся в рукописи, подсказывают, что деление на слова должно быть иное, чем у издателей. Без сверки с рукописью утрачено было бы редкое слово **роскняжье**. Вариант **раскняжье** приведен в СлРЯ XI–XVII вв. с толкованием ‘Период между двумя княжениями, когда престол не занят’ и с цитатой из названной публикации с ремаркой об ином разделении на слова согласно рукописи [Вып. 22, с. 11].

Таким образом, новые, не известные русскому языку слова могут скрываться и в источниках, казалось бы, хорошо изученных.

Литература

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. – Москва, 1961. – Т. III.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Москва, 1957. – Т. I.
3. Кудрявцева, И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо-* / И. Г. Кудрявцева // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии : Материалы Всероссийской Академической школы-семинара под редакцией С. С. Волкова (ответственный за выпуск С. А. Эзериня). – Санкт-Петербург, 2005. – С. 103–112.
4. Марасинова, Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / Л. М. Марасинова. – Москва, 1966. – 211 с.
5. Никольский, Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.) / Н. К. Никольский. – Москва, 1906.
6. Романова, Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер / Г. Я. Романова. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017.
7. Срезневский, И. И. Материалы для древнерусского словаря по памятникам письменности / И. И. Срезневский. – Москва, 1989. – Т. I–III.
8. Страхов, А. Б. К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет) / А. Б. Страхов // *Palaeoslavica*. – 2003. – № XI. – P. 199–213.
9. Успенский, А. И. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты / А. И. Успенский. – Москва, 1912. – Т. I–III.
10. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под редакцией О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – Москва : Наука, 1974–2019. – Вып. 1–42.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва: Русский язык. – 1989–1991. – Т. I–IV.

L.Yu. Astakhina

VOCABULARY FINDINGS IN THE HISTORY OF RUSSIAN WITH ELIMINATION OF PSEUDO-HAPAXES

It says in the article that some Russian words found in the texts of various manuscripts and their printed editions return to the language.

Russian, publication, manuscript, pseudo-hapax, notes.

О.А. Бурсина

Вологодский государственный университет

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ СИНХРОНИЧЕСКОГО СРЕЗА: 2020–2021 гг.)

В рамках исследования тематики неологизмов английского языка автор приходит к выводу о первичности экстралингвистических факторов при появлении новых лексических единиц. Тем не менее, в ходе анализа словарных статей доказывается необходимость рассматривать лексическую систему в совокупности экстра- и внутрилингвистических условий.

Неологизм, экстралингвистический фактор, понятийно-тематическая группа слов.

Язык является уникальной живой системой, сформированной, развивающейся и пополняющейся человеком и для человека. Диалектическая связь языка и общества неоспорима, они не могут существовать изолированно. Язык появился, так как обществу требовалось средство общения. В развитии языка отчетливо прослеживаются этапы и тенденции становления общества: например, социальное расслоение общества отражается в языке появлением соответствующих пластов лексики, возникновение определенных областей знания и деятельности человека зафиксировано в специальных терминосистемах и т.д.

Экстралингвистические факторы развития и пополнения словарного запаса любого языка весьма важны, мало того, они играют первостепенную роль при появлении неологизмов. Бесспорно, не менее важны и интересны лингвистические закономерности развития и пополнения языка, такие как расхождение синонимических значений, распад полисемии, продуктивность/непродуктивность способов и моделей словообразования и т.д. Лингвистические факторы связаны с разнообразием понятийных отношений между лексическими единицами, с возможностями словообразования, с функционированием лексических единиц на базе общих законов языковой системы. Однако в конечном счете во главе лингвистических факторов пополнения словарного запаса, опережая их, находится субъект со своими потребностями выразить новое понятие, со своей исходной языковой базой и уровнем знаний. Именно экстралингвистические факторы обуславливают необходимость номинировать реалии современности (предметы, события, понятия, деятельность человека). Именно они заставляют обобщать, детализировать, специфицировать, усложнять или упрощать и соответственно номинировать реалии, появляющиеся в жизни общества.

Актуальность данного исследования определяется тем, что современный период жизни человечества характеризуется интенсивным скачком в развитии, одновременным объединением и разобщением людей (благодаря развитию интернет-технологий, онлайн-

коммуникациям, политическим воззрениям, экономической ситуации, пандемии и введению всеобщего карантина во всех странах мира), беспрецедентными глобальными изменениями, которые ведут к пополнению словарей всех языков мира. Поскольку английский язык общепризнан самым распространенным языком в мире, то логично проследить тенденции влияния экстралингвистических факторов на появление неологизмов и определить понятийно-тематические группы неологизмов именно в современном английском языке. Это и является целью данного исследования.

Как лингвистические, так и экстралингвистические факторы развития языка проявляют себя в диахронии и синхронии. В данной статье в рамках синхронического анализа неологизмов английского языка рассмотрим, насколько язык является отражением современного общества и соответствует уровню его развития и потребностям, найдем подтверждение актуальности и востребованности определенных тем и проблем в обществе, проследим их отражение в соответствующих понятийно-тематических группах лексических единиц. В работе были проанализированы 203 неологизма, зафиксированных в период с мая 2020 по март 2021 в электронном онлайн-словаре Oxford Learners Dictionary.

Общепринятым является следующее базовое определение неологизмов: «(От греч. *neos* – новый и *logos* – слово) – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке...» [4, с. 331]. Неологизмы образуются на основе уже существующего в языке материала: лексических единиц, словообразовательных компонентов, продуктивных/непродуктивных моделей и способов словообразования, возможностей заимствования слов из других языковых коллективов с применением различных способов передачи заимствованного слова в язык-реципиент и т.д. Когда неологизм фиксируется в словаре и получает массовое применение в языковом коллективе, он переходит в разряд общеупотребительных слов. И.В. Арнольд отмечает, что «как только новое слово начинает часто употреб-

латься и становится привычным, оно ассимилируется и стилистически уже не выделяется на фоне остальной лексики» [1, с. 56]. Именно поэтому важно и наиболее интересно изучать неологизмы на этапе их появления и вхождения в активный/пассивный словарь носителей языка.

Язык отражает все сферы жизни общества: политические потрясения, тенденции в экономическом развитии, прорывы в науке и технике, культурные события, нововведения в образовании и здравоохранении, религиозные, моральные, этические перемены в обществе и т.д. Однако предположим, что некоторые из них являются наиболее актуальными и острыми в тот или иной отрезок времени. 2020 – начало 2021 гг. беспрецедентный период в истории человечества, который однозначно поменял представление человека о его месте, роли, функциях и возможностях в природе и в социуме. Несомненно, синхронический срез неологизмов этого периода до-

казывает постулат о том, что экстралингвистические факторы являются первостепенными при пополнении языка неологизмами.

В ходе анализа неологизмов, зафиксированных в Оксфордском словаре, были обозначены 14 понятийно-тематических групп неологизмов в соответствии со сферой их появления и употребления. Под понятийно-тематической группой слов понимаем идеографическую подсистему или объединение лексических единиц на внеязыковой основе, которая отражает связи между явлениями и предметами окружающей действительности. Следует отметить, что словарная статья в словаре Оксфорда чаще всего имеет помету о тематической соотнесенности лексической единицы, что помогает распределить неологизмы по понятийно-тематическим группам. В таблице 1 представлены 14 понятийно-тематических групп слов, указаны темы, к которым относятся неологизмы в словаре, количество и примеры неологизмов.

Таблица 1

Тематическое и количественное распределение неологизмов, зафиксированных в Оксфордском словаре с октября 2020 по март 2021, по понятийно-тематическим группам

№	Название понятийно-тематической группы	Тематика неологизмов в соответствии с Оксфордским словарем	Количество неологизмов	Примеры неологизмов
1	Society/Общество	People and Society/Человек и общество	44	gender studies, Generation Xer, third gender
		Social issues/Вопросы социума	10	cancel culture
		Family and relationships/Семья и личные отношения	3	co-parenting
		Disability/Ограниченные возможности здоровья	4	assistance dog, ASD, autism spectrum disorder
		Mental Health/Психическое здоровье	6	BDD, body dysmorphic disorder
2	Covid-19/Ковид-19	Health problems/Проблемы со здоровьем	18	hot zone, patient zero, long Covid
		Healthcare/Здравоохранение	28	self-quarantine, shelter in place, face covering
		Health and fitness/Физкультура и здоровье	4	physical distancing, lock down
		Personal qualities/Качества человека	1	covidiot
		Shopping/Покупки	5	panic buying, wet market
		Working Life/Профессиональная деятельность	4	WFH, work from home
3	Sport/Спорт	Education/Образование	1	remote learning
		Sport/Спорт	20	ultramarathon
4	Science and Engineering/Наука и техника	Health and fitness/Физкультура и здоровье	5	burpee
		Scientific Research/Научные исследования	1	kinesiology
		Engineering/Техника	1	next-generation
5	Transport/Транспорт	Computers/Компьютеры	6	filter (sense 5), tab (sense 2), bot
		Transport by air/Авиасообщение	2	air bridge, air corridor
6	Mobile telecommunication and Internet/Мобильная связь и интернет	Phones, email and the internet/Мобильная связь, электронная почта, интернет	7	automatic number plate recognition, dockless bike
7	Feelings/Чувства человека	Feelings/Чувства человека	7	live-tweet, You Tuber
8	Environment/Окружающая среда	Environment/Окружающая среда	5	underappreciated, JOMO
9	Mass Media/Средства массовой информации	TV, radio and news/Телевидение, радио, новости	4	climate change denial, eco-anxiety, net-zero
10	Entertainment/Развлечения	home entertainment	4	spoiler alert
		Film and Theatre/Кино и театр	1	K-pop
		Music/Музыка	1	soft play
11	Law-breaking/Нарушение закона	Games and toys/Игры, игрушки	1	gaslighting, femicide
		Crime and punishment/Преступление и наказание	3	free-from, plant-based
12	Food/Еда	Cooking and eating/Приготовление пищи	2	defund
13	Money/Деньги	Money/Деньги	1	epinephrine
14	Body/Физиология	Body/Физиология	1	

Проанализируем примеры неологизмов различных понятийно-тематических групп и сопутствующие словарные пометы, которые соотносят слово с данной тематикой, дают исчерпывающее определение и контекстное использование, возможные варианты написания и произношения, краткую грамматическую справку, отражают лексико-семантические связи слова, поясняют способ словообразования, уточняют стилистическую принадлежность слова. Наличие достаточно большого количества информации о каждой единице доказывает, что неологизм прочно вошел в словарь и активно используется.

Бесспорно, самой многочисленной на данном срезе (67 неологизмов) является понятийно-тематическая группа, связанная с вопросами и проблемами человека в обществе: гендерное самоопределение, расовая дискриминация, разница поколений и т.д. Действительно, существование личности в социуме – актуальная тема современного общества. К сожалению, с проблемами подобной тематики трудно справиться, и чаще всего их преодоление в любом государстве сводится к прецедентным решениям. Например, однополые браки разрешены в Англии, Уэльсе и Шотландии с 2014 года, в Северной Ирландии – с 2020, однако волнения и обсуждения данных вопросов среди общественности не стихают. Еще один пример – нашествившая атака 45-го Президента США Дональда Трампа на права трансгендеров сменяется лояльной политикой Джо Байдена, который в первый же день пребывания в должности подписывает несколько документов, запрещающих дискриминацию по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Данная тема настолько актуальна и противоречива, что ее не обходят стороной международные организации, например, в 2020 году темой Доклада ООН о перспективах человеческого развития стало именно гендерное неравенство и неизбежное изменение социальных норм. Согласно Докладу гендерное неравенство и гендерные предрассудки характерны для всех стран мира безотносительно сферы жизни и деятельности граждан (политика, экономика, образование, семейная жизнь, физическая неприкосновенность и т.д.) [5, p. 5]. Незатихающая проблема расовой дискриминации вспыхнула с новой силой в США в мае 2020 года в виде протестного антирасистского движения Black lives matter («Жизнь черных имеет значение», впервые движение появилось в 2013 году) и захлестнула многие страны мира. К указанной тематической группе относим также слова, объединенные темой «Ограниченные возможности здоровья», поскольку вопросы отношения общества к людям с ОВЗ, проблемы защиты и реализации их гражданских прав и свобод актуальны как в развитых, так и в развивающихся странах.

Соответственно находим в словаре такие неологизмы, как:

(1) *Latinx* (n. / adj.) – a person, especially one who is living in the US, who comes from Latin America, or whose family came from there (used as a gender-neutral alternative to *Latino* or *Latina*) / describing or connected with a *Latinx* or *Latinxs*. Неологизм зафиксирован в словаре в октябре 2020 г. С точки зрения лингвистики, интересно происхождение данной формы слова, представленное в словарной статье: *Early*

21st century: alteration of Latino and Latina, with masculine -o and feminine -a endings replaced by -x, probably to represent its use denoting an unknown variable quantity; perhaps influenced by Mx. То есть для того чтобы избежать языковой путаницы, которая может привести к гендерной дискриминации, соответствующие окончания женского и мужского рода (-a, -o) заменили на гендерно-нейтральное окончание -x.

(2) Обратим внимание на интереснейшую форму обращения *Mx* (аббревиатура зафиксирована в словаре в октябре 2020 г.), которая теперь употребляется наряду с *Mr.*, *Mrs.*, *Ms.*, *Miss*. Способ словообразования данного титула очевиден: общий компонент *M* дополняется гендерно-нейтральным окончанием -x. Определение аббревиатуры согласно словарю: *a title that comes before somebody's family name or before their first and family names together, used by people who wish to avoid saying whether they are male or female.* Пример использования в контексте: *The airline now lets customers pick the gender-neutral honorific 'Mx' when booking a ticket.*

(3) В октябре 2020 г. словарь фиксирует сложносоставное существительное *person of colour* (a person who is not white). Наряду с ним в словарь входят слова: *man of colour*, *woman of colour*. В данной словарной статье важна помета об использовании данных слов: *Especially in the US, person/man/woman of color is now often the preferred way of talking about people who are not white, especially if you do not need or do not want to specify if they are African American, Asian American, etc. Do not confuse this term with coloured person, which is now considered offensive.* Очень важно предостережение, адресованное пользователям словаря, о том, что не следует отождествлять данные неологизмы с существительным *coloured person*, которое в современном языке имеет оскорбительный оттенок значения.

Понятийно-тематическая группа *Covid 19* / *Ковид-19* насчитывает 61 единицу и не уступает по актуальности, что вполне ожидаемо.

(4) В мае 2020 г. словарь фиксирует неисчисляемое сложносоставное существительное *Covid-19* и его орфографические варианты: *COVID-19*, *Covid*, *COVID*, в том числе аббревиатуры *C-19* и *C19* – a disease caused by a coronavirus that was first reported in 2019 and became a pandemic. Авторы словаря предлагают следующий контекст: *Symptoms of Covid-19 can include fever, cough and shortness of breath.* Слово соотносено с темой *Health problems* / *Проблемы со здоровьем*, поясняется словообразовательная модель слова: *from the letters and numbers in «corona virus disease 2019».* Данное слово появилось в результате словослияния или телескопии, когда фрагменты слов, а именно начальные буквы существительных и конечная цифра числительного, послужили словообразовательными единицами.

(5) В этот же период словарь фиксирует неисчисляемое сложносоставное существительное *community spread* – the spread of a disease within a group of people without any obvious source of infection. Любопытен тот факт, что следующее слово в списке является его синонимом: *community transmission*, это также неисчисляемое сложносоставное существительное, име-

ет то же определение. Составители словаря соотносят оба слова с темой *Health problems / Проблемы со здоровьем* и предлагают следующее контекстуальное использование данных слов: *As more and more countries experience community spread, containment at borders becomes harder. There is no evidence yet of local community transmission within the country.*

(6) Интересным с точки зрения словообразования является исчисляемое существительное *covidiot* – *a person who annoys other people by refusing to obey the social distancing rules designed to prevent the spread of COVID-19*. Пример его использования в контексте: *A gang of covidiotics blocked my path and began deliberately coughing at me.* В словаре оно соотнесено с темой *Personal qualities / Качества человека*. Поясняется способ словообразования: *blend of COVID-19 and idiot*. Данное слово появилось в результате словослияния, путем наложения идентичных конечного и начального фрагментов основ *-id-* сливаются две основы. Кроме того, в словарной статье указаны сфера употребления и стилистическая окраска данной единицы: *informal, disapproving/неофициальный стиль, неодобрительная коннотация.*

(7) В марте 2021, когда споры о положительном/отрицательном влиянии вакцинации против коронавируса, о преимуществах той или иной вакцины начали разрешаться как в научном сообществе, так и среди обывателей, словарь фиксирует прилагательное *anti-vaccine* – *opposed to vaccination*. Пример использования в контексте: *Anti-vaccine activists have been accused of spreading misinformation about the Covid vaccine.* Составители словаря соотносят неологизм с двумя темами: *Healthcare / Здравоохранение и Social issues / Вопросы социума.*

Третья по величине понятийно-тематическая группа (25 неологизмов) объединяет слова, относящиеся к спортивной тематике. Занятия спортом и здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это популярный тренд 21 века. Общество признает необходимость пропаганды спорта, физической культуры и ЗОЖ как средства сохранения здоровья наций, борьбы с вредными привычками и негативным влиянием окружающей среды, адаптации к новым условиям жизнедеятельности, профилактики различных заболеваний, в том числе коронавирусной инфекции.

(8) В Марте 2021 Оксфордский словарь зафиксировал неологизм *burpee* – *an exercise in which you start standing up, do a squat thrust, then jump back up again*. Интересен тот факт, что это существительное на протяжении долгого времени активно используется носителями языка и не только, спортсмены во всем мире, говоря на разных языках, употребляют это слово. Появляется вопрос о его происхождении и столь запоздалой фиксации в словаре. К сожалению, в словарной статье Оксфордского словаря нет данных об этимологии данного существительного, однако, в толковом словаре английского языка Мерриам-Уэбстер сказано, что упражнение, придуманное еще в 1939 г. как тест на оценку физической подготовки, названо по фамилии его автора, американского врача-физиолога Рояла Берпи. Не случайно именно в нашу современность, когда занятия спортом и фитнесом активно популяризируются и становятся неотъемле-

мой частью жизни общества, слово фиксируется в словаре. Однако можно ли считать его неологизмом, если оно не воспринимается как новое слово, если утратило коннотацию новизны? Ю.А. Мельник и Е.А. Штехман, исследуя вопрос о статусе неологизма в современной лингвистике, приходят к выводу, что «есть неологизмы общепринятые: они имеют высокую частотность употребления, их знают носители языка, и они уже не воспринимаются как нечто новое» [3, с. 1]. Тем не менее, это неологизмы, которые быстро переходят в разряд общеупотребительной лексики.

Согласно данным таблица 1, другие анализируемые понятийно-тематические группы слов немногочисленны, включают от 1 до 8 неологизмов. Однако это не означает, что соответствующие им области жизнедеятельности человека не развиваются. Следует учесть, что, во-первых, в статье анализируются неологизмы довольно короткого синхронного среза, во-вторых, многие неологизмы фиксируются в специальных словарях и отсутствуют в толковом словаре английского языка. В частности, это является причиной, почему понятийно-тематическая группа *Science and Engineering/Наука и техника* представлена всего лишь 8 единицами, в то время как интенсивное развитие науки и техники – неотъемлемая характеристика современного общества. Научные и технические разработки и новшества глубоко проникают во все сферы жизнедеятельности человека. Абсолютизация и доминирование науки и техники приводят к всесторонней трансформации общества: культурной, идеологической, экономической и т.д. Неологизмы той или иной узкой сферы в первую очередь фиксируются в специальных словарях и словарях, входят в активный словарь профессионального сообщества и уже затем, в случае необходимости, массовости употребления, популярности и т.д., входят в систему общеупотребительной лексики. Но следует подчеркнуть, что, как и в общей языковой системе, первичность экстралингвистических предпосылок формирования и пополнения той или иной терминологии не вызывает сомнений. Соответственно следует говорить о вторичности внутрilingвистических предпосылок и необходимости рассматривать те и другие в совокупности, тесной взаимосвязи и взаимозависимости [2, с. 79].

Однозначно не исчезли с повестки дня современного общества проблемы защиты окружающей среды, вопросы развития экономики и транспорта, переосмысление источников средств массовой информации и т.д. Это подтверждается наличием соответствующих понятийно-тематических групп. Тем не менее, в 2020–2021 гг. в силу известных всем обстоятельств эти сферы остались на втором плане, они не были резонансными, широко обсуждаемыми общественностью и правящими кругами, они не изменили привычный уклад жизни и отчасти мировоззрение большей части населения земного шара. Именно в этом и проявляется зависимость качественного и количественного состава неологизмов от экстралингвистических факторов и обстоятельств.

В заключение вернемся к положению о том, что язык является непосредственным отражением жизни общества, новые лексические единицы, с помощью

которых произошло называние тех или иных понятий, событий, объектов или субъектов, вливаются в систему языка и начинают развиваться и функционировать по тем или иным внутриязыковым законам и закономерностям. В данной работе в ходе анализа неологизмов было доказано непосредственное влияние экстралингвистических факторов на развитие языка, а также тесное взаимодействие экстра- и внутрилингвистических закономерностей пополнения и функционирования языковой системы.

Литература

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Бурсина, О. А. Терминология социальной работы: структура, семантика и функционирование (на материале англоязычной литературы для социальных работников) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бурсина Ольга Алексеевна ; [Санкт-Петербургский

государственный университет]. – Санкт-Петербург, 2014. – 196 с.

3. Мельник, Ю. А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике / Ю. А. Мельник, Е. А. Штехман. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (дата обращения: 09.04.2021).

4. Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой ; Институт языкознания АН СССР. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

5. 2020 Human Development Perspectives, the United Nations Development Programme. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsn.pdf (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : Electronic.

6. Словарь английского языка Мериам Вебстер. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/burpee> (дата обращения: 09.04.2021). – Текст : электронный.

Источники неологизмов

1. Оксфордский словарь английского языка. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.

O.A. Bursina

EXTRALINGUISTIC CAUSES OF INTRODUCING NEW WORDS AND MEANINGS IN ENGLISH (ON THE EXAMPLE OF NEOLOGISMS OF 2020–2021)

While analyzing the neologisms in modern English the author proves the priority of extralinguistic factors in the process of introducing new words and meanings. The study of lexical entries also proves the unity of extra- and intralinguistic factors in the system of language.

Neologism, extralinguistic factor, thematic lexical group.

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет

Е.В. Рябова

Вологодская средняя общеобразовательная школа № 20

имени героя Советского Союза Долгова Владимира Константиновича

РОЛЬ БЕЗЫМЯННОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЦИКЛЕ И.А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ» (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «КАВКАЗ» И «ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ»)

Безымянность многих главных героев цикла рассказов «Темные аллеи» является не менее важной составляющей антропонимического ядра ономастического пространства художественного произведения, чем сами личные имена. Если безымянный повествователь типичен для ряда рассказов цикла, то безымянная рассказчица появляется только в одном («Холодная осень»). С помощью приема лексико-семантического (компонентного анализа), а также приемов лингвопоэтики в работе предпринята попытка раскрыть символическое значение безымянности героев двух бунинских рассказов.

Имя в тексте, ономапоэтика, лингвистическая поэтика, категория безымянности.

Первостепенную роль в ономастическом пространстве цикла И.А. Бунина «Темные аллеи» играют имена героинь, многие из которых вынесены в позицию заголовка. Безымянность многих главных героев является не менее важной составляющей антропонимического ядра, чем сами личные имена. Это значимое отсутствие имени. Безымянность как категория ономотологии нечасто попадала в поле зрения исследователей, так что можно считать, что общая схема ее рассмотрения еще не сложилась. Н.В. Васильева пытается найти ответ на вопрос, какую роль в мире художественного текста играют приемы, связанные с отсутствием собственного имени, говоря о «ликах безымянности» и «метаморфозах» безымянности. Различаются такие виды безымянности, как «неименные имена», «незнание имени» и «сокрытие имени» [3, с. 108].

В девяти рассказах сборника повествование ведется от первого лица безымянного рассказчика. Обнаруживаются некоторые типологически сходные черты этого героя-рассказчика, которые будут показаны на примере главного героя новеллы «Кавказ». Безымянные женские персонажи в цикле тоже есть, но только в рассказе «Холодная осень» повествование ведется от лица безымянной героини. Данная работа посвящена изучению символического значения безымянности героев двух бунинских рассказов с помощью приема лексико-семантического (компонентного анализа), а также приемов лингвопоэтики.

Изучая семантику имени героя в тексте художественного произведения, мы опираемся на концепцию, что у имени собственного есть лексическое значение и до текста, и в тексте. Дотекстовая семантика имени содержит общеязыковые семы категориально-грамматического компонента: 'предметность', 'одушевленность', 'конкретность'; языковые семы предметно-понятийного макрокомпонента: 'человек', 'пол', 'национальность'

и т.п. [8, с. 16]. Имя входит в текст, и объем его значения расширяется, наполняясь речевыми семами благодаря связям с другими онимами, а также с апеллятивной лексикой в тексте.

Личные местоимения (я, он, она) являются компонентами номинативного ряда (ряд включает в себя все внутритекстовые номинации персонажа), но в случае с безымянным героем именно местоимение этот ряд возглавляет. Местоимения не являются обозначениями понятий, их функция состоит в замене полнозначных слов, являющихся названиями понятий, или в указании на предмет [4, с. 134]. Учитывая эту особенность и личных местоимений тоже, в структуре их лексического значения можно выделить дотекстовые семы категориально-грамматического компонента: 'указание на лицо', 'одушевленность', 'конкретность'. Как и имена собственные, личные местоимения расширяют объем своего лексического значения речевыми семами, вступая в системные отношения с другими словами в тексте.

«Кавказ» был написан в 1937 году. И.А. Бунин сообщил об истории его создания следующее: «Написал этот рассказ, вспомнив, как однажды – лет сорок тому назад – уезжал из Москвы по Брянской дороге с женой одного офицера, с которой был в связи и которую он провожал на Брянском вокзале в Киев, к ее родителям, не зная, что я уже сижу в поезде, еду с ней до Тихоновой пустыни. Это была очаровательная, веселая, молоденькая, хорошенькая женщина с ямочками на щеках при улыбке, решительно ничем не похожая на ту, что написана в «Кавказе», сплошь, кроме воспоминания о вокзале, выдуманном; на Кавказском побережье я тоже никогда не был, – был только в Новороссийске и в Батуме, видел прочее побережье только с парохода <...> А муж ее вполне мог застрелиться именно так, как в рассказе, если бы узнал про ее измену» [1, с. 368–373]. С.А. Скуридина говорит о

том, что «любой факт биографии, даже незначительный, но отмеченный в сознании автора, является ономастическим импульсом при создании художественного текста [5, с. 29].

Итак, повествование ведется от 1-го лица в форме воспоминаний рассказчика. Героиню он обозначает только личным местоимением 3 лица – *она*. Мужа героини и рассказчик, и сама героиня обозначают тоже только местоимением *он*. Все персонажи вводятся в текст без имени, без имен в нем существуют, являя собой классический любовный треугольник (*я – он – она*) и реализуя стратегию безымянности «сокрытие имени».

Контекстуальный анализ апеллятивного окружения местоимений позволяет дополнить состав их лексического значения речевыми семантиками предметно-понятийного компонента. *Я*: 'молодой', 'одинокий', 'влюбленный', 'страстный', 'воровски', 'действующий', 'неспособный', 'быть', 'с женщиной', 'в длительных', 'полноценных отношениях'. *Она*: 'женщина', 'тайная', 'любовница', 'любящая', 'взволнованная', 'осторожная', 'угнетаема', 'страхом', 'разоблачения', 'кары', 'играющая', 'со смертью', 'молящая', 'о любви', 'отдающаяся', 'страсти'. *Он*: 'муж', 'военный', 'хозяин', 'собственник', 'надежный', 'заботливый', 'его', 'высокой', 'фигурой', 'офицерским', 'картузом', 'узкой шинелью', 'что-то', 'подозревает', 'самолюбивый', 'властный', 'жестокый', 'характер'.

Обратим внимание на то, что речевое поведение мужа героини дано в ее интерпретации: *Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!* [2, с. 12]. Именно героиня характеризует его как самолюбивого человека, подозрительного, властного: *...что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, – может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу <...> Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере* (Там же).

Для построения всей композиции рассказа большое значение имеет топонимическая парадигма: *Москва – Арбат – Кавказ – Сочи – Геленджик – Гагры*. Время действия, как и во многих других рассказах цикла, – лето – период расцвета природы и период страсти, опьянения любовным чувством. Хронотоп рассказа построен на противопоставлении *Москвы*, которая изображена как холодное, дождливое, неуютное место, югу, *Кавказу*, месту тепла, света, красоты. В описании природы присутствуют аллюзии на литературный образ Кавказа, известный, например, по творческому наследию А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Этот поэтический образ Кавказа сливается в читательском сознании с семантическим контекстуальным наполнением лексического значения местоимения *он*, и все вместе создает ожидание развязки, в той или иной степени соответствующей обычаям народов Кавказа. Муж (тем более офицер) должен отомстить за поруганную честь, свою и жены.

Неожиданная развязка (самоубийство офицера) обнаруживает несоответствие внутритекстовой семантики местоимения *он* такому завершению сюжет-

ной коллизии. Я-рассказчик вспоминает об этой истории из прошлого, для него это эпизод в ряду других событий. Ожидаемого по ходу сюжета его личного столкновения с мужем героини не было – вместо кровной мести за оскорбленную честь муж казнит не неверную жену, а себя. Вынесение в заглавие поэтопонима *Кавказ* служит также созданию эффекта неожиданного финала, переворачивающего все представление о рассказанной истории.

Обратимся к рассказу «Холодная осень». Он был создан в 1944 году, и в нем отразились размышления писателя о тяжелой судьбе эмигрантов, о войне как роке, вторгавшемся в судьбы людей. Повествование ведется от лица безымянной главной героини, внутритекстовая парадигма номинаций которой выглядит следующим образом: *Я – ты – милый друг – ваше сиятельство*.

Речевые семы предметно-понятийного компонента значения местоимения *я* обнаруживаются из рассказа героини о самой себе: 'дворянка', 'из богатой', 'любящей', 'семьи', 'невеста', 'блестят', 'глаза', 'горько', 'заплакавшая', 'сирота', 'баба', 'в лаптях', 'вдова', 'одинокая', 'нищая'.

Внутритекстовая парадигма номинаций возлюбленного героини состоит из следующих компонентов: *Он – жених – ты – душа моя (в речи отца героини) – будущий сын (отношение к нему матери героини)*. Речевые семы предметно-понятийного компонента обнаруживаются из рассказа героини о нем: 'с милой', 'усмешкой', 'хорошо', 'образованный', 'поэтическая', 'натура', 'немногословный', 'любящий', 'грустный', 'предчувствующий', 'свою', 'смерть'.

Портрет героини практически отсутствует, но в нем выделена только одна черта, которая подчеркивает исключительно душевные качества: *Как блестят глаза* [2, с. 270]. Внешние детали отражают внутренние страдания, претерпеваемые героиней: *Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и растянутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, – то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молю <...> я бабой, в лаптях* (Там же, с. 271).

Отсутствие имени главной героини тем не менее обеспечивает ему (значимому отсутствию) ядерное положение в ономастическом пространстве рассказа, к нему (*Я*) ведут «ниточки» от всех других онимов.

С образом безымянной героини связана топонимическая парадигма: *имение родителей – Москва – Смоленский рынок – Арбат – Екатеринодар – Дон, Кубань – Новороссийск – Турция, Константинополь – Болгария – Сербия – Чехия – Бельгия – Париж – Ницца*. *Я* героини соотносится с широчайшим географическим контекстом, но для нее значение имеет всего лишь одно место на карте, тоже не имеющее названия в тексте, – сад в имении родителей, где она навсегда попрощалась со своим возлюбленным и ее личное время для нее замерло, а земное, мирское пошло дальше и растянулось еще на долгие годы: *Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тай-*

ные мысли и чувства <...> Он, помолчав, медленно выговорил [2, с. 268]. Перед читателем глазами героини создается образ по-настоящему любящего человека: Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне (Там же, с. 270). Человека, который по-христиански принимает свою судьбу: Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там (Там же).

Важную роль играет идеоним – название стихотворения А. Фета по его первой строке, ведь именно он вынесен в заглавие рассказа и тоже останавливает время жизни души главной героини, превращая его в вечность. Она всегда помнит о той холодной осени, о словах своего любимого, и ее земной путь – лишь возвращение в тот осенний сад: *Какая холодная осень! / Надень свою шаль и капот; / Смотри: из-за дремлющих сосен / Как будто пожар восстает. / Сияние северной ночи / Я помню всегда близ тебя, / И светят фосфорные очи, / Да только не греют меня* [7, с. 104]. Не только первая строчка с упоминанием холодной осени, но строка о том, что «пожар восстает», процитированная женихом героини, становится для нее зловещим предзнаменованием.

Неслучайно в тексте рассказа и упоминание геортонима *Петров день*: *На Петров день к нам съехалось много народу, – были именины отца, – и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятнадцатого июля Германия объявила России войну...* [2, с. 62]. *Петров день* – 29 июня (12 июля) – заканчивается Петров пост. В этот день в православии воспеваются «Петрова твердость и Павлов разум». И для героини этот день становится началом жизненных испытаний.

Раз упоминается об именинах отца героини на Петров день, значит, отца героини зовут *Петром*, с др.-греч. «скала, камень» [6, с. 95]. Также широко известна была на Руси «Повесть о Петре и Февронии Муромских», главные герои которой стали воплощением супружеской верности и любви в ее христианском понимании. Это произведение хорошо знал И. Бунин. Для героини рассказа ее родители – образец супружеской любви и верности, и сама она прожила бы со своим избранником такую же долгую и счастливую жизнь.

Безымянная героиня помещена, таким образом, в центр ономастического поля рассказа, состоящего из прецедентных антропонимов (*Фердинанд*, *Врангель*), топонимов, а также идеонима и геортонима. Я героини оказывается противопоставлено целому миру, словно оно должно было раствориться в нем, разбиться о его сложность и враждебность. Но я побеждает, за безымянной героиней последнее слово в рассказе: *Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду* [2, с. 273].

Изучение роли безымянности главных героев в рассказах «Кавказ» и «Холодная осень» позволяет сделать следующие выводы.

В рассказе «Кавказ» в образе повествователя намечены все основные черты безымянных мужских персонажей других рассказов цикла, из которых складывается один обобщенный тип – скучающий, не обладающий какими-либо уникальными талантами молодой человек (часто творческой профессии), который развлекает себя тем, что играет в любовь со своей пассией (иногда не одной), но при ее утрате вдруг осознает весь трагизм потери. Настоящая любовь часто проходит по краю этих отношений. Этот герой «скрывает» свое имя (по замыслу автора).

Другое дело – безымянная героиня-рассказчица в «Холодной осени». Она противопоставлена всем мужским персонажам цикла (как безымянным, так и имеющим имена). Кроме того, она противопоставлена и героиням цикла. И в этом противопоставлении ее безымянность играет как раз важную роль. Героини, как правило, типизируют какую-либо из черт любви-страсти (самоотверженность, безрассудство, греховную страсть, самолюбование и т.п.), имя героини становится своеобразным маркером этой страсти (*Муза*, *Генрих*, *Антигона*, *Гая Ганская*). Героиня-рассказчица в «Холодной осени» показывает цельность характера, недостижимую по высоте для многих героев других рассказов духовность, глубину и чистоту своей души. Все это позволяет видеть в ней созданный И.А. Буниным идеал русской женщины-мученицы, жизненный путь которой напоминает жития святых. Ее образ, как луч света, пронзает «темные аллеи» человеческих душ. Отсутствие имени у такой героини – это значимое «неимение имени».

Литература

1. Бунин, И. А. Происхождение моих рассказов / И. А. Бунин // Собрание сочинений : в 9 томах. – Москва : Художественная литература, 1967. – Т. 9. – 485 с.
2. Бунин, И. А. Темные аллеи: Рассказы / И. А. Бунин. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 352 с.
3. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – Москва : Либроком, 2009. – 224 с.
4. Касаткин, Л. Л. Русский язык : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин [и др.] : под редакцией Л. Л. Касаткина. – Москва : Академия, 2001. – 768 с.
5. Скуридина, С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / С. А. Скуридина. – Воронеж, 2020. – 40 с.
6. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. / А. В. Суперанская. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 375 с.
7. Фет, А. А. Собрание стихотворений / А. А. Фет. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 238 с.
8. Чайкина, Ю. И. История русских личных имен, отчество, фамилий : материалы в помощь учителю / Ю. И. Чайкина, С. Н. Смольников. – Вологда, 2001. – 112 с.

N.V. Komleva, E.V. Ryabova

**THE ROLE OF ANONYMOUS CHARACTERS IN I.A. BUNIN'S COLLECTION OF SHORT STORIES
«DARK ALLEYS» (ON THE EXAMPLES OF SHORT STORIES «CAUCASUS» AND «COLD AUTUMN»)**

The anonymity of a great number of main characters in the collection of short stories «Dark Alleys» has the same importance as personal names in the anthroponymic core of the onomastic space of a literary work. Although a male unnamed narrator is typical of several stories in this collection, a female unnamed narrator appears only in one story «Cold Autumn». On the basis of lexical-semantic (component) analysis, as well as linguistic and poetical analysis, the article reveals the symbolic meaning of anonymity of the heroes in two I. Bunin's stories.

Proper name in the text, onomapoetics, linguistic poetics, category of anonymity.

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

КОГДА СОЧИНЕНА «ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ» (ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА)

Статья посвящена анализу языковых, прежде всего лексико-фразеологических, особенностей «Повести о Фроле Скобееве». Цель анализа – уточнить время создания (сочинения) этого произведения, рассмотреть данные о жанре, выяснить статус автора. Речевой основой повести является просторечие как начинающая складываться функциональная разновидность русского национального языка.

Историческая лексикология, художественная речь, тематические группы слов, словосочетание.

«Повесть о Фроле Скобееве» – это анонимный литературный памятник. Ни имя, ни социальный статус автора не названы. Возможно, он – житель Москвы, он знает топографию Москвы, хронологию и локализацию основных событий в старой столице. И он хорошо знает нормы устного и письменного делового этикета той поры.

Дата создания «Повести» не установлена. Из девяти известных списков повести самый ранний относится к первой половине XVIII века, но сам факт наличия нескольких списков, причем имеющих текстовые несовпадения, усложняет задачу датировки произведения.

Язык повести рассматривался эпизодически и выборочно. Для решения вышеназванных вопросов специального лингвистического исследования текста еще не было.

В нашем анализе используется Погодинский список (ГПБ, собр. Погодина, № 1617, л. 59–71), воспроизведенный в нескольких изданиях: «Изборник» 1969. С. 686–696; Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XVII век. Книга первая. 1988. С. 55–64. Страницы указываются по изданию ПЛДР в круглых скобках, цитаты выделяются курсивом, а значащие слова – жирным курсивом. В круглых скобках даются и ссылки на словари. Дополнительно привлекается еще одна публикация: (Покровская).

По поводу времени создания повести предположения исследователей колеблются между концом XVII и началом XVIII века [6; 1; 4].

События, описываемые в самой повести, по данным, которые имеются в некоторых редакциях, могут быть приближены к 1680 году, что, впрочем, не может быть основанием для даты создания самого произведения: время описываемых событий нельзя принимать за дату создания самого текста. «Повесть о Фроле Скобееве» для создателя текста является произведением о прошлом, исторической повестью, поэтому мы должны различать датировку создания исторической повести и время описываемого события.

История даты «1680 год» следующая: на двух списках (Ундольского и Титовский) поставлена дата – 1680 год (Покровская, с. 264), что вряд ли может от-

носиться к дате создания самого текста произведения. До 1700 года счет дат велся от сотворения мира (1680 = 7188), поэтому и надпись на списках «1680 году на свет произведена» следует считать более поздней записью переписчиков, уточнявших время описываемых событий. И.Е. Забелин – первый исследователь повести – предположил, что это произведение «первоначально ходило в простом рассказе и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени». Из девяти известных списков повести самый ранний отнесен переписчиком к первой половине XVIII века [3, с. 107–108]. Эту идею поддержал и А.Н. Пыпин [5, с. 284].

Повесть привязывают к эпохе реформ Петра I и потому, что в ней отразились иноязычные заимствования Петровской эпохи: обычно называют слова *квартира, реестр, персона*. Нам представляются наиболее убедительными для датировки «Повести о Фроле Скобееве» именно языковые (лексические и грамматические) показания.

Иноязычные заимствования в тексте повести многочисленны, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, события в повести относятся к восьмидесятым годам XVII века, а приток заимствований приходится на первое-третье десятилетие XVIII века. Во-вторых, анализируемое произведение относится к жанру бытовой повести: здесь не затрагиваются вопросы государственного управления, состояние экономики, военного дела и т.п., поэтому, в частности, не стоит искать в повести связь с табелью о рангах, с экономическими и военными реформами Петра. Все основные события повести носят бытовой характер, такие истории могли произойти в любое время на протяжении длительного периода.

В тексте повести обнаружены иноязычные по происхождению лексемы, активность употребления которых характерна для первого-третьего десятилетия XVIII века. Так, слово *персона* в значении «персона, особа, личность» зафиксировано в повести дважды в сочетании *знатная персона*, например: *Фрол Скобеев... не ведаеть, что делать, и не знает, какь кого обмануть, для того что ево многия знатныя персоны*

знали (с. 59). В письменности слово отмечается с 1503 года, имеет однокоренные производные, но в течение XVI–XVII вв. фиксируется только в значении «вид, внешность, лицо» (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 14, с. 310). Значение «особа, личность» отмечено впервые именно в «Повести о Фроле Скобееве».

Слово *резэстрь* (2 употребления) относится к терминам делопроизводства: *И послали запась и при том запасы резэстрь; Фрол Скобеев не смотря по резэстру, и приказал положить в показанное место (с. 63). Резэстрь «список, перечень, роспись» впервые фиксируется в 1570 году, употреблялось исключительно в текстах, описывающих иностранную действительность (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 33, с. 133). В русских текстах слово «освоилось» с начала XVIII века.*

Лексема *банкет* зафиксирована в повести один раз в значении *пиршество, банкет*: (Фрол Скобеев) *делал банкеты и веселился с прочею своею братию дворян (с. 58)*. Первое упоминание этого слова относится к 1634 г. при описании банкета у польского гетмана Радивила. В XVII веке банкет – явление редкое, встречается только в дипломатических документах в сценах приемов русских послов правителями иностранных государств (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 1, 69). Банкеты появились у Петра I при Лефорте, который скончался в 1699 году [2, с. 76].

Частотно в Повести слово *квартира* (10 употреблений): *Стал на квартире близ двора столника (с. 58); И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру; Поехала на квартиру; приехал к нему на квартиру (с. 59); сыскать квартиру, искать квартиру, нашел квартиру (с. 62)*. Обратим внимание на лексическую сочетаемость типа *стал на квартиру, искать – сыскать квартиру*, то есть слово *квартира (фатера)* в то время имело значение «помещение для жилья, нанятое в чужом доме; съемное жилье». См. также однокоренные *квартировати* – с 1712 г., *квартирование* – с 1711 г. (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 7, с. 103). В данном словаре к слову *квартира* приводятся иллюстрации только из «Повести о Савве Грудцыне» и из «Повести о Фроле Скобееве». С начала XVIII века более известно как обозначение места проживания военных и временного расположения воинских частей, отсюда позже *квартира* устойчиво употребляется со значением «временное съемное жилье», см. *фатера* – 1711; *квартира* – 1706 (СРЯ XVIII, вып. 10, с. 25).

Публика, публикация встретились в повести по одному разу в составе словосочетаний *учинить публику, услышав публикацию*: *И государь велелъ учинить публику о ево столничей дочери; И Фроль Скобеев, слышавъ публикацию, не ведаеть, что делать (с. 60)*. Здесь *учинить публику* имеет значение «обнародовать устное сообщение о розыске, объявить розыск». В СлРЯ XVI–XVII вв. слова *публика* и *публикация* не зафиксированы. Впервые они зафиксированы в Генеральном регламенте 1720 года (Смирнов, с. 32). В «Лексиконе вокабулам новым» (1715 г.) отмечены *публика* «явность», *публикую* «объявляю в народ» (Смирнов, с. 248).

Таким образом, выясняется, что общее количество употребленных заимствований невелико, это может свидетельствовать о незначительном их употреблении как в речевом обиходе героев произведения

(действие в повести отнесено к восьмидесятым годам XVIII века), так и в той социальной среде, к которой относился автор повести. Язык повести – разговорный, в нем используются общерусские элементы как в отношении лексики иноязычного происхождения, так при употреблении слов и фразеологизмов просторечного характера.

Обратим также внимание на новообразования русского происхождения: это также показатель времени создания текста.

Н.А. Бакланова высказала предположение, что к таким элементам следует отнести оборот *движимое и недвижимое имение* со ссылкой на первый факт употребления этого выражения в 1716 году [1, с. 514]. В настоящее время известна более ранняя фиксация – 1685 г.: *Церковные приказщики... недвижимыя и движимыя многия вещи и вотчин, и казну себе похищаютъ (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 11, с. 71)*. Там же указано, что сочетание *недвижимое имение* известно с XII века.

К фразеологии имущественного права имеет отношение и терминологическое сочетание *наследник в движимомъ и недвижимомъ имени*, см. пример: *Столник... учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимомъ и недвижимомъ имени (с. 64)*. В более раннее время в русских текстах фиксируются другие обороты: *наследник имению, наследник будущей жизни, наследник по митрополите* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 254). В Словаре XVIII в. оборот *учинить наследником в имуществе* также не зафиксирован, что позволяет видеть в «Повести о Фроле Скобееве» одну из первых фиксаций этого термина имущественного права.

Рассмотрим в связи с новообразованиями употребленное в повести слово *нужник* «уборная как одно из названий отхожего места»: *И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. ...вышел Фрол Скобеев из нужника (с. 56)*. Перед нами первое употребление данного слова в художественном тексте. В деловой речи слово фиксируется впервые в тексте под 1691 г. при описании царских палат [7, с. 49–50], см. также лексикографическую фиксацию: *нужник «отхожее место, уборная» (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 11, с. 445 – цитата 1696 г.)*.

Любопытна история наречия *сносно*, употребленного в речи стольника Ловчикова: *И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!»* В ответ на это Фрол признается: *«Аннушка у меня, и я женился на ней»*. Это известие возмутило Ловчикова: *«Какъ ты зделал, такъ сам и отвествуй» (с. 60)*. Значение наречия *сносно* здесь «подходяще, приемлемо». В СлРЯ XVI–XVII вв. этого слова нет, но имеется соответствующее прилагательное с другим значением (вып. 25, с. 270). Впервые в письменности слово со значениями «очень сильно, невыносимо; непереносимо» обнаружено в резолюции Петра I на докладе Б.П. Шереметова в 1702 г.: *Князь Иванъ Лвовъ старъ, и въ конецъ бедень и несносно ему полкомъ править (ПБП, т. 2, с. 24)*.

Таким образом, несколько новых слов и фразеологизмов, активно употребляемых с начала XVIII в., могут быть использованы как датирующие средства.

Среди датирующих средств языка нужно обратить внимание на предложно-именные сочетания, в которых есть имя существительное – название населенного пункта, поименованного по реке, на которой стоит этот пункт: *на реке Вологде – на Вологде, с Вологды*. Современные формы этих сочетаний *в Москве, в Москву, из Москвы* устанавливаются окончательно в двадцатые – тридцатые годы XVIII века, хотя в художественных текстах и в фольклоре сохранялись и старые конструкции: *На небе много звезд прелестных, Красавиц много на Москве* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Буду царем на Москве* (А. Пушкин. Борис Годунов).

М.В. Ломоносов указывал в «Российской грамматике» (1755) на возможность сосуществования старых и новых форм (Ломоносов: раздел 571–572), но в своих произведениях (1734–1765 гг.) ни разу не употребил старой формы. В произведениях Фонвизина, Крылова, Радищева и Грибоедова старых сочетаний мы не обнаружили. По-видимому, в XVIII в. данная форма употреблялась крайне редко для определенных художественных задач, например, в дипломатическом документе старая форма управления *на Москве* играет роль торжественно-официального стилистического средства.

В XVII в. преобладает вариант *на Москве*, а в первой четверти XVIII века форма *на Москве* употребляется так же часто, как и *в Москве*.

Названия городов *Белозерск, Вологда, Воронеж, Вытегра, Вятка, Кострома, Москва, Орел, Самара, Тотьма, Устюг, Устюжна*, связанные по происхождению с гидронимами, употребляются в предложном падеже с предлогом *на*: *на Белом озере – на Белоозере (на Белозерске), на реке Вологде – на Вологде, на реке Москве – на Москве, на реке Юге – на Устюге*. Выявленная зависимость характерна для предложно-именной формы *на + предл. п.*, для форм *на + вин. п.*, *с + род. п.*

Какова причина смены падежной формы? Это изменение способа номинации. Существительные – названия городов, не связанные по происхождению с названиями рек, озер, – последовательно употребляются только в форме *в + предл. п.*: *в Белгороде, в Каргополе, в Калязине, в Переславле, в Ростове, в Суздале, в Смоленске, в Ярославле*.

Основанием для утраты форм типа *на Москве* стал постепенный отрыв названия города от соответствующего названия акватории, стремление к разграничению названий селений и акваторий. При этом ойконимы, которые употреблялись часто, приобретают новое управление быстрее, это касается ойконима *Москва*, см. характерный пример: *Для отдачи и приема лошадей определяют места: 1) в Москве... 2) на Воронеже... 12) на Вятке* (ПСЗ, 1830, с. 23). См. другой пример из трактата 1734 г.: *Англинские купцы да имеют позволение в Санкт-Петербурге, на Москве в Немецкой слободе и у города Архангельскаго мосты строить* (Там же, с. 34).

В XVIII в. устанавливается следующая хронология употребления форм:

1) первое десятилетие – преобладают старые формы; 2) второе десятилетие – частота употребления старых и новых форм выравнивается, при этом они могут употребляться в одном документе, написанном

одним лицом: *торговые люди платили пошлины на Москве и в Сибири; в Москве и в городах с тех своих товаров паки многую пошлину платили; Амуниции за неписьлюкою из Москвы на все полки не дано... амуниции с Москвы не прислано* (ПБП, т. XI, вып. 1, с. 62); 3) третье десятилетие – преобладают новые формы. Смена форм управления практически произошла за три десятилетия. Темпы этого процесса зависели не только от языковых причин, но и от возросшего культурно-экономического значения русских городов. См. другие доказательства в работе: [8, с. 94–96].

В «Повести о Фроле Скобееве» зафиксированы исключительно новые конструкции: *в Москве – 1, в Москву – 6, из Москвы – 2: поехала в Москву; уехала в Москву; стал отправляться в Москву; приехал в Москву; пишет из Москвы; придет по тебя из Москвы сестра корету* (с. 58). На наш взгляд, поскольку нет ни одного случая употребления старых форм, что стало возможно не ранее третьего десятилетия, то предполагать более раннюю датировку создания повести нельзя. Судя по рассмотренной синтаксической особенности, «Повесть о Фроле Скобееве» написана не раньше третьего десятилетия XVIII века.

Следующий вопрос, на который нет однозначно ответа: кто автор повести? Не будем угадывать его имя и фамилию, данных для этого нет. Но можно попробовать определить, из какой среды сочинитель повести, каков его социальный статус. Анализ лексико-фразеологического состава произведения может помочь в установлении социального статуса не только главного героя, но и автора произведения. При этом постараемся не уравнивать прямолинейно профессию автора и род занятий главного героя. Кроме того, учтем, что в связи с быстрым социально-экономическим развитием Российского государства становится обычным для тогдашних россиян, владеющих имуществом или совершающих торговые сделки, знакомство с юридической терминологией и с практикой имущественного делопроизводства.

Приведем примеры, связанные с родом занятий главного героя и письменным делопроизводством той поры. Для этого рассмотрим слова *ябеда, ябедник, ябедничать*.

Первоначально *ябеда* – термин с положительным смыслом ‘должностное лицо, судья’, что зафиксировано в Новгородской I летописи под 1218 годом, к XVI веку приобретает и второе значение ‘клеветник’ (Срезневский, т. 3, с. 1631). Ср. в XIX веке: *Ябеда* ж. ‘клевета, напраслина, извет, наговор, // приказная придирка’ (Даль, т. 4, с. 671). См. однокоренные: *ябедник* ‘каверза, тягач, тяжбник, сутяга’: *ябедничать* ‘промышлять ябедой по судам, сутяжничать, заводить неправые тяжбы, стараясь оттягать что’ (Там же).

Развитую семантическую структуру этого слова описывает «Словарь Академии Российской»: *Ябеда*, употребительнее во множ. *Ябеды*. 1) Привязка, придирка, прицепка по тяжбным делам; крючки приказные; 2) Иногда берется за клеветы, наговоры для присвоения себе чужаго. *Подъяческия, приказныя ябеды. Ябедникъ, Ябедница*. 1) Крючковторец, сутяга; тот, кто ябедничеством, крючковторством по тяжбным делам промышляет; которой ищет чужое отнять, присвоить наклонением, натяжкою, кривым толком.

Ябедник – суцкая язва в обществе. 2) Клеветник, наговорщик, тот, кто ложными словами обносит другого (САР, ч. 4, с. 1018–1019). Факт столь детальной разработки данного корневого гнезда, как и театральные успех комедии Капниста «Ябеда», свидетельствуют о том, что ябедничество, действительно, стало сущей бедой в обществе. Но впервые ябедничество было описано и осуждено устами стольников Ловчикова и Нардина-Нащокина в «Повести о Фроле Скобееве».

Фразеологизм *ходить за ябедою* синонимичен более употребительному *ходить за приказными делами* и сравнительно редкому *ходатайствовать за приказными делами*: (Фрол): *Ходить за приказным деламъ*. – (Стольник): *Перестань, плут, ходить за ябедою!* (с. 64); *Дворянин небогатой, толко великой ябида, ходатайствует за приказными делами* (с. 59). Обороты *ходить/ходатайствовать за приказными делами* не имели негативного смысла, но если слово *дело* заменяли словом *ябеда*, то смысл оборота меняется на негативный, предосудительный.

В этот же круг входит и фразеологизм *наябедничать себе* ‘запутаться в ябедах, в крючкотворчестве’ (СлРЯ XVI–XVII вв., вып. 10, с. 324): *Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно* (с. 61).

Как уже указано, употребляется в тексте оборот *ходить поверенным з делами: он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами* (с. 58). Ср. синонимичные фразеологизмы *ходатайствовать/ходить за приказными делами, ходить за делами* ‘просить, хлопотать, ходить в качестве поверенного по делам, частного стряпчего; представлять чьи-либо интересы’. Все эти обороты не имеют отрицательной коннотации.

Выводы. Автор Повести – вероятно, житель Москвы, он знает топографию Москвы, хронологию и локализацию основных событий в старой столице. Он хорошо знает нормы устного и письменного делового этикета той поры. Анализируемый текст – историческое повествование, в котором действие перенесено в сравнительно недавнее прошлое. Автор выбрал форму исторической бытовой повести, чуда в ней нет и не ожидается. Успехи достаются Фролу за счет собственного плутовства. Бытовое содержание произведения, его занимательный сюжет очень соответствовали канонам повести, хотя эта «повесть» была создана первоначально как устное повествование.

По поводу времени создания исследователи колеблются между концом XVII и началом XVIII века, сближая датировку событий в повести и время создания этого произведения. Мы поддерживаем предположение И.Е. Забелина о том, что произведение «первоначально ходило в простом рассказе и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени». Анализ языковых, прежде всего лексико-фразеологических, особенностей «Повести о Фроле Скобееве» позволяет отнести время создания этого произведения к третьему десятилетию XVIII века.

Иноязычные заимствования в тексте повести многочисленны, потому что события в ней относятся к восьмидесятым годам XVII века, а приток заимствований приходится на первое-третье десятилетия

XVIII века. Общее количество употребленных заимствований невелико, это может свидетельствовать о незначительном их употреблении в речевом обиходе героев произведения и в той социальной среде, к которой относился автор повести. Из новообразований отечественного происхождения сюда относится оборот *наследник в движимомъ и недвижимомъ имени*, в повести одна из первых фиксаций этого термина имущественного права.

Автор хорошо знает профессию поверенного с делами: *ходить поверенным з делами* ‘просить, хлопотать, ходить в качестве поверенного по делам, частного стряпчего; представлять чьи-либо интересы’. Очень возможно, что в описании занятий Фрола Скобеева сказан личный опыт автора произведения.

Автор провозглашает установку на непринужденное повествование, использование средств разговорной речи и делового языка, поэтому речевой основой повести является просторечие – новая функциональная разновидность русского национального языка.

Источники

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва, 1978–1980.

Изборник – Повесть о Фроле Скобееве // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). – Москва, 1969. – С. 686–696.

Ломоносов – Ломоносов, М. В. Собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Москва, 1953. – Т. 7.

ПЛДР – История о российскомъ новгородскомъ дворянине Фроле Скобееве, столничей дочери Нардина Нашекина Аннушки // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. – Москва, 1988. – С. 55–64.

ПБП – Письма и бумаги императора Петра Великого. – Москва, 1889. – Т. 2. – 812 с. ; 1711 год Москва, 1962. – Т. XI, вып. 1. – 616 с.

Покровская – Покровская, В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве: (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) / В. Ф. Покровская // ТОДРЛ. – Ленинград, 1934. – Т. 2. – С. 249–297.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. 1733–1736. – Санкт-Петербург, 1830.

САР – Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный : в 6 частях. – Санкт-Петербург, 1789–1794.

СлРЯ XVI–XVII – Словарь русского языка XVI–XVII вв. / Российская академия наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – Москва, 1975–2020. – Вып. 1–32.

Срезневский – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893–1912. – Т. 1–3.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019. – Вып. 1–22.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – Санкт-Петербург : Наука, 2004–2018. – Вып. 1–8.

Смирнов – Смирнов, Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого) / Н. А. Смирнов // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – Санкт-Петербург, 1910. – Т. 88, № 2. – С. 27–360.

Литература

1. Бакланова, Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве» / Н. А. Бакланова // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). – Москва ; Ленинград, 1957. – Т. 13. – С. 511–518.
2. Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694. Сочинения Б. И. Куракина. – 1727. – 76 с.
3. Забелин, И. Е. Еще несколько слов о «Фроле Скобееве» / И. Е. Забелин // Отечественные записки. – 1853. – Май, Отд. V. – С. 107–108.
4. Панченко, А. М. Повесть о Фроле Скобееве / А. М. Панченко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Выпуск 3 (XVII в.). Часть 3. П-С. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 209–212.
5. Пыпин, А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург, 1857. – 374 с.
6. Соколова, М. А. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве / М. А. Соколова // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. – 1945. – № 3. – С. 33–34.
7. Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – 2 изд., доп. – Вологда, 2015. – 360 с.
8. Судаков, Г. В. Русское слово в динамическом и функциональном аспектах / Г. В. Судаков. – Вологда : ВоГУ, 2020. – 168 с.

G.V. Sudakov

WHEN «THE TALE OF FROL SKOBEYEV» WAS COMPOSED (BASED ON THE LANGUAGE ANALISIS)

The article analyses linguistic, primarily lexical and phraseological, features of the «Tale of Frol Skobeyev» in order to clarify the time of creation (composition) of this work, to consider the information on the genre and to find out the status of the author. The speech basis of the story is the vernacular as a functional variety of the Russian national language that was beginning to take shape.

Historical lexicology, artistic speech, thematic groups of words, word combinations.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).084.9

М.А. Безнин, Т.М. Димони, А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269

27 февраля 2021 г. в Вологодском государственном университете состоялся очередной научный семинар, организованный коллективом, работающим по гранту Российского научного фонда «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства». На нем выступили: д-р ист. наук Т.М. Димони, д-р ист. наук М.А. Безнин, д-р экон. наук К.А. Гулин, канд. ист. наук А.С. Столетова, канд. ист. наук Ю.С. Никифоров, магистрант К.В. Кушнерева. На научном мероприятии были подведены итоги работы по проекту за 2020 г., в т.ч. касающиеся монографического исследования экономического устройства советской России второй половины XX века. Большое внимание было уделено обсуждению вопросов изучения производственного социума России второй половины XX века, поиску и методам обработки исторических источников, подходам и методологии изучения процессов классового генезиса.

Ниже представлен обзор основных выступлений на семинаре.

История России, вторая половина XX в., классовая трансформация, социально-экономическое устройство.

В начале заседания с подведением итогов работы за 2020 г. выступила руководитель проекта д-р ист. наук Т.М. Димони. Она отметила, что экспертиза исследования по гранту за 2020 г., проведенная в РНФ, была положительной. В экспертных заключениях дана высокая оценка работы за 2020 г., проделанной коллективом, выполнявшим грант. Особо были отмечены публикационные результаты работы за отчетный год и, в первую очередь, публикации в высокорейтинговых журналах систем цитирования WoS и Scopus (всего по проекту было подготовлено 25 статей, из них в высокорейтинговых журналах – 7 публикаций). По итогам экспертизы грант профинансирован на 2021 г. с увеличенным объемом – 5 млн руб.

Д-р ист. наук М.А. Безнин при обсуждении промежуточных итогов по изучению экономического устройства России второй половины XX века, полученных коллективом за 2019–2020 гг., отметил, что новыми и важными составными частями этого исследования стали изучение коллективной капиталистической собственности, механизма планирования и балансирования экономики, каналов и характера товарности продукции, капиталов и труда. Также М.А. Безнин высказал ряд предложений по завершению работы над монографией «Экономический строй советской России второй половины XX века», подготовленной совместно с Т.М. Димони и К.А. Гулиным. Он отметил важность проблем, рассмотренных в монографии, в частности вопроса о планировании, о товаризации различных объектов (рабочих рук, капита-

лов, продукта труда), призвал избегать политизации при описании этих проблем в научной работе.

Далее исследовательский коллектив перешел к обсуждению основных задач изучения генезиса производственного социума России второй половины XX века, запланированного на 2021 г. М.А. Безнин в качестве важнейшей задачи назвал определение принципов размежевания производственного социума России. Основные положения этой схемы уже выработаны при исследовании аграрного социума советского периода [5; 9; 14]. М.А. Безнин подчеркнул, что в новую структуру исследования необходимо заложить такой важнейший критерий, как место в отношениях собственности каждого социального класса, занятого в производственной жизни страны [8; 13]. Другой важный критерий – то, как «выглядел» социум в производстве. Речь здесь идет о месте каждого класса российского социума в производственной деятельности – управленческой, физическом или умственном труде и т.д. Важная часть исследования будет связана с характеристикой материального положения класса во всех аспектах, в том числе особенностей материального статуса, начиная с определения соотношения источников формирования дохода и заканчивая потреблением. Нужно учесть, что объект изучения в случае с производственным социумом будет очень широкий, начиная от тех, кто непосредственно работал на заводах, в колхозах и совхозах, и заканчивая представителями властной верхушки страны. Особую важность при этом приобретают методики

исследования, включая методы сбора и обработки материала, построение аналитической части исследования, так как при изучении аграрного строя России только малая часть производственного социума подвергалась изучению [4; 11; 12].

Т.М. Димони, обсуждая подходы к исследованию классового генезиса, подчеркнула, что при работе по проблеме социального размежевания плодотворным окажется сюжет, связанный с коллективной капиталистической собственностью, а также разделением правом собственности. Они непосредственно влияли на форматирование правового положения, но относились и к экономическому размежеванию, особенностям экономического неравенства. Т.М. Димони отметила, что важно описать, среди прочего, особенности формирования бюджета разных групп, процесс монетизации оплаты труда и др. Автор сообщения высказала предложение о сюжете об экономическом габитусе, так как в российских исследованиях мало говорится о понятиях экономического престижа, образах экономической успешности или неуспешности. Это направление исследований уже распространено за рубежом. Т.М. Димони отметила, что в процессе изучения проблемы социально-классовой трансформации необходимо привлечь разнообразный комплекс источников: источники комплексы властных органов, изучавших трудовые ресурсы, процессы труда, непосредственно вопросы экономического расслоения, которым и в советском обществе уделялось достаточное внимание. Такого рода исследования и документы уже публиковались в предшествующие годы [7; 10; 15]. В архивах, например в РГАНИ, ф. 5, отложились ряд интересных документов о формировании децильного коэффициента в расслоении советского общества по степени доходов, в частности докладные записки крупного советского экономиста и социолога Н.М. Римашевской в ЦК КПСС.

Д-р экон. наук К.А. Гулин обозначил идею о том, что генезис социально-классовой структуры российского общества в последнее десятилетие XX в. протекал под воздействием коренных изменений в складывавшемся на протяжении советского периода базовом способе производства. Ликвидация механизмов централизованного управления и переход на рыночные принципы экономической самоорганизации, разрыв прежних производственных и коммерческих связей, обусловленный распадом СССР, встраивание трансформирующейся экономики в глобальный рынок при отсутствии действенной системы протекционизма повлекли за собой стремительный процесс деиндустриализации, выразившийся в сужении роли материального производства и нарастании значимости сферы услуг в формировании общественного продукта. Все это привело к значительному сужению экономически активной части социума, занятой в материальном производстве, и расширению той его части, которая была занята деятельностью в сферах распределения и обмена.

К.А. Гулин отметил, что важнейшим историческим процессом этого периода стала также трансформация отношений собственности. С одной стороны, в условиях разгосударствления происходила институционализация и концентрация правомочий нового

класса частных собственников в отношении средств производства, обеспечивающая возможности присвоения прибавочной стоимости с целью формирования и накопления производственного и финансового капитала. С другой стороны, для широкой части социума приватизация обернулась еще большим сужением имевшихся у них правомочий, связанных с участием в управлении собственностью. Принятый в 1992 г. Кодекс законов о труде РФ формально узаконил институт наемного труда на основе трудового договора (контракта) между работодателем и работником. Вместе с тем, сужение социальных гарантий государства и слабость профсоюзов усилили размежевание между социальными классами в парадигме двухполюсной структуры «собственники средств производства (работодатели) – наемные работники».

К.А. Гулин сделал акцент на том, что если в советский период фактическая принадлежность человека к тому или иному социальному классу определялась, прежде всего, его местом и ролью в централизованной системе управления, то в условиях постсоветского перехода, для которого была характерна глубокая трансформация производственных отношений, социально-классовая принадлежность стала определяться совокупностью иных факторов, основными из которых являлись возможности доступа к источникам материальных ресурсов и присвоения продуктов труда. Автор выступления подчеркнул, что в этом контексте изучение происходивших в последнее десятилетие XX в. количественных, структурных и качественных изменений социальных классов, сложившихся в российском обществе к концу советского периода (в терминологии М.А. Безнина и Т.М. Димони, «протобуржуазия», «менеджеры», «интеллектуалы», «рабочая аристократия», «пролетариат»), может представлять для исторической науки существенный интерес.

Канд. ист. наук А.С. Столетова рассказала, что при исследовании темы «Ментальное и поведенческое размежевание производственного социума России в 1950–1980-е гг.» основную свою задачу видит в описании ментальной революции. В числе конкретных задач А.С. Столетова назвала изучение устремлений, идеологии, системы ценностей, мировоззрения, мотивации хозяйствования групп, занятых в экономике, а также господствующих представлений о собственности, труде, производстве среди рабочих, колхозников, управленцев и пр. В качестве полезных для выработки методологических подходов А.С. Столетова отметила труды С.Г. Кордонского [17; 18; 19], Е.С. Балабановой [2], а также С.Ю. Барсуковой [3], О.Ю. Яхшияна [34]. Докладчик подчеркнула, что отношение к недвижимости (квартиры, жилая собственность [23]), к спекуляции дефицитными товарам и находилось в фокусе ее пристального внимания в прошлом отчетном году [31]. Изучались вопросы вызревания новых черт сознания, их соотношение с традиционными чертами крестьянского менталитета, устойчивость обычаев [26], их вкрапление в институциональные особенности государственного устройства (институты власти, собственности, семьи) [30]. Были осмыслены процессы обуржуазивания, злоупотребления [29], разные отклонения от норм поведения, отраженные

в письмах советских граждан, главным образом отложившихся в фонде № 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949–1991)» Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) [25]. Эпистолярное наследие являлось базовым источником по проблеме [27], есть определенный задел в изучении такого исторического источника, как художественная литература [24; 28]. А.С. Столетова остановилась на описании важности изучения социопросов населения, отложившихся в банке социологических данных Института социологии РАН [1], а также в Едином архиве экономических и социологических данных [16]. Автор сообщения отметила, что большое значение для исследования будет иметь научный поиск документов в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, ф. 10007 – Коллекция писем граждан народным депутатам СССР, ф. Р9595. – Научно-исследовательский институт труда Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам и др.). Автор выступления отметила научную важность трудов М.А. Безнина, Т.М. Димони [5], И.М. Кулишера [20], а также работы комплексного исследования под редакцией Е.С. Строева [21], труды Б. Грушина [33].

Ю.С. Никифоров выступил с сообщением «О правовом размежевании производственной части российского социума 1950–1980-х гг.». По мнению докладчика, ключевыми формальными источниками для изучения правового размежевания российского производственного социума являются, с одной стороны, основной закон СССР (Конституция СССР) и кодексы законов о труде (далее – КЗоТ). Так, советский КЗоТ 1922 г. действовал в течение 50 лет, когда в 1972 г. был введен в действие новый КЗоТ для РСФСР. С другой стороны, важную роль, с его точки зрения, играют статистические сборники «Труд в СССР» [32] и неопубликованные документы центральных архивов: ГАРФ и РГАЭ. В числе основных критериев правового размежевания производственного социума России второй половины XX в. он назвал формально определенный/официально установленный размер заработной платы, закрепленный в нормативных документах различных отраслей народного хозяйства СССР; условия труда и отдыха, различные льготы, дополнительные блага, элементы социального обеспечения, связанные с реализацией социальной политики; горизонтальную социальную мобильность, связанную со свободой передвижения. Интересным сюжетом, по мнению Ю.С. Никифорова, являются изыскания о динамике правового размежевания российского производственного социума в период нарастания кризисных явлений в советском обществе, время 1950–1980-х гг. [6; 22].

После состоявшейся дискуссии исследовательский коллектив принял решение о проведении научного семинара в июне 2021 г., на котором будут изложены первые итоги проведенных исследований.

Литература

1. Архивный Банк социологических данных Института социологии РАН. – URL: <http://www.isras.ru/Databank.html> (дата обращения: 09.03.2021) – Текст : электронный.
2. Балабанова, Е. С. Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // Мир России. – 2001. – № 3. – С. 67–77.

3. Барсукова, С. Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян / С. Ю. Барсукова // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 57–62.

4. Безнин, М. А. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2020. – № 10 (2). – С. 42–60.

5. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 608 с.

6. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова. – DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86 // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 77–86.

7. Безнин, М. А. Завершение раскрепощения в России (вторая половина XX века) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Россия в XX веке: реформы и революции. – Москва, 2002. – С. 632–643.

8. Безнин, М. А. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 4. – С. 186–201.

9. Безнин, М. А. О ключевых подходах к характеристике социально-экономического строя России второй половины XX века / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы. – Вологда, 2020. – С. 5–17.

10. Безнин, М. А. Общественное мнение середины 1950-х гг. о социальном расслоении в советском обществе / М. А. Безнин, Т. М. Димони // История социальных процессов в России (XX век): сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; [главный редактор Т. М. Димони]. – Вологда : ВоГУ, 2019. – С. 102–120.

11. Безнин, М. А. Производственный менеджмент в советской экономике 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы. – Вологда, 2020. – С. 36–63.

12. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Новейшая история России. – 2019. – № 2. – С. 437–453.

13. Безнин, М. А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25–42.

14. Безнин, М. А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 90–102.

15. Гулин, К. А. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века / К. А. Гулин, Т. М. Димони, С. Г. Карпов. – Вологда, 2003. – 201 с.

16. Единый архив экономических и социологических данных. – URL: <http://sophist.hse.ru/db/> (дата обращения: 09.03.2021). – Текст : электронный.

17. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России (Часть I) / С. Г. Кордонский // Мир России. – 2008. – № 3. – С. 37–66.

18. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России (Часть II) / С. Г. Кордонский // Мир России. – 2008. – № 4. – С. 3–36.

19. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

20. Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы / И. М. Кулишер. – 9-е изд. – Челябинск: Социум, 2004. – 617 с.
21. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Е. С. Строев, С. А. Никольский, В. И. Кирюшин [и др.] ; под редакцией Е. С. Строева. – Москва : Колос, 2001. – 622 с.
22. Никифоров, Ю. С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н. И. Рыжкова) / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 405–419.
23. Столетова, А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х гг. как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481> // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20, вып. 4. – С. 475–481.
24. Столетова, А. С. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А.Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т.К. Чугуновым / А. С. Столетова // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность : сборник научных статей. – Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : Радуга-Пресс, 2020. – С. 412–419.
25. Столетова, А. С. Кадровая политика середины 1970-х годов и правящая номенклатура в представлениях советской общественности / А. С. Столетова. – DOI: [10.24224/2227-1295-2020-6-453-473](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-453-473) // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 453–473.
26. Столетова, А. С. Крах крестьянских идеалов эпохи позднего советского общества (на примере повести «Пожар» писателя В.Г. Распутина / А. С. Столетова // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; [главный редактор Т. М. Димони]. – Вологда : ВоГУ, 2019. – С. 138–145.
27. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова. – DOI: [10.24224/2227-1295-2020-3-402-422](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-402-422) // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 402–422.
28. Столетова, А. С. Общественные горизонты и мировоззренческие позиции писателя В. Ф. Тендрякова (на примере очерка «Падение Ивана Чупрова») / А. С. Столетова // Новые исторические перспективы. – 2020. – № 3. – С. 99–106.
29. Столетова, А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов / А. С. Столетова. – DOI: [10.24224/2227-1295-2019-12-379-391](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-379-391) // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 379–391.
30. Столетова, А. С. Роль обычая в институциональных особенностях социально-экономической жизни советского общества периода 1960–1980-х гг. / А. С. Столетова // IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». – Том VI. Тематическая конференция «Институты и институциональные теории» (сборник материалов) / составители : А. П. Заостровцев, А. Е. Шаститко. – Москва, 2020. – С. 68–71.
31. Столетова, А. С. Трансформация потребительских стратегий и советского образа жизни 1960–1980-х гг. / А. С. Столетова // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы: материалы Международной научной конференции (Вологда, 14–15 октября 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет, Вологодский научный центр РАН, Институт российской истории РАН ; [главный редактор М. А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2020. – С. 112–121.
32. Труд в СССР: Статистический сборник. – Москва : Финансы и статистика, 1988. – 302 с.
33. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 книгах / Б. А. Грушин ; Институт философии РАН [и др.]. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001.
34. Яхшиян, О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян / О. Ю. Яхшиян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – Москва : РОССПЭН, 1996. – С. 92–105.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni, A.S. Stoletova

SCIENTIFIC SEMINAR ON THE PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The publication was prepared at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00269

On February 27, 2021 Vologda State University held a regular scientific seminar organized by a team of researchers participating in the Russian Science Foundation grant «Transformation of Russian society in the 1950s – 1990s: class genesis and evolution of economic structure». Doctor of History T.M. Dimoni, Doctor of History M.A. Beznin, Doctor of Economics K.A. Gulin, Candidate of History A.S. Stoletova, Candidate of History Yu.S. Nikiforov, an undergraduate student K.V. Kushnereva made reports at the seminar. The participants discussed the results of the work on the project in 2020 including the preparation of the monograph on the economic council of Russia in the second half of the 20th century. Their attention was focused on the problems of searching and processing historical sources, methodology and approaches to studying the industrial society of Russia in the second half of the 20th century.

History of Russia, the second half of the 20th century, transformation of social classes, socio-economic structure.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГОРБУНОВ А.Н. КОНЕЦ ВРЕМЕН И ПРЕКРАЩЕНЬЕ ДНЕЙ.
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА. Москва: Прогресс-Традиция, 2019. 592 с.**

Рецензия на исследование, посвященное творчеству Шекспира, его предшественников и младших современников. В книгу вошли главы об английском мистериальном театре («От сотворения мира до его конца»), о «Кентерберийских рассказах» («Человеческая комедия» Чосера), знаменитой трагедии Марло («Доктор Фауст: Люцифер или Прометей?»), шекспировских сонетах, комедиях «Пустые хлопоты любви» и «Венецианский купец», великих трагедиях «Король Лир» и «Макбет», поздней трагикомедии «Буря», драматургии его младших современников.

Шекспир, предшественники и современники Шекспира, А. Горбунов.

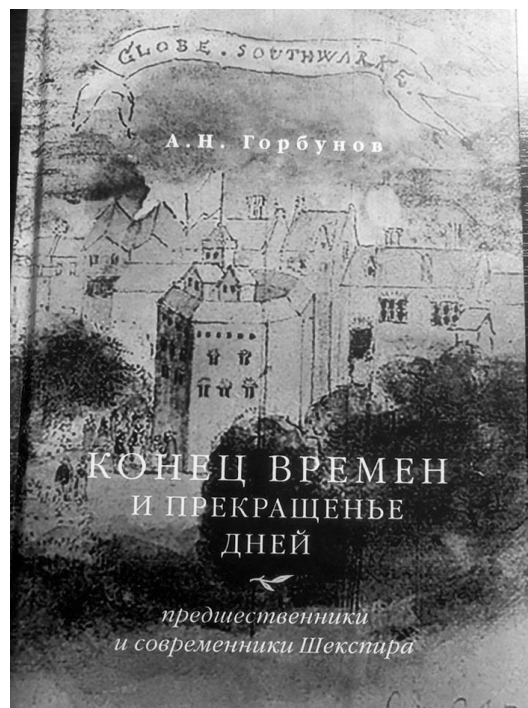
В книге собраны статьи заслуженного профессора кафедры истории зарубежной литературы МГУ Андрея Николаевича Горбунова об английской литературе и культуре XIV – первой половины XVII веков. Его работы узнаваемы специалистами и читателями по насыщенности исторического, литературного, библейского контекстов, их взаимопроникновению.

Первая из одиннадцати глав «От сотворения мира до его конца (Мистерии Йоркского цикла)» подробно рассказывает об английском мистериальном театре. В 2014 году А.Н. Горбунов и В.С. Сергеева подготовили «Мистерии Йоркского цикла» для издания в серии «Литературные памятники». Это был первый русский перевод и соответственно первое русское издание знаменитого памятника средневекового театра. Выросший из латинской литургической драмы высокого Средневековья мистериальный театр пользовался особой любовью в Англии с середины XIV по середину XVI веков. Из дошедших до нас английских циклов мистерий (более или менее полных) самый ранний и лучше всего сохранившийся – Йоркский (XIV–XV века). Он состоит из небольших пьес на библейские сюжеты – от Сотворения мира до Страшного суда. Процветающий Йорк (интеллектуальная столица Северной Англии) мог позволить себе достойную постановку в день праздника Тела Христова. Пьесы исполнялись под открытым небом в нескольких местах города, и сценой служили особые повозки, которые перемещались по узким средневековым улочкам.

В период правления Елизаветы постановки мистерий и моралите стали считать католическими пережитками. В 1580-е годы полных циклов уже не ставили. В сравнении с елизаветинской драмой мистерии казались устаревшими. Новое время требовало новой театральной эстетики, при этом художественные достижения мистериального театра явились важной составляющей шекспировского театра. К мистериям обращались Милтон, Байрон.

В XX веке задумались об их воскрешении, и в 1909 году возобновили представление отрывков из

Йоркского цикла. В 1951-м в здании разрушенного аббатства Святой Марии сыграли почти весь цикл. В 1992-м цикл исполнен в Йоркском королевском театре, в 2000-м – в Йоркском соборе. С одной стороны, режиссеры использовали современную театральную машинерию, с другой – с 1994 года пытались вернуться к повозкам. В 2006-м, затем в 2010-м двенадцать повозок останавливались в четырех местах на городских улицах.

Когда летом 2019 года в Музее-квартире В.И. Белова в Вологде был обнаружен машинописный вариант никогда не публиковавшейся пьесы «Не спи на закате», мне подумалось, что вологжанам есть чему поучиться у йоркцев. В начале 2000-х написанный от руки текст Василий Иванович предал сожжению на

рабочем столе. Вдова Ольга Сергеева Белова свидетельствовала, что, уверовав, писатель стал задаваться вопросом: зачем он сделал Бога главным героем? Проблема, скорее, заключается в том, как это делать: мистериальный театр – сокровищница, в приобщении к нему справедливо видеть восхождение. Первая глава рецензируемой книги помогает разобраться в этой отнюдь не оставшейся в прошлом теме.

Вторая глава посвящена «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера. Для рассмотрения Горбунов предложил «готическую перспективу». Его ассоциации – с незавершенным готическим собором, где фундаментом является «Общий пролог», куполом и шпилем, венчающими здание, – «Рассказ Священника» и «Отречение». «Есть здесь и прочно стоящие стены (дошедшие до нас фрагменты), в которых, может быть, не хватает некоторых витражей, а внутреннее убранство еще не приведено в порядок (не все запланированные изначально рассказы написаны, а написанные окончательно не отредактированы)» [1, с. 239].

В отличие от Данте с его «Божественной комедией», Чосер не спустился в ад, не поднялся в чистилище и не проник в рай, но «остался на земле, куда лишь издали проникает свет небесного Иерусалима» (Там же, с. 246). При этом он создал первый образец «человеческой комедии». Такого рода масштабное видение и при этом пристальное чтение – сильные стороны исследования. Желая углубиться в данную тему полезна монография А.Н. Горбунова «Чосер средневековый» (Москва: Лабиринт, 2010).

В третьей главе «Доктор Фауст: Люцифер или Прометей?» показана возможность разных интерпретаций образа Фауста. Он может быть уподоблен 1) Люциферу в его гордыне, 2) героическому в своем вызове Прометею, 3) Икару – фигуре двойственной: он вызывал восхищение людей того времени стремлением к небу и – осуждение за гордыню, вознесшую выше доступных ему пределов (восковые крылья таяли согласно замыслу неба).

Исследователь показывает, что, обратившись к жанру моралите, Кристофер Марло как бы взрывает его изнутри, наполняя новым содержанием и превращая в религиозно-философскую трагедию. «Марлоноватор задолго до Достоевского и еще до Шекспира, только начинавшего тогда путь в театре, создал особый полифонический жанр философской трагедии» (Там же, с. 267).

В центре четвертой главы «Закон вместо благодати: Чосер, Марло, Шекспир» – Шейлок «Венецианского купца». В конце XVI века в Англии, где евреев согласно официальной статистике уже не было около трех столетий, враждебное отношение к ним не утихло. Как отмечал Стивен Гринблатт, «в воображении многих англичан евреи играли роль, подобную серому волчку в детских сказках» (цит. по: [1, с. 302–303]). Для понимания проблем, поднятых Шекспиром, Горбунов кратко рассматривает историю евреев в Англии; говорит о литературных предшественниках Шейлока, созданных Чосером и Марло («Рассказ Аббатисы» в «Кентерберийских рассказах», трагедия «Мальтийский еврей»); вписывает пьесу в культурно-исторический и религиозный контекст жизни елизаветинского Лондона.

Четвертая глава – «Сонеты Шекспира (загадки и гипотезы)». В 2016 году под редакцией Горбунова изданы «Сонеты» Шекспира в серии «Литературные памятники», отсюда – очерчивание проблем шекспировских сонетов, приобщение к их «загадкам и гипотезам».

У автора книги – традиционное рассмотрение сонетов: он обращается к первым упоминаниям, рукописям, изданиям, времени написания сонетов, говорит о посвящении издателя, порядке расположения сонетов, действующих лицах цикла, сюжете, связи сюжетного элемента с жизнью поэта, характере и смысле любви.

При этом мы знаем о западных инновациях XXI века. Шекспировские сонеты традиционно стояли в стороне от остальных текстов (они не включены в фолио), и критическое осмысление истории их публикаций и интерпретаций видится необходимым. Принимая во внимание изменение отношения к шекспировскому драматическому канону (признание не сугубо единоличного авторства, но сотрудничества), пересматривают отношение и к «Сонетам». Вопросов много: как составлен цикл; восприятие сонетов сначала как «незаконнорожденных», затем – «законнорожденных»; переход сонетов с периферии в центр канона; качество прочтения сонетов читателями.

Уважаемые британские шекспироведы выражают сомнения как в единстве цикла, так и в продуктивности деления на части, обращенные к «прекрасному юноше» и «смуглой леди». Автобиографический нарратив ограничивает восприятие каждого из сонетов. Гэри Тейлор отмечал, что лишь немногие из 154 сонетов когда-либо привлекали такое внимание и породили столько энтузиазма, как стоящая за ними и между ними история: «Шекспира», «смуглой леди», «прекрасного юноши» [3].

Отдание приоритета циклу перед каждым из сонетов воспринимается как анахронизм. Англоязычные исследователи отмечают ограничения, накладываемые прочтением сонетов как цикла: сонеты 1–126 обращены к мужчине, 127–152 – к женщине. Удивительно, что восприятие, восходящее у Эдмунду Мэлоуну (1741–1812) и его редактированию кварто в 1780 году, оказалось определяющим не просто на годы, десятилетия, но на столетия. Настаивать на двухчастном делении – значит навязывать сонетам логику Мэлоуна: читавшие Шекспира до того не ограничивали себя наложенной схемой.

«Cambridge University Press» в 2019 году выпустило книгу Джейн Кингли-Смит «Посмертная жизнь шекспировских сонетов» [2] об изменяющемся со временем отношении к ним. Это – новая история восприятия сонетов с 400-летним охватом на основе свидетельств рукописей, печатных изданий, антологий, обзоров, критических статей, академических изданий, писем, дневников, записных книжек ключевых литературных фигур (Милтон, Саклинг, Китс, Вордсворт, Теннисон, Джордж Элиот, Оскар Уайльд, Уилфред Оуэн, Вирджиния Вулф, Уильям Эмпсон, У.Х. Оден, Энтони Берджесс), цитат и аллюзий знаменитых литературных текстов. Кроме попытки представить более обширную и детальную картину восприятия сонетов, Кингли-Смит исследует культурную историю отдельных сонетов.

Горбунов особое внимание уделяет 146 сонету. Он предлагает прочитывать его как эпилог к книге: «Единственное религиозное стихотворение среди остальных чисто светских, оно, очевидно, и должно было стать последним. Эти строки не требуют продолжения» [1, с. 372]. Характерная для Андрея Николаевича интерпретация. Мне Шекспир в его творческой готовности всегда устремляться вперед не видится приверженцем эпилога.

Следующие четыре главы посвящены пьесам Шекспира: комедии «Пустые хлопоты», «неправильной» комедии «Мера за меру», великим трагедиям «Король Лир» (глава «Конец времен и прекращенье дней») и «Макбету» (глава «Шотландская трагедия Шекспира»). Исследователь пишет о датировке, изданиях, первых спектаклях, сюжетах, источниках, влияниях, контекстах, жанре, религиозной проблематике. Восприятие каждой из пьес на протяжении веков (обыкновенно от Драйдена до Гарольда Блума) обогащено собственной оценкой шедевров. Шекспир и его масштабные произведения особенно хороши для анализа и размышлений автора: они позволяют выйти в библейский контекст.

В центре внимания главы «О мнимом и сущем» – пьесы начала XVII века: «Буря» Шекспира (1611), «городская комедия» «Черт выставлен ослом» Бена Джонсона (1616), «кровавая» трагедия «Оборотень» Томаса Мидлтона и Уильяма Роули (1622). При разности трактовок пьесы роднит тема взаимопроникновения и трансформации кажущегося и сущего, иллюзии и реальности.

Завершающая глава – «Драматургия младших современников Шекспира», работавших вплоть до закрытия театров. Для Горбунова важно, что в этот пе-

риод, характеризуемый иногда как период кризиса и постепенного упадка, происходит качественная трансформация английской сцены. Тем неожиданнее финал: 22 сентября 1642 года парламент издал специальный указ о воздержании от публичных сценических представлений. «Театры были официально объявлены местом языческого идолопоклонства, театральные помещения закрыты, актерские труппы распущены...» [1, с. 591]. Очевидно, что происходит это не в первый и не в последний раз, и, вместе с тем, – эффектный конец книги о ярчайшей эпохе в истории английского и мирового театра.

В названии книги – цитата из расширенного пастернаковского перевода последней сцены «Короля Лира». Видя Лира с мертвой Корделией на руках, Кент вопрошает: «Is this the promised end?» («Не это ль час / Кончины мира?») в переводе Б. Пастернака. Эдгар вторит: «Or image of that horror?» (у Пастернака – «Исполнение сроков»). Герцог Альбанский третьим по счету вопросом уточняет: «Fall and cease?» (у Пастернака – «Конец времен и прекращенье дней»). В отношении Шекспира, к счастью, опасения о концах и прекращеньях всякий раз оказываются тщетными.

Литература

1. Горбунов, А. Н. Конец времен и прекращенье дней. Предшественники и современники Шекспира / А. Н. Горбунов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2019. – 592 с.
2. Kingsley-Smith, Jane. The Afterlife of Shakespeare's Sonnets. – Cambridge, United Kingdom ; New York : Cambridge University Press, 2019. – 294 p.
3. Taylor, Gary. Reinventing Shakespeare : A Cultural History, from the Restoration to the Present / Taylor Gary. – New York : Weidenfeld & Nicolson, 1989. – P. 158.

L.V. Egorova

BOOK REVIEW: GORBUNOV A.N. IS THIS THE PROMISED END? Shakespeare's predecessors and contemporaries. Moscow, 2019. 592 p.

A.N. Gorbunov in his research focuses on the works of William Shakespeare, his predecessors and younger contemporaries. The book includes chapters on English mystery theatre («From creation of the world to the end of days»), on *The Canterbury Tales* («“The Human Comedy” of Geoffrey Chaucer»), Christopher Marlowe's tragedy («Doctor Faustus: Lucifer or Prometheus?»), Shakespeare's sonnets, comedies *Love's Labour's Lost* and *The Merchant of Venice*, the tragedies *King Lear* and *Macbeth*, late play *The Tempest*, and works of Shakespeare's younger contemporaries, who wrote till the closing of theatres in 1642.

William Shakespeare, predecessors and younger contemporaries of Shakespeare, A. Gorbunov.

Л.Ю. Зорина

Вологодский государственный университет

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 999.014.03 В 2020 ГОДУ

В статье сообщается об успешной работе диссертационного совета Д 999.014.03 в Вологодском государственном университете. В совете рассматриваются диссертации по филологическим наукам (специальности 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык). Диссертационный совет функционирует на протяжении более чем 25 лет, и количество защищаемых в нем диссертаций неуклонно растет.

Филологические науки, диссертационный совет в ВоГУ, успешные защиты в 2020 году.

В Вологодском государственном университете успешно работает диссертационный совет Д 999.014.03. Он считается объединенным, так как создан на базе трех университетов: Вологодского, Сыктывкарского и Череповецкого. В совете принимаются к рассмотрению диссертации по филологическим наукам (специальности 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык).

На протяжении более чем 25 лет существования совета количество защищаемых в нем диссертаций варьируется от двух-трех до одиннадцати в год. 2020 год также вписывается в эти рамки.

27 февраля 2020 года в ВоГУ состоялось очередное заседание диссертационного совета. Свою диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук успешно защитила *Ольга Сергеевна Казаковцева* (г. Петрозаводск). Она представила работу на тему «Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI–XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия)». Научный руководитель соискателя – доктор филологических наук профессор Петрозаводского государственного университета Н.В. Патроева. Это была 118-я по счету защита в объединенном диссертационном совете.

*Ольга Сергеевна Казаковцева
принимает поздравления
с успешной защитой диссертации*

Оппоненты отметили, что диссертационная работа содержит целостное, разноаспектное и последовательное описание системы факторов, оказавших влияние на расположение элементов в группе «определение – определяемое» в памятниках древнерусской эпохи. В настоящее время работ по синтаксису древнерусского языка публикуется мало, и это делает исследование О.С. Казаковцевой особенно актуальным. В ходе защиты говорили о детальности, точности и тонкости произведенного в работе языкового анализа, позволившего сделать выводы исследователя обоснованными и убедительными.

30 июня 2020 года в ВоГУ состоялась очередная сессия объединенного диссертационного совета Д 999.014.03. В рамках сессии прошли два заседания. Успешно защитили свои диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук *Яна Александровна Юферева* (г. Киров) и *Анна Михайловна Ерохина* (г. Москва).

Юферева Яна Александровна представила работу на тему «Творчество О. Волкова как художественная система: проблематика и жанровое своеобразие». Научный руководитель соискателя – доктор филологических наук профессор Вятского государственного университета А.Е. Анциферов.

*Диссертацию соискателя ученой степени
Яны Александровны Юферевой
в президиуме читают внимательно*

Материалом исследования являются произведения О. Волкова: роман «Погружение во тьму»; повес-

ти «В конце тропы», «В тихом краю», «Под конем»; сборники прозы и публицистики «Век надежд и крушений», отдельные рассказы, очерки и статьи писателя, опубликованные в периодических изданиях. В работе Я.А. Юферевой доказано положение о целостности художественной системы писателя, единство которой определяют документализм, автобиографизм, фрагментарная композиция, ассоциативность как ведущий повествовательный прием, авторская концепция человека, природы и истории, система персонажей, тематические переключки в эпических и публицистических произведениях, особый художественный метод писателя, представляющий собой синтез публицистичности, документального и беллетристического начал.

Ерохина Анна Михайловна представила работу на тему «Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»)). Научный руководитель соискателя – доктор филологических наук профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого В.И. Заика).

Основными источниками фактического материала для диссертации послужили тексты Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и часть романа Б. Акунина «ФМ» (имитация первоначальной рукописи Ф.М. Достоевского, названная Б. Акуниным «Теорияка»). В них выделено свыше пяти тысяч единиц подтекста – лексий, что позволило произвести сравнение текстов по количеству и качеству подтекста.

В диссертации доказаны положения о том, что художественный текст является моделью универсума человека, созданной с помощью языка как моделирующей системы, что материалом построения модели – художественного текста – выступает язык как явление не только первичной системы означивания (кодирования), но и вторичной моделирующей системы, то есть способа кодирования при создании художественных образов, что единицами подтекста являются лексии.

6 октября 2020 года в диссертационном совете состоялись защиты двух диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Екатерина Александровна Обухова (г. Старый Оскол) защитила диссертацию «В.В. Набоков и его критики (1920–1930-е гг.): полемический подтекст в творчестве писателя». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета Валерий Анатольевич Черкасов.

В ходе защиты установлено, что диссертация Е.А. Обуховой является актуальным и квалифицированным исследованием, не вызывающим сомнений в достоверности полученных результатов. Отмечается продуманность и оригинальность научной концепции диссертационного исследования; нетривиальность и убедительность интерпретации подтекста произведений В.В. Набокова, детерминированного мотивами текущей критики. Среди наиболее важных достоинств диссертации выделены аналитическое и убедительное рассмотрение архивных источников по теме диссертации; нетривиальная интерпретация ключевых фрагментов романа Набокова «Дар»; освещение взаимоот-

ношений Набокова с Г.П. Струве, Ю.И. Айхенвальдом и З.Н. Гиппиус.

Последние наставления перед защитой: соискатель ученой степени Екатерина Александровна Обухова с научным руководителем В.А. Черкасовым

Екатерина Александровна Обухова с оппонентами Н.З. Коквиной и К.В. Смирновым

Ирина Анатольевна Бучилова (г. Череповец) защитила диссертацию «Языковая личность ребенка-инофона (на материале текстов учащихся начальных классов школ города Череповца)». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета Елена Валерьевна Грудева.

Работа Ирины Анатольевны Бучиловой (третья справа) вызвала большой интерес

Проведенное исследование уточняет и расширяет научные представления об особой категории «нестандартных носителей русского языка» – детях-инофонах, обучающихся в российских школах, и об их письменных текстах. Автором диссертации составлен собирательный портрет вторичной языковой личности ребенка-инофона младшего школьного возраста. На материале письменных текстов детей-инофонов младшего школьного возраста выявлены специфические маркеры письма, описаны регулярные нарушения письменного узуса. Создана электронная база речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в школах города Череповца (<https://inophone35.ru>).

Проблематика диссертации вызвала большой интерес у членов диссертационного совета. Соискатели квалифицированно отвечали на многочисленные задаваемые им вопросы. Члены диссертационного совета единогласно проголосовали «за» присуждение соискателям искомой ученой степени. Председатель диссертационного совета доктор филологических наук профессор ВоГУ Г.В. Судаков и заместитель председателя диссертационного совета доктор филологических наук профессор ЧГУ Александр Валентинович Чернов тепло поздравили молодых кандидатов филологических наук с защитой и пожелали им дальнейших успехов в научной работе.

С ходом защит можно ознакомиться на сайте ВоГУ в разделе «Советы: Видео и трансляции»: <https://vogu35.ru/nauka/sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-999-014-03/video-i-translyatsii>.

Председатель диссертационного совета Г.В. Судаков голосует «за» присуждение ученой степени

30 октября 2020 года в Институте социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета состоялось вручение дипломов кандидатам филологических наук. Вручал дипломы председатель диссертационного совета Д 999.014.03 доктор филологических наук, профессор Г.В. Судаков. Дипломы получили:

L.Yu. Zorina

DISSERTATION COUNCIL (Д 999.014.03) CONTINUES TO WORK: 2020 RESULTS

The article tells about successful work of the Dissertation Council at Vologda State University. The Council specializes in dissertations on Philology (10.01.01 – Russian Literature, 10.02.01 – Russian). The Council has been working for more than 25 years.

Philology, Dissertation Council at Vologda State University, successful dissertation defenses in 2020.

Комиссарова Татьяна Германовна, педагог дополнительного образования Вологодского дворца творчества детей и молодежи (г. Вологда). Тема диссертации – «*Детство* в языковой картине мира вологодского крестьянина». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Вологодского государственного университета Е.Н. Ильина.

Лескова Ольга Владимировна, методист Информационно-методического центра при Управлении образования г. Вологды (г. Вологда). Тема диссертации – «*Поэтика автобиографической прозы П.В. Засодимского*». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Вологодского государственного университета Ю.В. Розанов.

Чиглова Елена Ильинична, старший преподаватель кафедры иностранных языков Череповецкого государственного университета (г. Череповец). Тема диссертации – «*Стратегии освоения категории лица в русском языке*». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета Е.В. Грудева.

Горушкина Анна Валентиновна, учитель русского языка и литературы Череповецкого общеобразовательного лицея «АМТЭК» (г. Череповец). Тема диссертации – «*Лингвокультуремы в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшевой: функциональный аспект изучения*». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета С.Ю. Лаврова.

Вручение дипломов сразу четырем кандидатам филологических наук

В диссертационном совете поздравили молодых специалистов, получивших дипломы кандидатов филологических наук и выразили надежду на новые встречи – по поводу защиты уже других, докторских диссертаций.

П.П. Котов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН*

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПРИ СЫКТЫВКАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1996–2007 ГОДАХ

В статье используется большое количество оригинальных неопубликованных источников, на основе которых анализируется деятельность диссертационного совета по отечественной истории при Сыктывкарском государственном университете на протяжении всего периода его существования. Обращено внимание на активность членов совета, тематику диссертаций, роль научных руководителей, оппонентов и ведущих организаций, работу технических сотрудников и другие аспекты.

Диссертационный совет, диссертации, аспиранты, научные руководители, оппоненты, ведущая организация.

В деятельности научно-образовательных и научных учреждений важное значение всегда придавалось подготовке молодой смены – преподавателей и исследователей. Это позволяло не только обеспечить преемственность кадров и непрерывность исследований, но и, как правило, вычленить и актуализировать наиболее важные научные проблемы и активизировать их изучение. В РСФСР основой системы подготовки научных кадров с января 1925 года стала аспирантура. Затем система аспирантуры получила развитие и была дополнена за счет включения в нее заочной аспирантуры и соискательства. С другой стороны, система аспирантуры была тесно увязана с деятельностью диссертационных советов, в которых подводился итог обучения – по факту защиты диссертации аспиранты и соискатели получали ученую степень. Плодотворная работа диссертационных советов во многом обеспечивает и другой важный показатель деятельности вузов – эффективность аспирантуры (докторантуры) по соответствующей специальности. Сложившиеся в советский период системы аспирантуры и диссертационных советов в основном сохранились и после исчезновения СССР – в суверенной России. Однако сформировавшаяся практика деятельности аспирантуры и диссертационных советов корректировалась прежде всего в сторону расширения аспирантуры в регионах и возможностей открытия диссертационных советов на местах.

Учитывая новые веяния, в 1994 году заведующий кафедрой отечественной истории Сыктывкарского университета (СыктГУ) профессор Л.П. Рощевская и профессор Санкт-Петербургского университета (СПбГУ) Ю.Д. Марголис (07.10.1930–14.02.1996) неоднократно обговаривали вопросы открытия диссертационного совета в столице Республики Коми. Л.П. Рощевская провела большую работу по оформлению необходимых документов, определению состава диссертационного совета, обеспечению оргтехникой, выделению достойной аудитории и т.д. Лариса Павловна к этой работе привлекла профессора В.П. Золотарева, доцентов В.Н. Худяева (25.04.1945–17.05.2015) и П.П. Котова. Инициатива деятельно бы-

ла поддержана проректором СыктГУ по науке профессором В.В. Гладиловым (29.07.1942–3.02.2013). К началу 1995 года были подготовлены все документы, и идея о создании диссертационного совета в СыктГУ начала реализовываться.

Диссертационный совет по специальности 07.00.02 – Отечественная история в СыктГУ был образован приказом Высшей аттестационной комиссии России (ВАК РФ) от 25 мая 1995 г. № 180-в на основании решения Президиума ВАК РФ от 19 мая 1995 г. № 62-к. В составе Диссертационного совета К-064.81.01 в СыктГУ были утверждены 12 членов – шесть докторов и столько же кандидатов исторических наук. Председателем совета была назначена д-р ист. наук Л.П. Рощевская, ученым секретарем – канд. ист. наук П.П. Котов, членами совета – доктор наук В.П. Золотарев и четыре кандидата наук – А.В. Ненахов, Ю.М. Рапопорт, Т.М. Хорунжая и, вскоре защитивший докторскую диссертацию, В.А. Семенов (30.10.1945–12.07.2020). Наряду с ними в первый состав совета были включены: д-р ист. наук Ю.Д. Марголис, профессор Вологодского педагогического университета (ВолГПУ), д-р ист. наук А.В. Камкин (14.02.1950–10.12.2017) и трое научных сотрудников Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН): д-р ист. наук А.Н. Турубанов (заместитель председателя диссертационного совета), д-р ист. наук В.И. Чупров (27.07.1942–18.10.2015) и канд. ист. наук А.Д. Напалков [1; 2]. Одновременно по приказу ректора СыктГУ профессора В.Н. Задорожного техническим секретарем была назначена А.А. Бровина [2; 3].

После открытия совета началось ознакомление с законодательными и нормативными материалами, опытом деятельности других диссертационных советов, подготовка диссертаций и документов для защиты первых соискателей ученой степени. Однако накануне начала деятельности совета пришло трагическое известие – 14 февраля 1996 г. скончался член совета, известный и авторитетный ученый России Ю.Д. Марголис. Он внес неоценимый вклад в становление и

развитие университетского исторического образования в СыктГУ как в качестве зав. кафедрой истории СССР в 1976–1980 годах, так и в качестве доброжелательного и профессионального «советчика» по всему спектру вопросов для всех преподавателей и студентов в последующие годы.

Первое заседание диссовета состоялось 5 марта 1996 года [4; 5; 6]. На заседании члены совета еще раз почтили светлую память Ю.Д. Марголиса. Были произведены вынужденные изменения – в состав диссертационного совета был кооптирован д-р ист. наук М.А. Мацук, который вскоре по приказу ВАК РФ от 27 марта 1996 г. № 233/180 стал полноправным членом совета [1]. Кроме того, на том же заседании 5 марта членом совета с правом совещательного голоса стали декан истфака СыктГУ канд. ист. наук Худяев, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, канд. ист. наук А.Ф. Сметанин (24.04.1949–6.12.2010) [7]. Далее на заседании были обсуждены многие вопросы, начиная от утверждения регламента, периодичности заседаний, списка адресов обязательной рассылки авторефератов и заканчивая проблемами финансирования различных сторон деятельности совета. И наконец, на первом заседании диссертационного совета в СыктГУ были приняты к рассмотрению в совете первые два исследования и сформированы экспертные комиссии: по диссертации М.В. Таскаева – А.Н. Турубанов, Ю.М. Рапопорт и А.В. Ненахов, по диссертации Е.М. Кравцовой – В.П. Золотарев, А.Д. Напалков и В.И. Чупров [7; 8]. На этом же заседании совета присутствовал и проректор СыктГУ В.В. Гладилов, который еще раз гарантировал поддержку ректората и финансирование деятельности совета.

После первых четырех защит диссертационный совет в СыктГУ с 1 июля 1997 года был распущен в силу технической ошибки, связанной с несвоевременным представлением отчета. Однако по результатам командировки ученого секретаря совета в ВАК России уже 23 сентября 1997 года был издан приказ за номером 542-в, согласно которому диссертационный совет в СыктГУ под прежним шифром вновь стал действующим [1]. По замечанию Л.П. Рощевской, «...новое оформление документов прошло довольно быстро...» [9]. Хотя основной состав диссертационного совета в СыктГУ сохранялся, но наступили и изменения. Из состава совета, по собственному желанию, выводился А.Д. Напалков и, напротив, в него были включены новые члены – д-р ист. наук А.А. Попов и, уже с правом решающего голоса, канд. ист. наук А.Ф. Сметанин. В результате из 13 членов совета семеро, т. е. более половины, представляли Сыктывкарский университет, пятеро (почти 40 %) являлись сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и только д-р ист. наук А.В. Камкин оставался единственным иногородним членом совета, представляя, напомним, Вологду [1].

В начале нового столетия стали корректироваться нормы и условия деятельности диссертационных советов в России: увеличивалось минимальное число членов совета, условия заседаний, правила оплаты оппонентов и некоторые другие правила. Вместе с тем, проводилась перерегистрация диссертационных советов. Поэтому в 2001 году диссертационному со-

вету в СыктГУ присуждается новый шифр – К 212.257.01 и расширяется его состав до 15 человек за счет введения двух новых членов: канд. ист. наук О.Е. Бондаренко и Г.Ф. Доброноженко (обе преподаватели университета). Через год совет покинули А.В. Камкин и Г.Ф. Доброноженко и в состав совета были включены д-р полит. наук В.А. Ковалев, д-р культурологии М.И. Бурлыкина (оба из СыктГУ) и д-р ист. наук И.Л. Жеребцов (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) [1; 9].

К осени 2003 года, в связи с переходом на другую работу, из диссертационного совета были исключены О.Е. Бондаренко, В.А. Ковалев и А.В. Ненахов. И, напротив, по приказу ВАК России от 6 ноября 2003 года в совет вернулась Г.Ф. Доброноженко, и он пополнился преподавателями СыктГУ кандидатами наук Л.А. Максимовой и М.В. Мелиховым. Этот состав совета был подтвержден и приказом ВАК РФ от 20 мая 2005 года [1; 2; 9]. Тем самым с 2002 года и до завершения работы в 2007 году из 16 членов диссертационного совета почти две трети (десять человек) являлись преподавателями СыктГУ и шестеро человек или 37,5 % его состава были сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Однако в одном случае соотношение указанного представительства учреждений было иным.

По существующим нормативам каждый диссертационный совет на своей базе имел право создавать Разовые диссертационные советы для защиты исследований по близким специальностям относительно той, по которой осуществлялись защиты на постоянной основе. Такой совет создавался на срок до трех месяцев. Основу его (большинство) должны были составлять члены действующего совета. При этом среди членов Разового совета необходимо было иметь не менее пяти докторов наук по специальности защищаемых диссертаций, в том числе и с учетом тематики опубликованных трудов. Используя эту возможность, Л.П. Рощевская и П.П. Котов подготовили документы для открытия в СыктГУ Разового диссертационного совета по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, который и был создан по приказу ВАК России № 464-в от 24 июня 1998 года [1].

Основу этого Разового совета КР-064.81.22, как и положено, составили девять человек из «старого» совета: Л.П. Рощевская (председатель), А.Н. Турубанов (зам. председателя), П.П. Котов (ученый секретарь), В.П. Золотарев, А.В. Камкин, А.А. Попов, В. А. Семенов, А.Ф. Сметанин и В.И. Чупров. Кроме них в названный совет вошли: преподаватель СыктГУ канд. ист. наук Н.Н. Чеснокова, профессор Пермского университета, д-р ист. наук Г.Н. Чагин (24.04.1944–10.11.2018), сотрудники ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д-р ист. наук Э.А. Савельева и канд. ист. наук Д.А. Несанелис (5.01.1960–15.01.2016) [1; 7]. В результате из 13 членов в названном совете было только пятеро преподавателей СыктГУ или менее 40 % от его численного состава, тогда как ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН представляли шесть человек или почти 46 % членов указанного совета.

В Разовом совете в СыктГУ планировалась рассмотреть три диссертации, но были заслушаны только

два исследования (см. табл. 1). По результатам защиты 17 ноября 1998 года кандидатами исторических наук по специальности «Этнография, этнология и антропология» стали соискатель СыктГУ Т.И. Чудова и аспирант ИЯЛИ КНЦ УрО РАН Т.И. Бабилова, научными руководителями которых выступали соответственно В.А. Семенов и Н.Д. Конакова (4.12.1946–10.08.2010). Эти труды были сотворены на актуальные темы и затрагивали важнейшие историко-этнографические проблемы Республики Коми. Не случайно, развивая начатые исследования, авторы к настоящему времени защитили докторские диссертации.

Костяк диссертационного совета в СыктГУ оставался неизменным на всем протяжении его деятельности в 1996–2007 гг. Так, в течение всех 12 лет состояли членами совета девять человек: Л.П. Рощевская, А.Н. Турубанов, П.П. Котов, В.П. Золотарев, М.А. Мацук, Ю.М. Рапопорт, В.А. Семенов, Т.М. Хорунжая и В.И. Чупров. Еще двое – А.А. Попов и А.Ф. Сметанин, входили в совет более десяти лет. При этом восемь человек из перечисленных включались и в состав Разового диссертационного совета в 1998 г.

Члены диссертационного совета в СыктГУ, работая сугубо на общественных началах, честно и добросовестно относились к поручениям. Большинство из них по десять и более раз входили в состав экспертных комиссий, неоднократно выступали оппонентами, помогали советами соискателям ученой степени, строго, но всегда доброжелательно анализировали представленные диссертации. На заседаниях совета они давали выверенные и профессиональные оценки вклада авторов диссертаций в науку.

Достаточно быстро был накоплен опыт и отработана практика успешного функционирования совета. Немаловажную роль в этом сыграли ректорат и отдел аспирантуры СыктГУ (заведующий отделом

Л.А. Яшина). Конечно, функционирование диссертационного совета требовало определенного финансирования: командировок иногороднего члена совета (А.В. Камкин) и некоторых приглашаемых оппонентов, скромной оплаты труда оппонентов, председателя, ученого и технического секретарей, канцелярских и других мелких расходов. Учитывая известное «аккуратное», не побоюсь отметить, «весьма бережное» отношение ректора В.Н. Задорожного к расходованию средств (в большинстве случаев, вероятно, оправданное), первоначально происходили отдельные случаи непонимания при выделении средств на деятельность диссертационного совета. Постепенно ситуация оптимизировалась, и в начале 2000-х годов было отработано сочетание интересов диссертационного совета и руководства университета.

Стабильное профессиональное ядро диссертационного совета в СыктГУ и его руководства в сочетании с отлаженной поддержкой со стороны ректората обеспечили эффективность и непрерывность его деятельности. Понятно, что успешная работа совета не состоялась бы без творческих усилий, научно-исследовательской состоятельности и работоспособности аспирантов, соискателей и их научных руководителей.

Материалы табл. 1 и 2 свидетельствуют, что всего в диссертационном совете СыктГУ в период с мая 1996 по ноябрь 2007 года защитили свои научные исследования 51 аспирант и пятеро соискателей, т. е. всего 56 молодых исследователей. Правда, работа совета не была ритмичной, что, конечно, почти не зависело от совета. В результате в 2000 г. состоялось шесть защит, 2001 г. – пять, 2005 г. – 11 и 2006 и 2007 гг. – по восемь защит. Тем самым за пять лет было рассмотрено 38 диссертаций или более двух третей от всех защит.

Таблица 1

Защита исследований аспирантами и соискателями в диссертационном совете в Сыктывкарском университете в 1996–2007 годах [8; 9]

№ п/п	ФИО аспиранта (соискателя)	Название диссертации	Дата защиты	Научный руководитель	Оппоненты	Ведущее учреждение
1	Кравцова Елена Михайловна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Становление и развитие музеев Европейского Севера (вторая половина XIX – 20-е гг. XX в.)	28.05.1996	Д-р ист. наук Рощевская Л.П.	Д-р ист. наук Камкин А.В.; канд. ист. наук Жданов Л.А.	Российский ин-т культурологии, сектор музееведения
2	Таскаев Михаил Владимирович (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Антибольшевистское движение в Коми крае (1917–1925 гг.)	28.05.1996	Д-р ист. наук Чупров В.И.	Д-р ист. наук Голдин В.И.; канд. ист. наук Рапопорт Ю.М.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
3	Наймушин Михаил Евгеньевич (соискатель, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Государственное строительство в Коми автономной области в 20-е годы: деятельность судебных и правоохранительных органов	27.05.1997	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Куликов К.И.; канд. ист. наук Худяев В.Н.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
4	Лапин Геннадий Васильевич (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Рабочий класс Коми АССР в 1981–1990 гг.	27.05.1997	Д-р ист. наук Турубанов А.Н.	Д-р ист. наук Куликов К.И.; канд. ист. наук Ненахов А.В.	ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, сектор истории
5	Максимов Станислав Гаврилович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Советско-болгарское сотрудничество на территории Коми АССР. 1965–1990 гг.	20.01.1998	Канд. ист. наук Худяев В.Н.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Чесноков В.П.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
6	Бабилова Татьяна Ивановна (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Семейная обрядность русских бассейна Нижней Печоры конца XIX – первой половины XX вв.	17.11.1998	Канд. ист. наук Конаков Н.Д.	Д-р ист. наук Семенов В.А.; канд. ист. наук Терюков А.И.	Поморский гос. пед. университет, каф. отечественной истории

№ п/п	ФИО аспиранта (соискателя)	Название диссертации	Дата защиты	Научный руководитель	Оппоненты	Ведущее учреждение
7	Чудова Татьяна Ивановна (соискатель, каф. ИАЭ СыктГУ)	Глиняная посуда Коми (зырян) во второй половине XIX – первой половине XX вв.)	17.11.1998	Д-р ист. наук Семенов В.А.	Д-р ист. наук Чагин Г.Н.; канд. ист. наук Ильина И.В.	Поморский гос. пед. университет, каф. отечественной истории
8	Савельев Александр Сергеевич (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Коми-пермяцкое село в 60–80-е гг. XX в.	24.06.1999	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Сыктывкарский лесной ин-т, каф. гуманитарных дисциплин
9	Ольшевская Елена Валерьевна (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Профессиональные союзы Коми АССР в 70-е годы	01.10.1999	Д-р ист. наук Турубанов А.Н.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Ненахов А.В.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
10	Бровина Александра Александровна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Личные библиотеки Архангельской и Вологодской губерний в конце XVIII – начале XX века	30.11.1999	Д-р ист. наук Рощевская Л.П.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Фадеева И.Е.	Российская национальная библиотека, сектор редких книг и книговедения
11	Пинаевский Дмитрий Иванович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.	11.01.2000	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Киросова Т.А.	Вологодский гос. пед. университет, каф. отечественной истории
12	Милохин Дмитрий Владимирович (аспирант, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.)	11.01.2000	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Безнин М.А.; канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Сыктывкарский лесной ин-т, каф. гуманитарных дисциплин
13	Гладких Сергей Александрович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Русский военно-морской флот на Дальнем Востоке (1895–1904 гг.)	12.01.2000	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Голдин В.И.; канд. ист. наук Максимов С.Г.	Санкт-Петербургский военно-морской ин-т, каф. истории военно-морского искусства
14	Нестерова Нина Александровна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Государственная национальная политика в Республике Коми в конце 1980-х – 1990-е годы	17.10.2000	Д-р ист. наук Попов А.А.	Д-р ист. наук Куликов К.И.; канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Марийский гос. университет, каф. региональной истории
15	Ластунов Игорь Иванович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Европейский Северо-Восток России в годы гражданской войны (1917–1921 гг.)	14.12.2000	Канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Д-р ист. наук Голдин В.И.; канд. ист. наук Доброноженко Г.Ф.	ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, отдел отечественной истории
16	Кустьшев Андрей Николаевич (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Подневольный труд в Ухто-Ижемском лагере НКВД-МВД СССР при освоении недр Коми АССР в 1938–1955 гг.	14.12.2000	Канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Д-р ист. наук Старков Б.А.; канд. ист. наук Ненахов А.В.	Российский гос. университет нефти и газа им. И.М. Губкина, каф. полит. истории Отечества
17	Курманова Галина Дмитриевна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Социальное признание на Европейском Севере в последней трети XIX – начале XX вв.	29.05.2001	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Сурков Н.И.	Социально-технологический ин-т Московского гос. университета сервиса, каф. теории и методики соц. работы
18	Игнатова Надежда Максимовна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР)	29.05.2001	Д-р ист. наук Турубанов А.Н.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Максимова Л.А.	Вологодский гос. пед. университет, каф. отечественной истории
19	Юшкова Наталья Анатольевна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Лесное хозяйство в Коми во второй половине XIX – первой половине XX века	05.06.2001	Д-р ист. наук Турубанов А.Н.	Д-р ист. наук Коротаяев В.И.; канд. ист. наук Бондаренко О.Е.	Сыктывкарский лесной ин-т, каф. гуманитарных дисциплин
20	Беляева Светлана Андреевна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Становление и развитие профессионального изобразительного искусства в Коми АССР (середина 1910-х – 1980-е гг.)	18.12.2001	Канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Фадеева И.Е.	Санкт-Петербургский гос. университет культуры и искусств, каф. отеч. истории
21	Лыскова Ирина Ефимовна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Научно-педагогическая деятельность Н.И. Кареева	18.12.2001	Д-р ист. наук Золотарев В.П.; д-р ист. наук Рощевская Л.П.	Д-р ист. наук Мятлов Г.П.; канд. ист. наук Ненахов А.В.	Ивановский гос. университет, каф. истории и культуры России
22	Шабашова Елена Владимировна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Государственная торговля Коми АССР. 1947–1991 гг.	23.12.2002	Д-р ист. наук Рощевская Л.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Киросова Т.А.	Пермский гос. университет, каф. новейшей истории России

№ п/п	ФИО аспиранта (соискателя)	Название диссертации	Дата защиты	Научный руководитель	Оппоненты	Ведущее учреждение
23	Козловский Станислав Иванович (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Формирование частей РККА на территории Вятской губернии в 1918–1920 гг.	23.12.2002	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Рапопорт Ю.М.	Вятский гос. университет, каф. истории России
24	Копытин Владимир Николаевич (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Формирование местных органов военного управления в Коми АССР (1918–1941 гг.)	24.12.2002	Канд. ист. наук Худяев В.Н.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Гладких С.А.	Военный университет Министерства обороны РФ, каф. истории
25	Семенов Андрей Валерьевич (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929–1934 гг.	29.12.2003	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Доброноженко Г.Ф.	Вятский гос. университет, каф. истории России
26	Хотимова Любовь Васильевна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Система социального призерения детей на Европейском Севере России (последняя четверть XVIII – начало XX века)	02.03.2004	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Сурков Н.И.	Социально-технологический ин-т Московского гос. ун-та сервиса, каф. теории и метод. соц. работы
27	Боле Елена Николаевна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Коми АССР)	30.03.2004	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Конасов В.Б.; канд. ист. наук Максимова Л.А.	ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, сектор истории
28	Балыбердин Александр Геннадьевич (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Государственно-церковные отношения в 1958–1964 гг. (по материалам Кировской области)	14.05.2004	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Худяев В.Н.	Пермский гос. университет, каф. общей отечественной истории
29	Чупрова Эльвира Геннадьевна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Возникновение и развитие архивной отрасли в 1917–1991 гг. (на примере Коми ССР)	28.12.2004	Д-р ист. наук Роцевская Л.П.	Д-р ист. наук Бакулин В.И.; канд. ист. наук Доброноженко Г.Ф.	Архив Российской Академии наук, отдел документной информации
30	Рочева Ирина Владимировна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Библиотеки Коми АССР в 1918–1941 гг.	06.09.2005	Д-р ист. наук Роцевская Л.П.	Д-р. филол. наук Мелихов М.В.; канд. ист. наук Кустышев А.Н.	Российская национальная библиотека, отдел истории библиотечного дела
31	Самарин Алексей Викторович (аспирант, Коми НЦ УрО РАН)	История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.)	06.09.2005	Д-р ист. наук Роцевская Л.П.	Д-р ист. наук Золотарев О.В.; канд. ист. наук Пинаевский Д.И.	ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, отдел отечественной истории
32	Макеев Алексей Викторович (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Развитие выставочного дела в Республике Коми во II половине XIX–XX вв.	07.09.2005	Д-р ист. наук Чупров В.И.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Милохин Д.В.	Вятский гос. гуманитарный университет, каф. отечественной истории
33	Поздеев Павел Вячеславович (аспирант, каф. истории России ВятГУ)	Формирование системы управления промышленностью Вятской губернии в 1917–1929 годах	07.09.2005	Д-р ист. наук Загвоздкин Г.Г.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Максимова Л.А.	Ухтинский гос. технический университет, каф. истории и культуры
34	Азаров Олег Иванович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938–1939 гг.)	08.12.2005	Д-р ист. наук Роцевская Л.П.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Ненахов А.В.	Ухтинский гос. технический университет, каф. истории и культуры
35	Котылева Ирина Николаевна (аспирант, каф. ИАЭ СыктГУ)	Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.	15.11.2005	Д-р ист. наук Семенов В.А.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Милохин Д.В.	Поморский гос. пед. университет, каф. отечественной истории
36	Борчина Марина Анатольевна (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Культурное развитие в Вятской губернии в 1917–1920 гг.	15.11.2005	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Худяев В.Н.	Вятский гос. университет, каф. истории России
37	Костина Елена Геннадьевна (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии 1906–1917 гг.	08.12.2005	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Котов П.П.	Вологодский гос. пед. университет, каф. отечественной истории
38	Рогачев Михаил Борисович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах	13.12.2005	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Морозов Н.А.	Вятский гос. гуманитарный университет, кафедра истории и краеведения
39	Рогачев Алексей Михайлович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Города Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.	13.12.2005	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Сурков Н.И.	Ухтинский гос. технический университет, кафедра истории и культуры

№ п/п	ФИО аспиранта (соискателя)	Название диссертации	Дата защиты	Научный руководитель	Оппоненты	Ведущее учреждение
40	Якоб Виктор Валентинович (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Коми крестьянство в 1920–1930-е гг.	13.12.2005	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Золотарев О.В.; канд. ист. наук Максимова Л.А.	ИЯЛИ Карельского научного центра РАН, отдел истории
41	Чемоданов Игорь Владиславович (аспирант, каф. истории России ВятГУ)	Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.)	24.01.2006	Д-р ист. наук Загвоздкин Г.Г.	Д-р ист. наук Золотарев О.В.; канд. ист. наук Бондаренко О.Е.	ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, отдел отеч. истории
42	Левкова Марина Владимировна (аспирант, каф. отеч. истории ВолГПУ)	Социальный протест колхозного крестьянства Европейского Севера России в 1930-х – первой половине 1940-х гг.	24.01.2006	Д-р ист. наук Безнин М.А.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Милохин Д.В.	Сыктывкарский гос. университет, кафедра отечественной истории
43	Иванов Федор Николаевич (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера	05.06.2006	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Милохин Д.В.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
44	Есеева Ольга Владимировна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVIII – начале XX века.	05.06.2006	Д. филос. н. Терехин Н.М.; канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Шалапин С.О.	Череповецкий гос. университет, каф. истории
45	Носова Татьяна Александровна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Православные братства Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века	30.06.2006	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Сурков Н.И.	Ухтинский гос. технический университет, каф. истории и культуры
46	Пилипенко Вера Анатольевна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Становление и развитие здравоохранения в Коми АССР в 1920–1930-х годах	30.06.2006	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Саблин В.А.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
47	Моисеева Ирина Юрьевна (соискатель, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)	Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР)	19.09.2006	Канд. ист. наук Сметанин А.Ф.	Д-р ист. наук Коротаев В.И.; канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории
48	Остапов Николай Вениаминович (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Становление преподавания всемирной истории в университетах России: научно-педагогические взгляды и деятельность М.Н. Петрова (1850–1880 годы)	19.12.2006	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Саблин В.А.	Ухтинский гос. технический университет, каф. истории и культуры
49	Шорина Елена Николаевна (соискатель, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Колхозная деревня Европейского Севера России в 60–80-е годы XX века	29.05.2007	Д-р ист. наук Денисова Л.Н.	Д-р ист. наук Бакулин В.И.; канд. ист. наук Хорунжая Т.М.	Сыктывкарский лесной ин-т, каф. гуманитарных и социальных дисциплин
50	Еремина Елена Викторовна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Социально-политические воззрения крестьянства северной деревни в 20-е годы XX века	29.05.2007	Канд. ист. наук Доброноженко Г.Ф.	Д-р ист. наук Попов А.А.; канд. ист. наук Котылева И.Н.	Вятский гос. гуманитарный университет, каф. отечественной истории
51	Бандура Светлана Владимировна (соискатель, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Интеллигенция в Коми крае в XIX – начале XX века	29.05.2007	Д-р ист. наук Мацук М.А.	Д-р ист. наук Гагиева А.К.; канд. ист. наук Бондаренко О.Е.	Ухтинский гос. технический университет, каф. истории и культуры
52	Лейман Ирина Игоревна (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.	31.05.2007	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Мацук М.А.; канд. ист. наук Сурков Н.И.	ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, отдел истории
53	Бубличенко Владимир Николаевич (аспирант, каф. отеч. истории СыктГУ)	Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.)	31.05.2007	Канд. ист. наук Котов П.П.	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.; канд. ист. наук Саблин В.А.	Вятский гос. гуманитарный университет, каф. истории и краеведения
54	Поляков Алексей Геннадий (аспирант, каф. отеч. истории ВятГУ)	Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии)	31.05.2007	Д-р ист. наук Бакулин В.И.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Худяев В.Н.	Глазовский гос. пед. ин-т, кафедра отечественной истории
55	Казаконцев Сергей Владимирович (аспирант, каф. истории России ВятГУ)	Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны	13.11.2007	Д-р ист. наук Загвоздкин Г.Г.	Д-р ист. наук Чупров В.И.; канд. ист. наук Бондаренко О.Е.	Вятский гос. гуманитарный университет, каф. отечественной истории
56	Вишнякова Дарья Викторовна (аспирант, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)	Этнодемографическое развитие Коми края в XIX – начале XX вв.	13.11.2007	Д-р ист. наук Жеребцов И.Л.	Д-р ист. наук Камкин А.В.; канд. ист. наук Пинаевский Д.И.	Коми гос. пед. ин-т, каф. истории и экономической теории

Показатели защищенных трудов в диссертационном совете в Сыктывкарском университете по научным и образовательным учреждениям в 1996–2007 гг. [8; 9]

Годы	Защит всего	Защит в СыктГУ		Защит в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН		Защит в ВятГУ		Защит в ВолГУ и ВятГУ	
		абс.	% от всех	абс.	% от всех	абс.	% от всех	абс.	% от всех
1996	2	1	50,0	1	50,0	0	0	0	0
1997	2	0	0	2	100,0	0	0	0	0
1998	3	2	66,7	1	33,3	0	0	0	0
1999	3	1	33,3	2	66,7	0	0	0	0
2000	6	4	66,7	2	33,3	0	0	0	0
2001	5	3	60,0	2	40,0	0	0	0	0
2002	3	2	66,7	0	0	1	33,3	0	0
2003	1	0	0	0	0	1	100,0	0	0
2004	4	1	25,0	2	50,0	1	25,0	0	0
2005	11	5	45,5	3	27,3	2	18,2	1	9,0
2006	8	5	62,5	1	12,5	0	0	2	25,0
2007	8	3	37,5	3	37,5	1	12,5	1	12,5
Итого	56	27	48,2	19	33,9	6	10,7	4	7,1

За весь период деятельности диссертационного совета в СыктГУ немногим менее половины защищенных диссертаций – 27 или 48,2 % – были подготовлены в университете. Из них 25 диссертаций, т. е. абсолютное большинство, были созданы на кафедре отечественной истории (зав. кафедрой Л.П. Рошевская, с 1998 года – П.П. Котов). Существенную долю защищенных работ – 19 или 33,9 % – составили исследования аспирантов и соискателей отдела истории ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. В рассматриваемое время лишь по два раза представители университетской (1997, 2003 гг.) и академической науки г. Сыктывкара (2002, 2003 гг.) не защищали в совете диссертации (см. табл. 1, 2).

Начиная с 2002 года в совете стали проходить защиты аспирантов из других регионов страны (состоялось 10 таких защит). Наибольшую активность проявляли вузы г. Кирова. В результате в совете в СыктГУ защитили диссертации шесть представителей кафедры отечественной истории Вятского гуманитарного университета и трое – кафедры истории России Вятского государственного университета. В 2006 году в совете состоялось рассмотрение диссертации аспиранта кафедры отечественной истории Вологодского педагогического университета М.В. Левковой, подготовленной под руководством д-ра ист. наук М.А. Безнина (см. табл. 1, 2).

Почти все ученые, входившие в состав диссертационного совета в СыктГУ, были научными руководителями аспирантов и соискателей. Более пяти раз в этом качестве выступили Котов П.П., Рошевская Л.П. и Сметанин А.Ф. Кроме них, В.И. Бакулин шесть раз становился научным руководителем для иногородних аспирантов и Г.Г. Загвоздкин (28.01.1947–30.06.2007) – в трех случаях (см. табл. 1, 2).

Как упоминалось, первой из защищенных в диссертационном совете в СыктГУ стала аспирантка кафедры отечественной истории университета Е.М. Кравцова, подготовившая под руководством Л.П. Рошевской диссертацию по истории музеев Европейского Севера во второй половине XIX – 20-е гг. XX в. Но более оживленную дискуссию вызвала представленная на защиту в тот же день 28 мая 1996 г. диссертация аспиранта ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН М.В. Таскаева «Антибольшевистское движение в Ко-

ми крае (1917–1925 гг.)», подготовленная под руководством В.И. Чупрова.

13 ноября 2007 г. венчали 12-летнюю деятельность диссертационного совета в СыктГУ также две защиты. Вначале аспирант Вятского университета С.В. Казаковцев представил труд (научный руководитель Г.Г. Загвоздкин), в котором анализировалось состояние Вятской губернии в годы Первой мировой войны. Завершила историю совета защита диссертации аспиранта ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН Д.В. Вишняковой «Этнодемографическое развитие Коми края в XIX – начале XX вв.», подготовленной под научным руководством И.Л. Жеребцова (см. табл. 1).

Вновь обратимся к табл. 1. Ее данные наглядно иллюстрируют, что основная часть – 35 исследований, защищенных аспирантами и соискателями в 1996–2007 годах в диссертационном совете в СыктГУ, – охватывала советский и современный периоды истории страны, начиная с Гражданской войны и завершая началом XXI в. В 15 трудах молодые исследователи проанализировали проблемы истории России досоветского периода и в шести – период второй половины XIX – первой половины XX в. (иногда с вариациями по хронологическим отрезкам). При этом диссертации, подготовленные в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, охватывали в основном советскую эпоху и современность. Только в диссертациях С.В. Бандуры и Д.В. Вишняковой анализировались проблемы истории досоветского периода Коми края и еще двое – Н.А. Юшкова и А.В. Макеев – посвятили свои труды исследованию истории второй половины XIX–XX векам. Подобное характеризовало и труды, представленные в совет из вузов города Кирова. Иное наблюдалось в исследованиях, написанных под руководством преподавателей СыктГУ, в которых, по сути, сохранялся паритет между досоветским и советским периодами.

Тематически среди защищенных в диссертационном совете в СыктГУ заметная доля приходилась на исследования по аграрной истории и истории крестьянства. К ним относились диссертации А.С. Савельева, Д.В. Милохина, В.В. Якоба (30.11.1975–30.06.2013), И.В. Чемоданова, М.В. Левковой, Н.Н. Шориной и Е.В. Ереминой. Немало исследований, охватывающих разные периоды истории, посвящались анализу ста-

новления и развития экономической, культурной и других сфер жизни населения Севера и Вятского края. Так, были защищены диссертации по истории: музеев – Е.М. Кравцова; государственных, судебных и правоохранительных органов – М.Е. Наймушин, Н.А. Нестерова, А.Г. Балыбердин и А.Г. Поляков; международного сотрудничества – С.Г. Максимов; профессиональных союзов – Е.В. Ольшевская; библиотечного дела – А.А. Бровина и И.В. Рочева; лесного хозяйства – Н.А. Юшкова; архивного дела – Э.Г. Чупрова; выставочного дела – А.В. Макеев; промышленности – П.В. Поздеев; культуры – М.А. Борчина, И.Н. Котылева и С.В. Бандура; здравоохранения – В.А. Пилипенко; научно-педагогической деятельности – И.Е. Лыскова и Н.В. Остапов; ярмарок и торговли – Е.В. Шабашова и И.И. Лейман (см. табл. 1).

Конечно, важнейшей проблематикой для аспирантов оставалась история Великой Отечественной войны, различные стороны которой изучались в диссертациях Е.Н. Боле и И.Ю. Моисеевой. Естественно, что соискатели ученой степени не могли обойти и другую важнейшую проблему для нашей страны – историю репрессий и ГУЛАГа, сюжеты о которых анализировали в своих трудах А.Н. Кустышев, А.В. Семенов, О.И. Азаров, М.Б. Рогачев и В.Н. Бубличенко. Впрочем, еще больше исследований было защищено по различным аспектам военной истории (рекрутчине, Гражданской войне, военкоматам, мобилизации и другим проблемам), которые были в центре внимания М.В. Таскаева, С.А. Гладких, И.И. Ластунова, С.И. Козловского, В.Н. Копытина, Ф.Н. Иванова и С.В. Казаковцева (см. табл. 1).

Отметим, что защитившиеся в диссертационном совете в СыктГУ молодые ученые не обошли вниманием и ряд других актуальных проблем отечественной истории. Например, история социального призрения в царской России нашла основательное изложение в диссертациях Г.Д. Курмановой и Л.В. Хотемовой; роль церкви и монастырей в жизни населения Севера – в диссертациях О.В. Евсеевой и Т.А. Носовой; динамика народонаселения на Севере во второй половине XIX – начале XX вв. – в диссертации Д.И. Пинаевского; история уездных городов Севера – А.М. Рогачева. Напомним, что несколько трудов было защищено по этнографической тематике (см. табл. 1).

Важную помощь и поддержку в работе диссертационного совета в СыктГУ оказывали учреждения, которые на защитах выступали ведущими организациями: на первых двух защитах 28 мая 1996 года таковыми оказались Российский институт культурологии (сектор музееведения) и Коми педагогический институт (кафедра истории и экономической теории). Роль последнего необходимо выделить особо. В 1996–2007 годах он восемь раз являлся ведущей организацией. Существенное значение для деятельности совета имели Ухтинский государственный технический университет (кафедра истории и культуры), который шесть раз выступал в качестве ведущей организации. Вятский государственный гуманитарный университет (кафедра отечественной истории и кафедры истории и краеведения) подготовил пять заключений ведущей организации; Сыктывкарский лесной институт (кафедра гуманитарных дисциплин)

и ИЯЛИ Карельского НЦ РАН (сектор истории) составили по четыре заключения; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Вятский государственный университет (кафедра истории России), Вологодский педагогический университет (кафедра отечественной истории) и Поморский университет (кафедра отечественной истории) – по три раза возлагали на себя экспертизы. В разные годы ведущими организациями на защитах в диссертационном совете в СыктГУ выступали: Сыктывкарский университет (кафедра отечественной истории), Российская национальная библиотека (сектор редких книг и книговедения и отдел истории библиотечного дела), Санкт-Петербургский военно-морской институт (кафедра истории военно-морского искусства), Марийский университет (кафедра региональной истории), Российский университет нефти и газа им. И.М. Губкина (кафедра политической истории Отечества), Социально-технологический институт Московского университета сервиса (кафедра теории и методики социальной работы), Санкт-Петербургский университет культуры и искусств (кафедра отечественной истории), Ивановский университет (кафедра истории и культуры России), Пермский университет (кафедра новейшей истории России и кафедра общей отечественной истории), Военный университет МО РФ (кафедра истории), Архив РАН (отдел документальной информации), Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (отдел отечественной истории XX в.) и Череповецкий университет (кафедра истории). Всего в 1996–2007 гг. ведущими организациями в диссертационном совете в СыктГУ являлись 23 научных и научно-образовательных учреждения (см. табл. 1).

Как видим, ведущими организациями на защитах диссертаций в совете являлись центральные и местные учреждения, которые представляли как вузовскую, так и академическую науку. Во всех случаях учитывались научные достижения соответствующих организаций по тематике диссертационных исследований, что обеспечивало качественную экспертизу выносимых на защиту работ. Отзывы ведущих учреждений всегда были профессионально взвешенными, содержали объективную оценку, давали дополнительную возможность аспирантам и соискателям показать свою состоятельность и простор для дискуссий во время защиты диссертаций.

Оценка защищаемых в совете исследований подкреплялась отзывами официальных оппонентов. Первыми из них в совете стали: по диссертации Е.М. Кравцовой – д-р ист. наук А.В. Камкин и канд. ист. наук Л.А. Жданов, по работе М.В. Таскаева – д-р ист. наук В.И. Голдин и канд. ист. наук Ю.М. Рапопорт. Изначально было принято решение, что одним из оппонентов должен обязательно выступать кто-либо из членов диссовета. В связи с этим понятно, что наиболее часто оппонентами и являлись члены совета. За период с 1996 по 2007 годы д-р ист. наук А.А. Попов таковым выступил девять раз, доктора наук И.Л. Жеребцов, М.А. Мацук и В.И. Чупров – по восемь раз, кандидаты наук А.В. Ненахов, Н.И. Сурков и Т.М. Хорунжая – по пять раз. Среди «сторонних» оппонентов (некоторые неоднократно) были представители Поморского университета (д-р ист.

наук В.И. Голдин и д-р ист. наук В.И. Коротаев), Пермского университета (д-р ист. наук Г.Н. Чагин), Вологодского педагогического университета (д-р ист. наук М.А. Безнин, д-р ист. наук В.Б. Конасов и канд. ист. наук В.А. Саблин), Коми пединститута (д-р ист. наук О.В. Золотарев, канд. ист. наук В.И. Сурков и канд. ист. наук И.Е. Фадеева), ИЯЛИ Удмуртского НЦ УрО РАН (д-р ист. наук К.И. Куликов) и других учебных и академических учреждений. Отметим и достаточно уникальные случаи, когда официальными оппонентами выступали не так давно защитившие свои труды в диссертационном совете в СыктГУ молодые исследователи. Так, четырежды становился оппонентом Д.В. Милохин, который сам защитил диссертацию в январе 2000 года. Защитившие в тот же год свои работы Д.И. Пинаевский, С.А. Гладких и А.Н. Кустышев также оппонировали более молодым коллегам. Всего в диссертационном совете в СыктГУ официальными оппонентами являлись 43 ученых (см. табл. 1).

Как и в отношении выбора ведущих организаций, при определении оппонентов совет учитывал их научные достижения и возможности квалифицированной оценки выносимых на защиты диссертаций. Их отзывы нередко представляли из себя своеобразные научные исследования, содержали не только критические замечания, но и позитивные итоги диссертаций, а их авторов нацеливали на продолжение дальнейшей научной деятельности.

За время работы совета не было ни одного случая возвращения из Высшей аттестационной комиссии документов соискателей ученой степени в связи с неправильным или несвоевременным их оформлением. В этом была немалая заслуга технических секретарей, ведь состоялось более 100 заседаний диссертационного совета в СыктГУ. Особо необходимо отметить первого из технических секретарей – А.А. Бровину, совместно с которой «путем проб и ошибок» и была отработана система оформления личных дел, различных бланков, карточек и других материалов. Затем техническими секретарями были И.В. Рочева и Ф.Н. Иванов. Нередко с ними приходилось оформлять документы во внерабочее время, включая субботние и воскресные дни. Замечу, что на отдельные заседания в качестве технических секретарей приглашались Т.А. Носова, А.М. Рогачев, Э.Г. Чупрова, О.А. Мали-

нина [2; 7; 9]. За исключением последней все остальные технические секретари в течение времени и сами защитились в диссертационном совете в СыктГУ, при этом А.А. Бровина стала уже доктором наук.

Таким образом, диссертационный совет в Сыктывкарском университете прошел этап становления и уже с 2000 года действовал достаточно эффективно. Благодаря деятельности совета была активирована работа по изучению актуальных проблем региональной истории и подготовке качественных диссертаций. Все решения совета были утверждены Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Совет приобрел большой опыт по организации качественных защит (включая разовые), его состав изменялся незначительно, сформировалась система взаимодействия с руководством университета, было отлажено финансирование. К сожалению, деятельность совета была прекращена по окончании 2007 года.

Литература

1. Приказы ВАК РФ // Текущий архив диссертационного совета К 212.257.01 при Сыктывкарском государственном университете.
2. Котов, П. П. Роль Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в деятельности диссертационного совета в Сыктывкарском государственном университете в 1996–2007 гг. / П. П. Котов // Наука в региональном пространстве современной России и зарубежья : сборник научных статей / ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2019. – С. 110–115.
3. Котов, П. П. О работе Диссертационного Совета в Сыктывкарском государственном университете в 1995 – начале 1998 гг. / П. П. Котов // Вестник СыктГУ. Серия 8. – 1999. – Вып.3. – С. 198–199.
4. Молодежь Севера. – 1996. – 14 марта.
5. Вечерний Сыктывкар. – 1996 – 15 марта.
6. Красное Знамя. – 1996. – 19 марта.
7. Котов, П. П. 12 лет работы Диссертационного совета при СыктГУ / П. П. Котов // Вестник СыктГУ. Серия 8. – 2007. – Вып. 5. – С. 158–169.
8. Текущий архив Диссертационного совета в Сыктывкарском государственном университете. Личные дела аспирантов за 1996–2007 гг.
9. Текущий архив Диссертационного совета в Сыктывкарском государственном университете. Протоколы Диссертационного совета К 064.81.01 (с 2001 г. – К 212.257.01).

P.P. Kotov

DISSERTATION COUNCIL ON NATIONAL HISTORY AT SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY IN 1996–2007

The paper uses a large number of original unpublished sources, on the basis of which the activities of the Dissertation Council on National History at Syktyvkar State University throughout the entire period of its existence are analyzed. The primary focus is on the activity of the council members, the topics of dissertations, the role of scientific advisers, opponents and leading organizations, the work of technical staff and other aspects.

Dissertation Council, dissertations, graduate students, scientific advisers, opponents, leading organization.

ПАМЯТИ
ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ НАКЛЕЙЩИКОВОЙ
13 мая 1951 – 14 марта 2021

П.А. Богатина
главный бухгалтер ООО «Устюггазсервис»

Любовь, восхищение и благодарность – вот то, что я чувствую! Но и, конечно, острую боль от потери Друга и Учителя...

Лет 8 назад мне очень повезло познакомиться и начать заниматься у Людмилы Михайловны итальянским языком. И я сразу полюбила своего невероятно педагога, невероятно по энергии и силе, невероятно по красоте души!

Это огромное счастье, что помимо занятий мы чудесно проводили время вместе, ходили на кинофестивали на итальянском языке, на фильмы на английском, например на Шекспира или Метрополитен Опера.

Мы много гуляли, ходили на выставки и концерты, в кафе... И говорили, часами говорили на разные темы, философские, глубокие, а иногда и не очень, делились впечатлениями от книг, фильмов, вкусной

еды, поездок, от погружения в культуру других стран. Помню, вернулась из очередной поездки в Грецию и похвасталась Людмиле Михайловне набором слов вежливости, которые успела там «схватить», после чего получила от нее в подарок целый урок о любимом греческом, который она учила «для себя», и о его невероятном влиянии на русские и другие языки. Мы редко ограничивались только итальянским, частенько Людмила Михайловна проводила параллели с латынью, голландским, французским, английским... А юмор! Какое же потрясающее было чувство юмора у нее! И как это было приятно – вместе хотеть на занятиях и в гостях! Сколько же радости от общения и познания я испытала! Благодарность моя не имеет границ! Любимая Людмила Михайловна, Вы навсегда в моем сердце!

О.В. Бурчевская
журналист газеты «Красный Север», Вологда

Помните, Катерина в «Москва слезам не верит» с ужасом думала: что было бы, если в тот судьбоносный вечер она осталась ночевать у Тоси или села на другую электричку? Ведь тогда бы она не встретила своего Гошу! Вот и я так же вздрагивала не раз: если бы в далеком 1986 году судьба занесла меня не на иняз (а на филфак или физвос – сомнения были), то мы могли бы (о ужас!) не познакомиться с ней – Людмилой Михайловной Наклейщиковой.

Нашу 13а группу она сразу взяла в ежовые рукавицы. Была строгой, требовательной, в какие-то моменты даже жесткой – по первости это пугало (тут уже впору вспомнить Женю Лукашина: «Вы мне поначалу ужасно не понравились!»). Но как-то быстро мы «притерлись», а со временем и сдружились: сломя голову неслись к ней на пары, с охоткой штудировали любимый английский – вместе нам было радостно и хорошо. За глаза мы звали ее Люсей – без капли фамильярности, любя. Она об этом знала и даже, было дело, предложила к ней так обращаться (вне занятий). Но язык у нас не повернулся – слишком велик был ее авторитет.

В советские годы, когда «железный занавес» был еще плотно закрыт, «носителей языка» мы и в глаза не видели. Аутентичная английская речь звучала только в песнях бессмертных «The Beatles» и модной в то время группы «Modern Talking». Их-то мы и переводили вечерами в уютной Люсиной однокомнатной квартире. Это сейчас достаточно вбить название в поисковик – тут же выскочат и ноты, и слова. Тогда же, устроившись на полу вокруг выдавшего виды магнитофона, мы по сто раз мотали пленку туда-сюда, чтобы разобрать на слух отдельные словечки и фразы. Потом записывали их, учили и гордо пели на переманках: «Michelle, mabelle...». Такие посиделки случались нередко. А 13 мая, обнаглев, мы завалились к Люсе всей группой – поздравить ее с днем рождения. Гости тогда покорно встали и ушли, освободив студентам праздничный стол – видимо, такое им было не в новинку.

На втором курсе, помнится, наше здание иняза закрыли на ремонт, а нас перевели в соседнее на проспекте Победы (там, где филфак, истфак, ест-гео). Мы, «иностранны», учились во вторую смену (с 12, с 13–50), столовка, бывало, уже не работала, и обед в большую перемену превращался, как сказали бы сейчас, в настоящий квест. За 40 минут нам нужно было сбежать вниз, выстоять очередь в гардеробе, одеться, примчаться в центр города, найти точку общепита, выстоять еще одну очередь, перекусить, а затем проделать все это в обратной последовательности. При этом кафешек на каждом углу тогда и в помине не было. В лучшем случае в «тошниловках» можно было

«закинуться» слипшимися рожками с хлебной котлетой, а в худшем – стоя перекусить «язвочками и пойлом». Для непосвященных: это жареные в масле пирожки, их еще называли «гаечки» (по ощущениям в желудке), и мутная жижа, именуемая «кофейным напитком». Понятно, что 40 минут на обед не хватало. «Ну что, опоздаем на пару?!» – на правах преподавателя вопрошала Люся. «Опоздаем!» – радостно вопили мы в ответ... Все это знаний не отменяло – мы и в столовках общались по-английски. А еще устраивали «дни без русского языка». Помню удивленные взгляды в автобусе, когда продираясь к выходу сквозь толпу, мы просили других пассажиров: «Please, let me pass»...

Нам было по 19, а ей 37, но вчерашним школьникам она не уступала – по задору, энергии, оптимизму и какой-то юной бесшабашности. Вечерами мы вместе катались на великах, штурмовали лошадь Батюшкова (каюсь!) и всякие «малые архитектурные формы». «А поехали к моей подруге в Сокол чай пить», – как-то предложила она. «А поехали!» И мы истоиво крутили педали обычных дорожных великов (40 с лишним км в одну сторону) по сумеречной трассе в брызгах КамАЗов. «Ой, а велосипеды-то вы на чем привезли? На поезде, автобусе, машине?» – собирая на стол, не могла взять в толк ее подруга... Тогда, помнится, мы вернулись в Вологду в 4 утра – дома меня ждала хорошая взбучка.

Не забыть и поездку в Дикую – на дачу к ее брату Андрею (30 км в одну сторону). Майское солнышко вовсю припекало, и мы, скинув лишнее, рулили в купальниках – загорали (дорожных маньяков в СССР не было). Мы пересекали по трассе втроем (я замыкала эту маленькую колонну), а проезжавшие мимо водители громко сигналили, махали руками, смеялись. Причем, адресуя все именно мне. И это было очень странно. Первой и главной всегда и везде у нас была она, Люся. Веселая, изящная, обаятельная, эрудированная, интеллигентная, она невольно привлекала всеобщее внимание. И это было так естественно – о каком-то соперничестве не могло быть и речи (я только что не записывала за ней все подряд, как Левий Матвей за Иешуа). А тут мне – и улыбки до ушей, и одобрительные жесты. Нет, что-то не так, беспокоилась я, и не зря.

Разгадка нашлась быстро. Зайдя мне в тыл, Люся принялась в голос хохотать. И меня осенило: еще пару дней назад я валялась дома с простудой, а матушка лечила меня банками. В то время это была популярная экзекуция, которой боялись все дети (и не только). Длинную палку с бинтом макали в спирт, поджигали, прогревали ею банки, которые, впиваясь в спину, оставляли на ней жуткие сине-красные пятна.

*Слева направо, сверху: Тема Рыжаков, Оля Бурчевская, Оля Дайн, Лена Симанович, Вика Протасова, Оля Балуевская.
Внизу: Людмила Михайловна Наклейщикова, Наташа Ивашкина, Таня Зайцева, Маша Львовская*

Такие, вместе с бретельками от купальника, красовались, как выяснилось, и на моей спине (как я могла позабыть?!), вызывая бурный смех участников дорожного движения. Хохотали и мы тогда, помнится, долго – до слез, до упаду, до колик в животиках. От загара пришлось отказаться в пользу рубашки...

Купальный сезон по традиции мы открывали в начале мая – когда в реке еще плавали льдинки. Однажды под Молочным, взбодрившись в ледяной воде, Люся гуляла по лужайке, плела веноч из одуванчиков, любовалась первыми бабочками. А я, уткнувшись в тетрадку, зубрила: назавтра был назначен зачет по фонетике (у нее – Люси). «Ой, надоело учить», – спустя какое-то время заныла я (чужая на этом празднике жизни). И предложила в шутку: «А может, по дружбе Вы мне так зачет поставите, автоматом?» «Учи-учи, – засмеялась она. – С тебя спрос особый, двойной – никаких поблажек».

Она была принципиальна, но, вместе с тем, с ней было легко и комфортно – будто не было разницы в возрасте, статусе и прочих вещах. Когда я одевалась не по погоде, она выдавала мне свою куртку. Когда засиживалась допоздна – уступала мне половину дивана. А когда мне было плохо, у нее находились слова сочувствия и поддержки. Помню, на пятом курсе, когда впервые на экзамене по английскому мне поставили «4» (а не «5»!) с формулировкой «за небрежность речи», я побежала к ней плакаться на «вселенскую несправедливость». И она мою обиду разделила. А вот на свои трудности Люся никогда не жаловалась. Даже со сломанным пальцем она каждый день старательно хромала на занятия в босоножках не по сезону – в другую обувь с распухшей ногой ей было не

влезть. Идти к врачу она и не собиралась – некогда. Да что к врачу – она жалела даже времени на сон. Говорила, что за эти пять-шесть часов, потерянных впустую, можно столько всего сделать и узнать!

То же самое касалось и еды: проголодавшись, мы варили макароны (чаще «с таким») – других продуктов в стране Советов не было. Точнее, их можно было «достать по благу» или биться за ними в длинную очередь. Но мы не желали тратить на это жизнь – пустые макароны нас вполне устраивали. Столь же непритворной в еде, насколько я знаю, Люся была и потом, когда полки супермаркетов ломились от товаров. После занятий она заходила в кафешку («Зачем я буду дома жарить-парить?»), а как-то я встретила ее в магазине покупающей... вареную свеклу. «Уж очень тут овощи вкусные варят», – на мой удивленный взгляд засмеялась она.

Увы, после вуза мы потерялись (заботы, невзгоды, проблемы), хотя и жили в одном городе. Людская молва доносила, что Люся в порядке: преподает, путешествует, учит новые языки (она даже вьетнамцев учила, когда те в большом количестве приехали в Вологду на работу). А когда мы случайно встретились спустя много лет, я радостно кинулась ей на шею: «Людмила Михайловна, Вы нисколько не изменились!» «Ладно-ладно», – смеялась она и рассказывала о своих студентах: кто женился, кто работает в школе, а у кого сын ушел в армию. Она всех помнила – по имени и в лицо. «Ой, опять я Вас не поздравила с днем рождения, хотя знаю – он 13 мая!» – причитала я при очередной встрече. Она улыбалась в ответ: «И я твой знаю – 10 мая, но тоже не поздравила. Но мы ведь посылали друг другу импульсы и их чувствовали!» И что удиви-

тельно, мы их действительно посылали. И что еще удивительней, мы их действительно чувствовали!

После филологического факультета привыкнуть к учебе на факультете иностранных языков мне было трудно. На филфаке читаешь постоянно, при этом – как бы ты ни старался – всегда остается то, что очень бы хотелось прочитать, но в сутках всего 24 часа. На инязы же домашнее задание воспринималось как символическое. Кому-то требовались минуты. Я в школе учила немецкий язык, за английский взялась за три месяца до вступительных экзаменов, поэтому учить приходилось все. При этом волновалась, как разные аспекты преподавания (фонетика, грамматика, учебник) сложатся в реальное владение языком. Встреча с Учителем расставила все по своим местам.

Чтение и обсуждение для Людмилы Михайловны Наклейщиковой было потребностью. Она читала много – на разных языках. У нее были друзья по всему миру, и лучшим подарком для нее всегда были книги. В иностранном отделе Областной библиотеки, где она была завсегдатаем, новые книги, журналы, газеты, кассеты шли прямо ей в руки. Она хорошо знала русскую и мировую классику и недоуменно смотрела, когда ты не был в курсе качественных новинок.

В Практике устной и письменной речи я особенно любила подраздел Home Reading (сейчас домашнее чтение уходит, и мне очень жаль): группа выбирает книгу, каждый читает за неделю 30–60 страниц, и на занятии вы обсуждаете прочитанное. В этом подразделе был еще один – Individual Reading: ты сам выбираешь книгу (страниц 500 в семестр), а потом рассказываешь о прочитанном, отвечаешь выученные 500 слов, оказавшихся новыми для тебя. Сразу стало понятно, что чем больше читаешь, чем больше слов учишь, тем увереннее растет твой английский, и читала я много разного: от Библии (параллельный перевод Нового Завета на русский и английский получила

Дорогая Людмила Михайловна, я Вас люблю! И Вы прекрасно это знаете. Такой, как Вы, больше нет и будет! Вместе с Вами ушла и частичка меня (их все меньше, этих частичек). Уже нет смысла «пилить опилки», ругать бешеный жизненный ритм и сожалеть об упущенном – поздно... Надеюсь, в следующей жизни нам не придется крутиться, как белка в колесе, чтобы заработать на кусок хлеба (ремонт зуба, новые ботинки). Там, в райских кушах, думаю, все будет иначе: тихо, размеренно, благостно. Вы будете сидеть среди цветов в окружении любящих и любимых студентов – в их число надеюсь попасть и я. Вместе мы будем совершенствовать английский язык, учить французский, голландский, итальянский и немножечко греческий. И снова петь бессмертные песни «The Beatles»...

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

в подарок) до англоязычных стихотворений Набокова, которые заучивала наизусть. Художественную литературу читала, не считая страниц. Как и на русском, это стало необходимостью, правда, сначала слова приходилось учить списками, но постепенно шквал новых слов спадал.

Людмила Наклейщикова в 6 классе

Людмила Михайловна стала проводником и к непосредственному общению на английском. В Вологде она помогала, казалось, всем: миссионерам (переводами их выступлений и заботой), бизнесменам (к ним в фирмы отправлялись работать лучшие знатоки языков), деятелям культуры и искусства (кто лучше нее мог кропотливо переводить каталог картин, где каждое название требует раздумий), врачам (вместе со своими учениками переводила их выступления на

конференциях) и – усыновляющим сирот, вынужденным решать дела через суд, обращаться за помощью к нотариусу. Она была настолько во всем органична, что только, когда ты начинал что-то делать сам, понимал, как это трудно, а иногда и вовсе невозможно. Последовательный и синхронный переводы были для нее естественными. Письменные – откладывала на время, чтобы отлежались, – перечитывала спустя день-два. Талантливых учеников она всегда поддерживала и в итоге уступала им место, радуясь успехам.

Л. Наклейщикова в институте

Преподаванию, переводу, общению, чтению Людмила Михайловна посвящала все свое время. Она была хорошей хозяйкой, но предпочитала не тратить драгоценное время – купить готовое. Общение ценила. Если ты испытывал неловкость, понимая, что нарушаешь ее предельно плотный график работы, давала понять, что ей отдых тоже необходим, а потому – «Давайте обсудим»...

Благодаря ей я начала переписку с друзьями, влияние которых стало определяющим на всю жизнь. Она являлась воплощением принципа, что нет ничего невозможного – было бы желание. С ней ты воочию видел, насколько тесен мир: на самолете, летящем в Штаты, ее обнимали те, кому она когда-то помогла. В районе Лыкокомбината вьетнамцы за несколько десятков метров широко улыбались, распахивая объятия: «Учительница!» («ч» и «ц» звучали не совсем чисто, и она потом объясняла, что фонетика сложна для них). С ней здоровались на тропинках в Парке Мира и в Кириках. Прямо из реки или пруда приветствовали купающиеся.

И... да, она открывала для тебя не только свой дом, но и родных, друзей. Мама Роза Ивановна и Николай Нилович непременно хотели усадить за гостеприимный стол; показать их всегда цветущие цветы (это у них семейное). Брат Андрей с супругой Раисой стали своими. Когда спрашиваешь о любимых племянниках Михаиле и Александре, Андрей показывает фото уже шести внуков.

К англичанке Джейн Поуви, у которой Людмила Михайловна училась в Питере, она непременно захо-

дила с поддержкой, привозила в Вологду ее книги (тогда только начинали издавать написанное носителями языка).

Людмила Михайловна любила путешествовать

Ханс Боланд, нидерландский славист, переводчик, писатель и замечательный человек, преподавал родной язык в Вологде – отсюда любовь к этому языку Людмилы Михайловны. Родители Ханса пригласили ее в гости в Нидерланды и сделали все, чтобы она, преподававшая Лингвострановедение и внушавшая всем ученикам вполне английские трепет и благоговение, наконец увидела Великобританию. В США, Италии и других странах она к тому времени уже побывала.

А в Вологде тем временем проникались Нидерландами. Любовь Николаевна Солодухина, руководитель Вологодской книжной палаты, бывшая заведующая иностранным отделом ВОУНБ, рассказала: «С Хансом Боландом я заочно познакомилась через Людмилу Михайловну, как и по-настоящему с Нидерландами, с языком и обычаями. Через нее мы узнавали о его успехах в литературе и переводах. Через нее же профессор передал курсам голландского, которые мы с Л. Наклейщиковой впервые организовали в начале 2000-х в иностранном отделе Областной библиотеки, свой учебник нидерландского и литературу для чтения на языке. Не забуду, как мотивировала нас Людмила Михайловна к изучению языка: приводя в

Летняя школа в Оксфорде летом 1996 г.

пример папу Ханса Бена Боланда, который взялся за изучение нового для себя языка, кажется, шведского, когда ему было далеко за 80 лет. Она всегда могла найти нужные слова, мотивы, вдохнуть жизнь и поддержать в любом деле.

приобретенную и прочитанную книгу неслла в дар библиотеке. По числу книжных даров с ней не мог сравниться, наверное, никто. А ее любознательность, дружелюбие, чувство юмора... Всегда с улыбкой, всегда в поиске, вечно юная...»

Сертификат Оксфорда и Британского Совета о Летней школе

Сколько книг в фонд иностранного отдела библиотеки передала Людмила Михайловна! Зная то, что оригинальной литературы на языках всегда не хватало (Вологда переживала тогда настоящий бум изучения иностранных языков), она практически каждую

В последние годы преподавания, когда открывались колоссальные информационные ресурсы, мне казалось, Людмила Михайловна все чаще внутренне недоумевала. Как всегда, были ребята, жаждущие знаний, но были и те, кто хотел хороших оценок, не желая понять, что знание языка дается кропотливым ежедневным трудом. Меня поразил вопиющий случай, когда молодой человек приехал разбираться к ней домой – требовать «удовлетворительно». На лестничную площадку обеспокоенно выглянула соседка – удостовериться, не нужна ли полиция. Деканат тогда поддержать преподавателя не захотел. И – на этом фоне – удивительным для меня было ее отклонение приглашения перейти на работу в фирму. Потенциального работодателя восхищали ее ответственность и надежность, работоспособность и скромность; ничуть не смущал предпенсионный возраст. Осознавая мизерность приближающейся пенсии, Людмила Михайловна отказалась, понимая, что больше пользы принесет, передавая знания, умения, опыт будущим учителям и переводчикам.

Бесконечная благодарность Учителю! Светлая память!

А.В. Преображенский
зав. кафедрой английской филологии ВГПУ 1993–2003
Т.Е. Преображенская
Л.Е. Кириллова

Есть много людей, которые требовательны к другим; гораздо меньше тех, кто в такой же степени последовательно требователен к себе, во всем. Все больше и больше появляется жаждущих путешествовать и смотреть на мир, но далеко не все ставят перед собой гораздо большую задачу – изучать этот мир через язык, через книги, через друзей. Во все времена существовали знающие и подготовленные преподаватели, но очень немногим удается привить

у своих учеников любовь к своему делу, к своему предмету, и тогда возникает особая связь, которую никогда не разорвать, ни временем, ни расстоянием. Такие люди вызывают восхищение никогда не угасающей энергией, энтузиазмом, азартом к жизни. Тем более тяжело, когда они уходят из этой жизни, но никогда из памяти. Людмила Михайловна была нашим учителем, коллегой и другом. Светлая память.

В кафе «Парижанка» с Н.Ф. Бондарь, Татьяной и Андреем Преображенскими

В.М. Сулова
учитель МОУ СОШ № 6

Мы были первыми студентами в ее карьере в высшей школе. И как-то сразу поняли, что это не похожий на других преподаватель. Она и, правда, была особенным человеком – честным, открытым, знающим свое дело, требовательным к другим, но в первую очередь к себе.

Сопровождала приехавшего к нам в Вологду голландского переводчика произведений А.С. Пушкина Ханса Боланда. Побывала в Голландии, самостоятельно изучила голландский язык, потом преподавала его в языковой школе. Именно ее голландские друзья организовали ей поездку в Британию, с удивлением обнаружив, что преподаватель такого высокого класса не бывала в стране изучаемого языка.

Позже изучила итальянский, потом обучала желающих, сама ездила не раз в Италию. Ее одинаково рады были видеть в вологодском музее Красный мост, в американской семье учителей, на занятиях по подготов-

ке к международным экзаменам, на конференции врачей или юристов. Да где угодно! Она излучала свет. Она была надежным и мудрым наставником. Энциклопедией в языке. Образцом специалиста высшей пробы.

Сколько помню, на кухонном окне у нее стояли разные растения, в разнокалиберных горшках. Одни были крошечными, другие – слишком вытянувшимися, а потому подпертыми палочкой и для верности даже привязанными к ней простой тесемкой. И всех их она любила, нежно поливала, следила, чтоб на листьях не оставалось капель, потому что бивший почти весь день в ее окна солнечный свет на Герцена, 45 мог обжечь. А они бывали такими неказистыми и даже неинтересными.

Так и с нами – каждый пришедший пообщаться получал такую порцию внимания и любви, что казался себе в эти минуты единственным и неповторимым для нее...

Светлая память.

Людмила Михайловна была одним из лучших преподавателей, которых я встречала в своей жизни, и мне невероятно сложно поверить, что ее больше нет с нами.

Я никогда не видела человека, который был бы так увлечен изучением иностранных языков и культур, который бы не терял мотивацию – даже когда казалось, что все высоты уже достигнуты. А ведь такой пример значит куда больше, чем любые слова.

Ее уроки всегда были потрясающе насыщенными: голова взрывается от количества информации, и ты готов работать еще в 3 раза интенсивнее. Людмила Михайловна действительно была очень требовательной. Ни один другой преподаватель не задавал мне столько домашних заданий. Подготовить пересказ, написать сочинение, прочитать огромный текст, выучить миллион новых слов... А по дороге домой мне вполне могла прийти смс-ка: «Еще 2 страницы вот той грамматики, Вы же помните, да?» Но результат говорил сам за себя.

Ради ее уроков я прогуливала лекции, готова была не спать полночи и отказаться от каникул. При этом Людмила Михайловна всегда беспокоилась обо мне и пыталась заставить отдохнуть хоть чуть-чуть – по крайней мере, не заниматься 3 января, например, или уйти хотя бы на месяц на летние каникулы.

Ее вдохновенные рассказы о путешествиях можно было слушать бесконечно. И если я приходила к ней «на часок» после какой-нибудь ее поездки, то мы неизменно просиживали до самого вечера.

Меня всегда поражал не только огромный кругозор Людмилы Михайловны, но и ее желание постоянно развиваться. Например, она часто читала книги на том иностранном языке, которым меньше всего пользовалась в данный момент. А еще, я восхищалась ее любовью к природе, к прогулкам, катанию на велосипеде и лыжах. В каникулы я могла написать ей какую-нибудь понравившуюся цитату из книги, а она отвечала через неделю со словами, что извиняется за долгое молчание – была в деревне, наслаждалась лесом, природой... И я, провалявшаяся на диване все это время, чувствовала угрызения совести.

Людмила Михайловна всегда с радостью училась у своих учеников. Знала, что я люблю спорт, и просила приносить списки футбольных терминов и других околоспортивных словечек. Или присылать совре-

менный рэп с использованием определенной грамматики. А как-то раз посоветовалась со мной насчет перевода одного ругательного выражения с русского на итальянский. Я предложила несколько вариантов, и она ответила: «Марина, откуда Вы такие слова знаете?» – «Так... Вы сами меня им научили, Людмила Михайловна!» – ответила я. Язык, он... многогранен.

Но Людмила Михайловна открывала не только иностранные языки русскоязычным, но и русский – иностранцам. Мне особенно запомнились ее рассказы о том, как она учила вьетнамских мигрантов. Пару десятков лет назад в Вологду приехали сотни вьетнамцев в поисках лучшей жизни для своих семей. Контракты были очень жесткие: около трех лет они не имели права возвращаться во Вьетнам даже на несколько дней, должны были постоянно жить в Вологде. Им организовали обучение, и Людмила Михайловна вела одну из групп. С присущей ей скромностью она говорила, что хотела отказаться, сомневалась, справится ли. Ведь учить группу мужчин (образование у них раздельное) ей предстояло без языка-посредника. Людмила Михайловна вспоминала, что самым сложным было объяснить, что «Людмила» – это имя, а не перевод слова «учительница», так как во Вьетнаме принято обращаться к преподавателю именно «учительница».

Эти вьетнамские ребята вряд ли задумывались, у преподавателя какого уровня им довелось поучиться, но навсегда остались ей благодарны за то, что она стала их проводником в жизнь в России. И даже спустя много лет, встречая ее на улице, они здоровались и благодарили.

За несколько дней до смерти Людмилы Михайловны в одной итальянской песне я услышала такие слова: *gli invisibili che salveranno il mondo* («невидимки, на которых держится мир»). И подумала, что ведь они – и про Людмилу Михайловну тоже.

В Италии среди старшего поколения по-прежнему распространена такая примета: если ребенок подержится за руку светловолосой женщины, ему будет сопутствовать удача. Людмила Михайловна говорила, что бабушки на улицах в Италии нередко подводили к ней своих внуков. И думаю, что в жизни каждого, кого коснулась добрая рука Людмилы Михайловны, стало немного больше света. А ведь это, наверное, самое дорогое, что может оставить после себя человек. И я всегда буду ей за это благодарна.

Hans Boland

нидерландский филолог-славист, переводчик

Из письма Анне Манойловой:

Милая Аня,

Большое, большое спасибо за известие, хотя оно ужасно печальное. Если Люся уходит, вместе с ней уйдет моя последняя, глубокая, любимейшая связь с Россией. Как-то раз я уезжал из Вологды в Питер, а Люся, как всегда, меня провожала. Когда проводница, еще совсем молодая женщина, закрыла дверь вагона и поезд тронулся, она обернулась ко мне и сказала с восхищением: «Какая замечательная женщина!» «Особенная!» или что-то похожее добавила. Она ни словом не обменялась с Люсей и сумела поглядеть на

нее не больше пары минут... Люся на самом деле была уникальным человеком, уникальной доброты и эмпатии, и, вместе с тем, полным самого мягкого, самого интеллигентного юмора и ума. Неудивительно, что мои родители, мама и папа, оба вспоминали ее часто и всегда с большущей любовью. Если удастся, передай ей это, пожалуйста, Аня, и передай ей мою бесконечную благодарность за то, что она подарила мне, а также Ven en Grada и всем моим родным, которые были так счастливы с ней познакомиться. Ее душевное богатство не покинет меня никогда. Она и при жизни была ангелом.

Анна Манойлова (в центре) с Хансом Боландом и его мамой Градой. Санкт-Петербург

Sherri Brock Holzhausen

США

Celebrating the wonderful life today of my friend on the right in this picture, Lyudmilla Nakleishikova. She taught me so much more than Russian culture and language.

Today, through tears of joy and sorrow, I thank God for the life of my friend, Lyudmilla Mikhaelovna Nakleishikova.

I see her face through a train window waving goodbye. I see her waving goodbye from her apartment window after one of our long conversations. I see her delight in a book, a piece of chocolate, a letter from a friend. I hear her voice encouraging me to speak in Russian or sharing some piece of Russian history that she thought important for me to know. I remember her patience as she answered questions from me or other Americans visiting Vologda. I see her concern for the needs of others. I see

her intently challenging her students to rephrase their question, express their opinions and reflect on the changes around them. I hear her laughter as I tell her about something silly I said in Russian.

I met Lyuda in the post office in Vologda, Russia in September of 1993 as I was trying to buy stamps. Little did I know that from that moment on, she would become one of my dearest friends in Vologda. Through her, God opened my heart and my eyes to new experiences and new friends who have made my life richer, kinder, stronger, braver. Lyuda is that unique person sent by God to make life somehow more joyful and adventure-some. She never stopped learning. She never stopped teaching.

My heart is full of gratitude for our friendship. My heart somehow cannot imagine that my next trip to Vo-

logda will not include a cup of tea or coffee with my dear friend.

I am just one life God touched through Lyuda. There must be hundreds just like me whose lives will never be the same because of her. Thank you, God for her life, her joy, her laughter, her knowledge and her friendship.

May God comfort her family and friends in this loss. I am heart-broken that I cannot be there with all of you. I am filled with hope and comfort that God has welcomed her home. So, my dear friend, Lyuda, it is not goodbye that I say, but until we meet again. Светлая Память! До встречи!

Н.М. Исакова, Шерри и Л.М. Наклейщикова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахина Людмила Юрьевна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

lastakhina@yandex.ru

Амахина Светлана Рудольфовна

старший преподаватель кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

svetlanaamaa@gmail.com

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

beznin@uni-vologda.ac.ru

Бредихин Алексей Леонидович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

axel_b@mail.ru

Бурсина Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

olgasazanova@yandex.ru

Гладких Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ученый секретарь Котласского краеведческого музея (Котлас, Россия)

sgladkih@inbox.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

dimonitm@vogu35.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

lveg@yandex.ru

Есипов Валерий Васильевич

кандидат культурологии, независимый исследователь, писатель, журналист (Вологда, Россия)

valery.esipov@gmail.com

Ефремова Людмила Леонидовна

главный архивист отдела ИПС Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)

9211231856@mail.ru

Зейферт Елена Ивановна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

elena_seifert@list.ru

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

lyudmila.zorina@gmail.com

Иванова Валентина Яковлевна

кандидат филологических наук, кандидат культурологи, доцент кафедры новейшей русской литературы института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ИФИЯМ ИГУ) (Иркутск, Россия)

i_valya@mail.ru

Киселева Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

olgakiseleva03@mail.ru

Комлева Наталья Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
k.nati@mail.ru

Котов Петр Павлович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия)
kotovpetr55@mail.ru

Першина Анна Борисовна

главный архивист отдела использования и публикации Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)
anna5577anna@yandex.ru

Рябова Екатерина Васильевна

учитель русского языка в средней общеобразовательной школе № 20 имени героя Советского Союза Долгова Владимира Константиновича (Вологда, Россия)
rbova945@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gvs035@rambler.ru

Федоров Александр Борисович

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
kafedraip@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Amakhina Svetlana Rudolfovna

Senior Lecturer of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
svetlanaamaa@gmail.com

Astakhina Lyudmila Yurievna

Doctor of Philology, Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
lastakhina@yandex.ru

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Bredikhin Aleksey Leonidovich

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
axel_b@mail.ru

Bursina Olga Alekseevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
olgasazanova@yandex.ru

Gladkikh Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Scientific Secretary of the Kotlas Museum of Local Lore (Kotlas, Russia)
sgladkih@inbox.ru

Dimoni Tatiana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Esipov Valery Vasilievich

Candidate of Cultural Studies, Independent Researcher, Writer, Journalist (Vologda, Russia)
valery.esipov@gmail.com

Efremova Lyudmila Leonidovna

Senior Archivist of the Information Systems Office, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
9211231856@mail.ru

Seifert Elena Ivanovna

Doctor of Philology, Professor of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
elena_seifert@list.ru

Zorina Lyudmila Yurievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
lyudmila.zorina@gmail.com

Ivanova Valentina Yakovlevna

Candidate of Philology, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
i_valya@mail.ru

Kiseleva Olga Anatolievna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Vologda State University (Vologda, Russia)
olgakiseleva03@mail.ru

Komleva Natalya Valentinovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
k.nati@mail.ru

Kotov Petr Pavlovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the National History Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)
kotovpetr55@mail.ru

Pershina Anna Borisovna

Senior Archivist of the Department of Usage and Publication, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
anna5577anna@yandex.ru

Ryabova Ekaterina Vasilievna

Russian teacher, Secondary School № 20 named after Hero of the Soviet Union V.K. Dolgov (Vologda, Russia)
rabova945@gmail.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilievich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Fedorov Alexander Borisovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
kafedraigp@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 2 (21) / 2021

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 18.06.2021 г. Выпуск в свет 30.06.2021 г. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 74 экз. Заказ № 624. Цена свободная

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: ООО «Издательство «Сад-огород», г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20а
тел.: 8(8172) 73-12-22; e-mail: vologdapost@yandex.ru